

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Школа медиакommunikаций
Института общественных наук

Ошибка

Теория и практика
гуманитарных исследований

*Сборник научных трудов проекта
NOT ONLY 2019*

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2020

УДК 800/81
ББК 80
О19

Редакционная коллегия:

Глазков А.В., канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва)

Глазкова Е.А., канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва)

Рецензенты:

Стефаньски Р., д-р полит. наук (Польша, Кельце)

Лисицын А.Г., канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва)

Ошибка: Теория и практика гуманитарных исследований:

О19 сборник научных трудов проекта NOT ONLY 2019. — Москва :
Издательский дом «Дело», 2020. — 172 с. ISBN 978-5-85006-232-3

В настоящем сборнике представлены труды участников международного интердисциплинарного проекта NOT ONLY. Идеей проекта является обсуждение проблем, представляющих интерес для гуманитарных наук, с различных точек зрения. Тематика сборника NOT ONLY 2019 — ошибка. Концепт «ошибка» анализируется с позиций лингвистики, философии, литературоведения, менеджмента, истории. Сборник адресован научным работникам, аспирантам, студентам, всем интересующимся гуманитарными исследованиями.

УДК 800/81
ББК 80

ISBN 978-5-85006-232-3

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Батулина А.</i> Нормативность факта языка в сознании «наивного лингвиста»	5
<i>Борюшкина Е.</i> Ошибки в изданиях русских букварей и азбук	18
<i>Глазкова Е.</i> Когнитивная модель понятия «ошибка»	24
<i>Захарова М.</i> Ребрендинг: панацея или ошибка?	38
<i>Иваненко А.</i> К вопросу о природе возникновения ошибок при употреблении глаголов детьми-билингвами	51
<i>Иванова Е. (А. Ванова)</i> Стереотипизация ошибок в связи с принятием решений	60
<i>Кошелева Т.</i> От ошибки восприятия текста к возникновению языковой единицы (об истории некоторых фразеологизмов русского языка)	70
<i>Ксёнжек А.</i> Ошибки в употреблении однокоренных эквивалентов в польско-русской коммуникации	78
<i>Лещак О.</i> Концептуализация ошибки: постановка проблемы	91
<i>Позерт И.</i> Типология ошибок в устной и письменной речи школьников и студентов	111
<i>Румянцева О.</i> Ошибка в учебнике: о некоторых методических приемах ее исправления	122
<i>Стецюк Е.</i> Исключенные по ошибке: репрезентация «Храма народов» в американских печатных СМИ (1978–2018)	127
<i>Zamojski A.</i> Transformacja tożsamości Europy w świetle koncepcji Ideologicznego Podsystemu Sterującego (IPS)	148

Нормативность факта языка в сознании «наивного лингвиста»

Анна Батулина

*Россия, Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого*

Аннотация. В статье рассматриваются метаязыковые контексты, в которых вербализуются представления рядовых носителей языка о нормативном статусе языковых единиц. На материале Национального корпуса русского языка выявляются особенности интерпретации языковых явлений, коррелирующие с научными концепциями, и рекомендации, имеющие мифологические черты.

Ключевые слова. Обыденное метаязыковое сознание, метаязыковая рефлексия, наивная лингвистика, языковая норма.

Практически все исследователи метаязыковой рефлексии отмечают мифологичность обыденных представлений о языке: лингвистические воззрения носителей языка «далеко не всегда основаны на вымысле, но они всегда представляют собой некое упрощение реального положения дел, абсолютизацию одного из свойств объекта» [Шумарина: 161].

В неявном виде обыденные представления о языке отображаются в продуктах речевой деятельности говорящего и не поддаются прямому

наблюдению. В явном, осознанном виде лингвистические воззрения носителей языка представлены в оценочных ремарках, поправках, корректирующих репликах по поводу нормативности / ненормативности того или иного факта языка. Осознанная метаязыковая рефлексия, вербализованная в метаязыковых контекстах, является предметом нашего внимания.

Материалом исследования послужили основной и газетный подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

Появление рефлексивных высказываний связано в первую очередь не с соблюдением языковых норм, а с их нарушением, поэтому многие устойчивые конструкции обыденной метаязыковой рефлексии содержат в своем составе слова с семантикой отрицания (предикаты *нет*, *нельзя*, частицу *не*): *так не говорят (у нас / по-русски)*, *нельзя так говорить*, *нет такого слова*. По данным НКРЯ, выражение *нет такого слова*, являющееся и средством оценки, и аргументом, характеризует и языковые, и речевые ошибки. Оно используется преимущественно по отношению к лексике ограниченного употребления: терминам, устаревшим словам, заимствованиям, неологизмам, в просторечии — и редким грамматическим формам:

- 1) — *Не хотелось бы, правда, так нелепо пропадать...*
— *А если лепо?*
— *Нет такого слова, Димка. А если не задаром, тогда можно* (А. П. Гайдар. Р.В.С. (1925));
- 2) [*Саша, nick*] [*Персинваль, nick*] *По тому тексту, который я читал, понял, что вариабельность поведения — это коэффициент, который показывает, насколько разная реакция может быть у объекта на условно одну и ту же ситуацию. [Crazy Zoologist, nick] Нет такого слова «вариабельность». Есть «вариация»* (Форум (2007));
- 3) — *Крепко маленькие дети спят. Ты мог бы уснуть стоя или даже вися?*
— *Нет такого слова — вися* (Екатерина Завершнева. Высотка (2012)).

Приведенные комментарии иллюстрируют «литературоцентристский» миф, согласно которому весь русский язык

отождествляется с литературной нормой [Лебедева: 51], то есть если слова нет в литературном языке, то его нет вообще.

С другой стороны, русский язык отождествляется с индивидуальным речевым опытом говорящего: если я не знаю этого слова или оно мне не нравится, значит, его не существует:

- 1) *О Плеханове у меня сказано для дураков, которые ни в чем не разбираются. Суть — я не употребляю это слово. Выглядит — не русское слово. Целокупный, как Аверинцев пишет, — нет такого слова в русском языке!* (В. В. Биbihин. Алексей Федорович Лосев (1971));
- 2) — *Михаил, я хотел спросить вас как известного клипмейкера...*
 — *Не называйте меня так! — неожиданно возмутился Хлебородов.*
 — *Нет такого слова. Его Серега Мирот от нечего делать придумал. А мы — режиссеры! — гордо завершил он тираду* (Евгений Ловчев. ГиП (1997) // Столица. 1997. 27 мая).

Малоупотребительные (профессиональные, диалектные) слова в восприятии «наивного лингвиста» также попадают в разряд несуществующих:

Меня преследуют слова детства. Иногда я не знаю, куда мне от них деваться. Например, одоробло. Нет такого слова, оказывается, а во мне есть. Это плохая, неуклюжая мебель, неподъемная кладь, это то, что ни в дверь, ни в окно. Гроб с покойником в пятиэтажке. И хоть бы одно, хоть бы одно из моих детских слов несло счастливое содержание (*Галина Щербакова. Эмиграция по-русски...// Огонек. 1991. № 9 (3319)*). Ср. удоробье: 1. О ком-л. или чем-л. плохом [НОС: 88].

Особые смысловые оттенки реплика нет такого слова приобретает, когда употребляется применительно к словам, подвергающимся эвфемизации:

- 1) *Не произносили слова «последний».*
 — *Давай зайдём в последний раз...*
 — *Ты что, сдурел? Нет такого слова... Крайний... ну, четвертый, пятый... А этим здесь не пользуются...*

У войны — подлые законы: сфотографировался перед тем, как идти на боевые, — убили, побрился — убили (Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики (1984–1994);

- 2) — **Садись**, чего стоять-то?

Парень улыбнулся:

— **Так не говорят**, отец. Говорят — присаживайся.

— Ну — присаживайся. А пошто не говорят? У нас говорят.

— Присесть можно (Василий Шукшин. Охота жить (1966–1967)).

Как можно заметить из приведенных примеров, метаязыковые высказывания о недопустимости того или иного слова или выражения могут спровоцировать ответную метаязыковую реакцию собеседника, не согласного с предлагаемой интерпретацией языкового факта. Контрагументами служит указание на языковой обычай (*у нас говорят, все так говорят, сама так говоришь*):

- 1) *Кроме того, в Питере, например, проводится профессиональный конкурс «Супермент», а в одном из материалов в сети Интернет психолог МВД сказал, что «мент — это звучит гордо!» Сама Анна Дмитриевна... признавать себя виновной не собирается.*

— *А чем же я их оскорбила-то? Сейчас же все так говорят*, — искренне недоумевает она (Ольга Ведерникова. Я могу не дожить до следующего суда // Комсомольская правда. 2010. 12 февраля);

- 2) — *Замандюрилось биточков из тюльки пошамать!*

— *Так нельзя говорить!*

— *А как? — искренне удивлялась я.*

Мама некоторое время думала:

— *Надо говорить: «Вошла в голову блажь поест котлет из тюльки». Хотя мама и сама всю (мою) жизнь называла котлеты из тюльки «биточками»* (Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)).

Выражения *так не говорят, так нельзя говорить* менее категоричны, апеллируют к мнению языкового коллектива, языковому

обычаю. Используются применительно к грубым, жаргонным словам, лексике, имеющей отрицательную языковую или речевую коннотацию, но не только к ним:

- 1) *Детишки красили яйца, песни звучали в аулах... Кстати, об аулах. По-моему, красивое слово, гордое, горское слово, но когда я его произнес, меня поправили:*
 — **«Аул» — так не говорят. Неприлично. Людей оби-
 жаешь. Скажи «селение»»** (Мурад Аджиев. Молчаливые табасараны // Вокруг света (1990));
- 2) *И когда родители в их присутствии говорят:*
 — *А, это один черномазый...*
Ребенок делает замечание:
 — *Папа, так нельзя говорить, это неприлично* (Елена Ханга. Про все (2000)).

По нашим наблюдениям, метаязыковой комментарий помимо указания на невозможность или нежелательность употребления языковой единицы часто включает в себя и обоснование этой нежелательности. В качестве оснований для отрицательной оценки используются метаоператоры *это неприлично, это неграмотно, невежливо, не по-русски, раньше так не говорили, это несвойственно русскому языку.*

Возможно привлечение лингвистических сведений:

- 1) — *Думать туман — это одно, а думать про туман — это совсем другое... и кому это нужно — думать про туман, неизвестно.*
Виктор вытащил сигарету и закурил.
 — *Погоди, — сказал он.*
 — *Думать туман — так не говорят, это неграмотно. Есть такие глаголы — непереходные: думать, бегать, ходить. Они всегда требуют предлога. Ходить по улице* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Гадкие лебеди. (1967));
- 2) *Мы говорим суши — па-а-адразумеваем суси! Что едят в японских ресторанах — ты знаешь. Собирательное название японской еды в России — суси (или суши). Как это правильно говорить — суши или суси? Не вдаваясь*

в подробности и не занимаясь фигней, доношу до твоего сведения: правильно — суси. Нет звука «шэ» в японской речи (Александр Черных. Москва — Токио // Хулиган. 2004. 15 августа).

Приведенные контексты неодинаковы с точки зрения корректности лингвистической информации: в первом примере различие между переходными и непереходными глаголами описано верно, во втором примере рассуждения о фонетической системе японского языка не соответствуют действительности.

В комментариях последних лет в качестве авторитетного источника аргументации используется текстовый редактор Microsoft Word, встречаемость в интернете:

- 1) *Любопытная деталь: когда я набирал слово «державность», компьютер подчеркнул его красным, мол, нет такого слова в русском языке. А вы говорите...* (Лариса Кафтан. Графика Дмитрия Полухина. Путин вырывает между боярами и социализмом // Комсомольская правда. 2005. 15 марта);
- 2) *Петербургжцев задело, почему о массовом отключении электричества им объясняют с помощью непонятных иностранных слов. Слова «блэкаут» не знает ни текстовый редактор Ворд, ни словари Даля, Ожегова, ни даже Большой словарь иностранных слов. Очередной неологизм только в эти выходные появился с легкой руки журналистов* (Алексей Грибов и др. Блэкаут в Петербурге произошел из-за старого кабеля, заменить который стоит копейки? // Комсомольская правда. 2010. 24 августа).

Примечательно, что во втором примере при перечислении источников, к которым журналист обращается с целью определить нормативность варианта, на первом месте — текстовый редактор Word, а на втором — словарь В. И. Даля, который не является нормативным и практически не содержит заимствований. Появление в однородном ряду таких разноплановых изданий, как Словарь В. И. Даля и Словарь С. И. Ожегова, свидетельствует о том, что в обыденном метаязыковом сознании (даже в сознании журналиста) размыты представления о хронологических

границах литературного языка, нормативном и ненормативном типе словаря.

Как показывает наш анализ метаязыковых контекстов, обращение к академическим словарям при поиске ответа на вопрос о нормативности варианта «наивным лингвистам» не свойственно. Аргумент *нет в словаре* имеет всего восемь вхождений в исследуемом сегменте НКРЯ и используется исключительно филологами, писателями, переводчиками. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением ученых кемеровской школы: «В металингвистическом сознании рядовых носителей языка бытует представление, что словарь... — высший авторитет во многих спорных вопросах» [Лебедева: 56].

Таким образом, аргументирующая часть метаязыковых контекстов в той или иной степени соотносится с каждым из четырех традиционно выделяемых критериев нормативности языкового варианта: соответствием речевого употребления системе, культурно-речевой традицией, употребительностью, авторитетностью источника [Культура русской речи: 284], но не совпадает с ними. Метаязыковые контексты апеллируют лишь к одному из условий нормативности, однако для признания варианта нормативным необходимо одновременное действие по крайней мере трех факторов: регулярности, употребления в официальных ситуациях, использования образованными людьми. Речь СМИ в современной языковой ситуации не всегда является речью образованных людей, поэтому приведенный аргумент к регулярности *все так говорят* не свидетельствует о нормативности варианта.

Нередко высказывания по поводу нежелательности того или иного слова или выражения повторяются различными комментаторами в различных текстах. Так, в обыденном метаязыковом сознании речь малограмотного человека характеризуется «стандартным» набором языковых ошибок:

- 1) *настоящей бедой стало употребление слова «ложить» вместо «класть» и «положить» или местоимения «ихний» вместо «их»* (Никита Шевцов. Правильно ли мы говорим // Труд-7. 2006.14 июля);
- 2) *некоторые чиновники плохо владеют отечественным языком, говоря «средствА», «ложить», «ихний». Это наши*

депутаты Законодательного собрания, политики (Алла Александрова. Южноуральские чиновники плохо владеют родным языком // Новый регион 2. 2011. 3 февраля);

- 3) *мое личное достижение — я приучила своих менеджеров слушать по радио «Эхо Москвы» программу про русский язык. Они у меня девушки простые, поэтому я постоянно слышала «звОнит», «Эксперт» и «лОжить» (Какими достижениями на работе вы особенно гордитесь? // Труд-7. 2009. 16 сентября).*

Приведенные примеры подтверждают наблюдение, что знание языка у его носителей отождествляется с владением языковыми нормами, в первую очередь орфоэпическими [Лебедева: 51]. Можно заметить, что приведенные в качестве «отрицательного материала» слова имеют разный нормативный статус (вариант *звОнит* в современных толковых словарях имеет помету «допустимое», *ихний* — разговорное) [БТС]. Таким образом, разговорный, «естественный» язык воспринимается как искажение, «порча» книжного, письменного языка [Лебедева: 51].

Массовый характер метаязыковых высказываний, осуждающих употребление того или иного выражения, не гарантирует их истинности с научной точки зрения. Стереотипные представления, устойчивые заблуждения относительно правил употребления языковых единиц порождают так называемые ортологические мифы [Шумарина: 165]. Показательный пример — многочисленные комментарии о недопустимости глагола *извиняюсь* в перформативном употреблении:

- 1) — *Полечу. Извиняюсь, товарищ генерал.*
— *Кстати, усвойте, лейтенант Ночкин, поборник патриархата: говорить «извиняюсь» невежливо. Это значит: «извиняю себя», «снимаю с себя вину». Люди воспитанные говорят: «Извините» или «Извините, пожалуйста», а по уставу: «Виноват». Поняли?» (Ирина Грекова. На испытаниях (1967));*
- 2) — *Мне понравилось, как вы смотрите на книги. Но, простите за педантизм, говорить «извиняюсь» нескромно. Этим вы как бы извиняете сами себя. Надо говорить «извините» (Евгений Евтушенко. Ягодные места (1982));*

- 3) — *Если я вас подвел, — выдавил он из себя с трудом, то я извиняюсь!..*
 — *Нет такого слова, — буркнул Волков, — в природе не существует.*
 — *Какого? — не понял Игорь.*
 — *Извиняюсь. Такого слова нет, по крайней мере в русском языке. Можно сказать «извините» или «прошу прощения».*
 (Татьяна Устинова. Там, где нас нет).

Бытующее в сознании носителей языка мнение, что «“невежливо” вместо *извините* говорить *извиняюсь*, потому что это значит “извиняю себя”» [Булыгина, Шмелев: 148], много раз опровергалось лингвистами [Шумарина: 166–167]. Л. И. Скворцов описал движение формы *извиняюсь* от просторечия (конец XIX века) к сфере обиходно-разговорной речи: «советские лингвисты еще в 20-е годы убедительно доказали запоздалость запретов, налагаемых на это слово ревнителями чистоты русского языка» [Скворцов]. Подобно другим распространенным лингвистическим мифам, данное заблуждение исследователи объясняют «глубинным мифологическим представлением о симметрии языкового знака, ненормативности формального и семантического варьирования языковой единицы» [Шумарина: 166].

В комментариях о нежелательности употребления перформатива *извиняюсь* проявляется еще одна черта «наивного языкового сознания» — нежелание признавать изменчивость языка, неприятие изменений, происходящих на всех уровнях языковой системы [Лебедева: 50].

Рекомендации, отражающие представление о стилистическом расслоении языка и наличии в нем помимо кодифицированной узуальной нормы, менее частотны. Они выражаются конструкциями *лучше сказать, лучше не говорить, правильнее сказать*:

- 1) *Как-то не совсем, наверное, правильно говорить о выдающемся хирурге, ученом, «безумно популярен»* (Владимир Молчанов. И дольше века... (1999–2003));
- 2) — *Терпеть не могу таких имен: Валерик, Виталик, Владик, Алик... Только и слышишь: ик, ик, ик... Это заикание, по-моему, ужасно не свойственно русскому языку <...>*

- Интересно. Значит, нельзя говорить Виталик?
- Не то что нельзя, а лучше не надо (Ирина Грекова. Дамский мастер (1963)).

В метаязыковых комментариях представлены разные виды стилистической окраски слов и выражений. Предметом рефлексии становится как территориальная, так и социальная маркированность:

- 1) *Мой одесский язык хорош настолько, что позволяет мне свободно общаться в среде носителей. Никогда на одесском привозе во мне не вычислят москвичку, потому что я не спрошу, сколько стоят (только «почем») помидоры и не оскорблю синий ругательным для него словом баклажан* (Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011));
- 2) *[k26, муж] 1 — полное отрицало (извиняюсь за уголовный жаргон), кидаться при каждом случае в драку* (Коллективный форум. Дедовщина и неуставные отношения. Кто есть кто в современной армии (2011–2013)).

Встречаются контексты, в которых территориальная маркированность и соответствие/несоответствие норме интерпретируется как социальный знак:

Потом в палате молодые родихи (я понимаю, что правильно «родильницы», но это не по-русски; «сорок килоМетров» — говорили в нашей деревне мужики, и где-нибудь в Англии это, может, и килоМетры, а по нашей дороге сорок этих самых будет исключительно с ударением на о; или: «я пошла к детЯм» — тоже по-русски гораздо правильнее, потому что «к дЕтям» — это когда из гостинной в детскую, а когда из очереди в коммуналку, то сугубо «к детЯм») (Татьяна Набатникова. День рождения кошки (2001)).

В рассуждениях по поводу стилевой отнесенности слова особенно ярко обнаруживается прагматическая ориентация обыденного метаязыкового сознания. Носитель языка осознает, что точность речи имеет приоритет над правильностью:

- 1) *Огородами они дошли до Крапивной, небольшой косорылой улочки. Об улицах так не говорят, но другого слова нет.*

Крапивная была косорылой... Полдень висел в разгаре, и солнце нежно лучилось над головами. Они свернули, чтобы выйти к реке и брести дальше, до главной улицы (Александр Силаев. Подлое сердце родины (2007));

- 2) — *Это я родила его в этом месте и в это время. И я его родила на счастье, а не на серый будень.*
— *Так не говорят, — ответила Жанна.*
— *Знаю. Я нарочно. Я подчеркиваю смысл (Галина Щербакова. У ног лежащих женщин (1995)).*

В данном случае позиция «наивного лингвиста» не противоречит научному знанию (культурно-речевым рекомендациям).

Таким образом, в сознании «наивного лингвиста» имеется представление о неодинаковой степени жесткости нормы: метаязыковые контексты, описывающие стилистическую маркированность единиц, мягче и вариативнее, чем комментарии относительно языковых вариантов. В то же время значительная часть бытовых представлений о нормативности варианта базируется на различных ортологических мифах, связанных с субъективным взглядом носителей языка на функционирование языковых единиц. Наблюдения над стилистической окраской, уместностью употребления вариантов ближе к научным, что, видимо, объясняется прагматической ориентированностью обыденного метаязыкового сознания. В то же время обыденное «наивные лингвисты» склонны использовать вместо трехместной шкалы («правильно» — «допустимо» — «неправильно») двухместную: «правильно» — «неправильно».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001.
2. БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts>. Дата обращения: 09.04.2019.

3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в лингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 146–161.
4. Еськова Н. Тоже мне профессор: пинжак через «д» пишет // Наука и жизнь. 2000. № 3. С. 43.
5. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100 000 слов. М.: Русский язык, 1987.
6. Иванова Т.Ф., Черкасова Т.А. Русская речь в эфире. Комплексный справочник. М.: Русский язык, 2000. С. 141–142.
7. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–343.
8. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003.
9. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 56–71.
10. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> Дата обращения: 18.03.2019.
11. НОС — Новгородский областной словарь. Вып. 11. Новгород, 1995.
12. Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pomogala.ru/rusky/skvortsov_bolshoy_tolkovy_slovar.html. Дата обращения: 09.04.2019.

NORMATIVITY OF THE FACT OF LANGUAGE IN THE CONSCIOUSNESS OF “NAIVE LINGUIST”

ANNA BATULINA

Abstract. The article deals with the metalanguage contexts in which the ideas of ordinary native speakers about the normative status of language units are verbalized. On the material of the National Corpus of the Russian language the peculiarities of interpre-

tation of linguistic phenomena correlating with scientific concepts and recommendations having mythological features are revealed.

Keywords. Ordinary metalanguage consciousness, metalanguage reflection, naïve linguistics, language norm.

Адрес автора: b.av@bk.ru

Ошибки в изданиях русских букварей и азбук

Екатерина Борюшкина

*Россия, Московский городской педагогический
университет*

Аннотация. В статье описываются ошибки, допущенные в современных изданиях исторических букварей и азбук. Анализу подлежат букварь Кариона Истомина издательства «Белый город» (2014), «Азбука в картинах» А. Н. Бенуа издательства «Рипол классик» (2014), «Азбука» Е. М. Бём издательства «Книга плюс» (2013).

Ключевые слова. Ошибка перевода, ошибка в издании, азбука, букварь, Бенуа, Карион Истомин, Е. М. Бём.

Издание исторических азбук зачастую связано с рядом проблем. Научная публикация подобных памятников предполагает факсимильное издание, сопровождаемое необходимым научным комментарием. Современные издательства часто берутся за ненаучное переиздание исторических букварей и азбук, рассчитывая на широкую, в том числе детскую, аудиторию. И в этом случае возникают проблемы, связанные, во-первых, с изменением состава алфавита, а во-вторых, с необходимостью комментирования и даже перевода отдельных

фрагментов текста. Такие проблемы требуют привлечения к работе над изданием узких специалистов — историков языка. Это требование чаще не выполняется современными издательствами, что ведет к ряду казусов и ошибок. Известные нам случаи будут описаны в данной статье.

Обратимся к переизданию букваря Кариона Истомина (1694 г.) издательством «Белый город». Книга вышла в 2014 году в серии «В помощь учителю» в виде набора репродукций с комментариями некой Екатерины Малининой. Именно комментарии к тексту вызывают серьезное недоумение. Во-первых, хочется понять, что именно они собой представляют — перевод или транслитерацию слов книги? Такие примеры из комментариев, как *муравей* вместо *мравий* в тексте, *лестница* вместо *лествица*, *пуговица* вместо *пугвица*, *оса* вместо *осва* и другие подобные, говорят о том, что перед нами перевод. Однако одновременно находим в комментариях и ряд примеров транслитерации текста с приведением в скобках перевода: *сковрада* (*сковорода*), *елень* (*олень*), *черемха* (*черемуха*), *усерязь* (*сережка*), *удица* (*удочка*), *сткляница* (*склянка, стакан*). Получается, что общий принцип комментирования не определен. Во-вторых, находим в тексте комментариев ряд фактических ошибок. Мы распределили их на четыре группы: 1) слово потеряно при комментировании; 2) слово оставлено без перевода; 3) перевод слова не верен; 4) транслитерация слова не верна.

В комментариях перечисляются слова со страниц букваря Кариона Истомина. Однако оказались пропущены слова *Азѣ*, *Часть .а. земли Асія*. Вероятно, ошибка связана с тем, что автор комментариев не увидела слова. Слово *азѣ* находится в необычном для текста месте — верхнем левом углу страницы. Надпись «*Часть .а. земли Асія*» сливается со штриховкой, рисунком травы в левом нижнем углу страницы оригинала.

Без перевода оставлены слова *цехнилатѣ*, *тарель*. Перевод слова *цехнилатѣ* представляет собой настоящую научную проблему. Ни один исторический словарь древнерусского языка не приводит этого слова. Кто же такой *цехнилат*? Рисунок в букваре абстрактно представляет небольшого зверька, передвигающегося на четырех лапах, имеющего хвост, и вряд ли

может помочь дать ответ на поставленный вопрос. В словаре к факсимильному изданию 1981 года существительное *ιχνηλάτῃς* переведено как *горноста́й*. Но на каком основании?

Известно, что в древнегреческом языке есть глагол *ἵκνεύω* [ihneuo] со значением 'искать'. Что если от него образовано существительное *ιχνηλάτῃς*? А форма *ιχνηλάτῃς* — это фонетическое искажение заимствованного слова? Однако и такого слова нет в исторических словарях древнерусского языка. Зато оно фигурирует в названии одной древнерусской книги как имя собственное! Это сборник переводных басен «Стефанит и Ихнилат», появившийся на Руси в XV веке и получивший большое распространение в XVII веке, то есть как раз в то время, когда Карион Истомина и работал над своим букварем. В основе книги лежит индийский животный эпос, сохранившийся в санскритском сборнике «Панчатантра» IV века. Ихнилат в книге — это имя одного из главных героев первой и второй басен цикла, и принадлежит оно... шакалу. Ответ найден. Получается, что *ιχνηλάτῃς* в букваре Кариона Истомина — это шакал.

На букву «Твердо» (историческое название буквы Т) в букваре Кариона Истомина одно слово почему-то приводится дважды, правда, в разных написаниях и с разными ударениями: *торъль* (с ударением на *ъ*) и *тарель* (с ударением на *а*). В комментариях Е. Малининой обе лексемы переводятся одним словом *тарелка*. Однако подразумевалось все же два разных предмета. Предмет, обозначенный словом *торъль*, выглядит на иллюстрации как современная, очень простая в исполнении тарелка. Это слово и следует перевести русским *тарелка*. Предмет же, обозначаемый словом *тарель*, украшен на иллюстрации рисунком — крестом, что подсказывает его отношение к церковной сфере. *Тарель* в букваре Кариона Истомина — это не тарелка, а дискос, в Православном богослужении блюдо, используемое во время Литургии. Такой оппозиции форм и значений слова не указывает ни один исторический словарь, и она не была бы известна, не будь включены слова с иллюстрациями в букварь.

В комментариях Е. Малининой приводится неверный перевод слов *розга*, *Афродита*. Под *розгой* в букваре Кариона Истомина подразумевается вовсе не орудие наказания, розга в современном значении слова. На рисунке изображена ветвь

деревя с листьями и побегами. Исторические словари русского языка и толковый словарь В. Даля также указывают еще одно значение, первичное по отношению к современному 'розги, орудие наказания', а именно 'ветка'.

В переводе Е. Малининой *Афродита* — греческая богиня любви. Рисунок же Афродиты изображает вовсе не богиню и идет в паре с другим подобным изображением, подписанным «*Ареа планета*», то есть Марс. Конечно же, в букваре Кариона Истомина *Афродита* — это планета Венера.

Наконец, не верна транслитерация слова *градъ*. Надпись на странице буквы «Добро» «*во градъ дорога*» в оригинале имеет выносную букву «Добро» на конце слова *градъ*. Это совершенно обычное написание для того времени. Однако комментатор, вероятно, не имела возможности ознакомиться с данной особенностью древнерусской письменности, не разглядела выносную букву и оставила надпись без возвращения на свое место выносной буквы. Получилось «*во гра дорога*».

Не можем не отметить одну ошибку из букваря Кариона Истомина, которую комментатор Е. Малинина исправила. Леонтий Бунин, подготовивший гравюры к букварю, одарил нимбом, то есть символом святости, Ксанфа Философа (см. букву «Кси»). Однако последний на самом деле не был причислен к лику святых. Ксанф Философ — персонаж анонимного позднеантичного греческого романа, известного как «Жизнеописание Эзопа». В комментариях нет пометки св. (святой) рядом с его именем, которая сопровождает в комментариях к этой странице имена святых, — Св. Ксения, Св. Ксенофонт, Св. Александр, Св. Алексей.

Далее обратимся к другому, более позднему памятнику — «Азбуке в картинах» А. Н. Бенуа, увидевшей свет в 1904 году. Издательство «Рипол классик» в 2014 году переиздало книгу, дополнив ее стихами поэтов Серебряного века. Однако содержание самой азбуки в данном издании оказалось укороченным. В книге не хватает последней страницы, представляющей буквы «Фита» и «Ижица». Другие буквы, исчезнувшие после реформы русского алфавита, остались на месте. В книге присутствует страница, посвященная букве «Иже» («И десятиричное») и букве «Ять». Для «Азбуки в картинах» такое

изменение оказывается трагичным, книга теряет не просто одну свою страницу, но свою композицию. Дело в том, что первую букву алфавита «Азъ» иллюстрирует слово *арапъ*, изображен черный ребенок весьма диковатого вида. И этот же арап предстает перед нами на последней странице букваря в облаке фимиама с пером в руке, пишущим с ошибками и кляксами фразу «Я выучилсь читать и писать по руски» (зачеркнутые буквы и кляксы не приводим при цитировании). Здесь же, из подписи к странице, мы узнаем его имя — *Иакинфъ / Вакинф* (два прочтения буквы «Ижица» в данной позиции). Кстати, тот самый арап продолжил свою творческую жизнь в балете И. Ф. Стравинского «Петрушка», либретто для которого написал А. Н. Бенуа совместно с композитором. Итак, без последней страницы «Азбука в картинах» лишается кольцевой композиции и своей завершенности. Кроме того, необходимо понимать следующий нюанс. Используя кольцевую композицию, автор указывал, что его творение является в первую очередь художественным артефактом, а не методическим пособием. Как известно, при помощи кольцевой композиции строятся литературные и музыкальные произведения. Жаль, что современные редакторы не поняли значимости этой отдельной станицы.

Другое оригинальное изменение композиции книги встречаем в издании «Азбука Е. М. Бём в XXI веке» под авторством (!) Д. Никифорова издательства «Книга плюс» (Украина) 2013 года. «Азбука» Е. М. Бём выходила наборами открыток в 1913–1914 годах. При жизни художницы азбука не была завершена. Современное издание дополнено страницами с буквами Ё, Й, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я. Иллюстрации подобраны из открыток авторства Е. М. Бём, стилистически и композиционно обработанных новым «автором».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбука Елизаветы Бём в XXI веке. Киев: Книга плюс, 2013.
2. Бенуа А. Н. Азбука в картинах. М.: Рипол классик, 2014.
3. Истомин К. Букварь. М.: Белый город, 2014.

ERRORS IN THE EDITIONS OF RUSSIAN ALPHABETS

EKATERINA BORYUSHKINA

Abstract. The article «Errors in the editions of Russian alphabets» is devoted to the mistakes made in modern editions of historical alphabets. The analysis shall be the primer of Karion Istomin publishing “White city” (2014), “Alphabet in pictures” by A. N. Benoit publishing house “Ripol classic” (2014), “ABC” E. M. Boehm publisher “Book plus” (2013).

Keywords. Translation error, publication error, ABC, primer, Benoit, Karion Istomin, E. M. Boehm.

Адрес автора: chernyj_drozd@mail.ru

Когнитивная модель понятия «ошибка»

Елена Глазкова

*Россия, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Российский государственный гуманитарный
университет*

Аннотация. В статье рассматривается понятие «ошибка». Представлена методика конструирования модели понятия, предполагающая использование словарей, Национального корпуса русского языка и других источников, содержащих сведения о понятии.

Ключевые слова. Понятие, ошибка, когнитивная модель, концепт.

Процесс категоризации в целом свойствен мышлению. Процесс познания подразумевает выделение отдельных изучаемых элементов и составление их типологии. Описывая картину мира носителя языка, в частности, активно используют термин «концепт», говоря об отдельных словах и выражениях как репрезентантах этого концепта. Термин «когнитивная модель» подразумевает «единицу познания», включающую в себя концепт: «когнитивная модель представляет собой перифразу более общего характера, чем конкретное языковое

выражение, в состав которого входит слово, репрезентирующее концепт (или более сложное образование) и слова, связанные с ним синтагматической сочетаемостью» [Пименов: 230].

Мы не ставим своей задачей рассмотрение концепта, считая, что такое исследование предполагает установление культурных коннотаций и описание их в диахроническом аспекте. Рассматривая когнитивную модель понятия, имеем в виду преимущественно синхронное описание.

Когнитивная модель понятия (когнитивный от лат. *cognitio* — «узнаю», модель от лат. *modulus* — «мера, образец, норма») позволяет представить существующее понятие, увидеть связи между отдельными его элементами, особенности его репрезентации в языке.

Если систематизировать предлагаемые словарями определения понятия, получим такой перечень значений:

- общее имя с относительно ясным содержанием и сравнительно четко очерченным объемом;
- логически расчлененная общая мысль о предмете, включающая ряд взаимосвязанных признаков (научн.);
- абстрактная или обобщенная идея, чаще всего рассматриваемая как данность языка или мышления;
- одна из логических форм мышления, высший уровень обобщения, характерный для мышления словесно логического.

Среди многочисленных значений термина «модель» (образец, воспроизведение предмета в уменьшенных размерах, масштабный предметный образец объекта или его частей) словари фиксируют такое: абстрактное или вещественное отображение объектов или процессов, адекватное исследуемым объектам (процессам) в отношении некоторых заданных критериев. В широком смысле, как сказано в Словаре по логике, это «любой мысленный или знаковый образ моделируемого объекта (оригинала)» [Ивин, Никифоров: 206]. В нашем случае подразумевается, что модель — это абстрактное отражение системы взаимоотношений отдельных значений, присущих понятию, проявляющихся в конкретных ситуациях употребления. Важным оказывается как анализ содержания понятия, так и анализ способов кодирования информации, в нем заложенной.

Формируя когнитивную модель любого объекта, человек стремится представить абстрактную, по возможности лаконичную и компактную его схему. Тот же путь предлагается проделывать по отношению к понятию как объекту познания. Описание модели понятия является фактически описанием процесса познания действительности (только «в обратном порядке») и формирования концептуальной сферы. Анализ когнитивной модели объясняет, как «осуществляется познание окружающего мира и как знания о нем укладываются в голове человека» [Медведева: 92].

Один из основных принципов при создании когнитивных моделей заключается в том, что «мысль образна: концепты, не прямо основанные на опыте, используют метафору, метонимию и „ментальную образность“, что выходит далеко за рамки зеркального отражения, или репрезентирования, внешней реальности» [Демьянков, Кубрякова: 57]. Уместно вспомнить метафору Альфреда Кожибски, отражающую различия между представлениями человека о мире и самим «миром»: «Карта не тождественна территории» [Цит. по: Дилтс: 20].

Методика создания и описания модели понятия апробирована нами в рамках курса «Письмо и мышление»: студентам предлагается выбрать понятие, представленное в русском языке нарицательным абстрактным существительным, и проанализировать всю доступную информацию о нем. Выполнение этого задания предполагает полноценное исследование с привлечением различных лексикографических источников, анализ употребления слов, репрезентирующих понятие в языке и речи, анализ устойчивых конструкций, связанных с отражением этого понятия, анализ его интерпретации и визуализации. Эта работа не только позволяет дать разноаспектное описание понятия, но и закрепляет навыки исследовательской работы, заставляет детализировать, анализировать и систематизировать собранный материал.

Для выявления системы отношений необходимо начать анализ слова, являющегося в речи основным репрезентантом понятия. Алгоритм работы предполагает описание его значения и ассоциаций, связанных с этим словом. В обоих случаях используем лексикографические источники, а рассматривая

ассоциации, пользуемся дополнительными материалами. Могут быть проведены ассоциативный эксперимент, анализ высказываний пользователей интернета.

Лексикографические источники, которые будут использоваться, можно сгруппировать, выделив энциклопедические словари, словари и справочники, используемые в каких-то профессиональных сферах, толковые словари, аспектные и ассоциативные. Ниже приводим пример списка лексикографических источников, который может быть предложен студентам в качестве опорного.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Философский энциклопедический словарь. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М., 1983.
2. Философский энциклопедический словарь. М., 2010.
3. *Трубников Н.* Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1960–1970.
4. *Доброхотов А.Л.* Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001.
5. *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь. М., 2012.
6. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
7. Энциклопедический словарь. М., 2009.
8. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М., 2013.
9. Краткий психологический словарь / ред. — сост. Л. А. Карпенко и др. Ростов н/Д, 1998.
10. *Головин С.Ю.* Словарь практического психолога. М., 1998.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.—М., 1863–1866.
12. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1935–1940.
13. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
14. Современный толковый словарь русского языка / сост. Т.Ф. Ефремова. М., 2000.
15. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М., 2003.

16. Современный толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2008.
17. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2010.
18. Словарь ассоциаций «Рерайт».
19. Словарь военных терминов / сост. А. М. Плехов, С. Г. Шапкин. М., 1988.
20. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона.

Особое внимание при характеристике источников обращаем на словари нового типа. Среди них Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева, который учитывает 200 млн словоупотреблений и опирается на тысячи разножанровых источников. В нем, в отличие от других словарей, к каждому значению приводятся минимальные контексты, определяющие сферу использования, а значения устойчивых конструкций рассмотрены наряду с отдельными значениями многозначного слова. Разноаспектная характеристика слова представлена в онлайн-словаре «Рерайт», который систематизирует информацию с помощью сервиса «Яндекс. Словарь».

Описание значения слова предполагает использование энциклопедических словарей (описывают сам объект реальной действительности) и лингвистических (описывают слово, обозначающее объект). Рассмотрев описание объекта в энциклопедическом словаре, переходим к анализу значения слова, называющего этот объект.

Алгоритм работы предполагает обращение как к универсальным словарям (в частности, толковым), так и к аспектным. Поэтому привлекаются данные этимологического словаря, словарей синонимов и антонимов, которые тоже позволят уточнить смысловые нюансы слова, представляющего понятие, а также расширить круг репрезентантов понятия.

Определив словарные значения, предлагаем итоги анализа привести в сводной таблице, показывающей сходства и различия подходов к толкованию значения слова разными авторами. В ходе этой работы выявляются основные семы значения слова, на которые можно опираться при конструировании модели понятия.

Имея представление о словарном значении (о словарных значениях) слова, интересно уточнить особенности употребления, проанализировав примеры узуальной сочетаемости и окказиональное употребление. Выполняя эту работу, студенты обращаются к словарям сочетаемости и к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Материалы последнего позволяют увидеть, как в художественных произведениях, текстах СМИ, бытовой речи носителей языка используется искомое слово, какие сочетаемостные возможности реализуются наиболее часто, что при этом можно назвать типичным и оригинальным употреблением. НКРЯ дает широкий материал для анализа, поскольку является информационно-справочной системой, построенной на собрании русских текстов в электронном виде, и систематизирует примеры словоупотреблений в художественных, мемуарных, публицистических, научных, религиозных текстах, бытового дискурса, записей устной речи. Объем основного корпуса на 7 апреля 2018 года составлял 283 млн словоупотреблений, а общий объем корпусов превышает 600 млн словоупотреблений [Национальный корпус русского языка].

В рамках выполнения такой работы студенты добавляют к описанию понятия еще один элемент анализа — сопоставление сведений о содержании понятия, значении слов-репрезентантов на основе двуязычных словарей. В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу выявления сходства и различий представлений о понятии у носителей разных языков.

Ограничения сочетаемости могут возникать в определенных конструкциях, которые становятся устойчивыми выражениями. Информацию о них студенты ищут в словарях фразеологизмов, сборниках афоризмов, пословиц и поговорок. Изучение фразеологизмов, пословиц и афоризмов, не имеющих в своем составе слово, которое репрезентирует исследуемое понятие, позволяет выявить дополнительные смыслы, связанные с понятием.

Наиболее подвижной характеристикой понятия является характеристика, которую можем получить на основе анализа функционирования понятия в медийной среде. В рамках студенческого исследования выделяем отдельный блок

«Медиаобраз понятия». Для его описания анализируем контент социальных сетей, медийную продукцию (например, фильмы, спектакли, клипы и др.) и тексты.

Социальные сети помогают оценить понимание и функционирование понятия в представлениях рядовых пользователей. Информацию о понятии можно почерпнуть из прямых определений (пользователи нередко пишут о собственном понимании сути понятия), оценочных суждений (слово-репрезентант используется как характеристика другого объекта, явления, некой ситуации), рассуждений и обсуждений пользователей. Помимо словесного описания понятия может быть иконическое: для виртуального образа понятия будут особенно важны те жанры, которые зародились и функционируют в сети. Это мотиваторы и демотиваторы.

Тексты, представленные в медиасреде, имеют разные цели и разное качество. Для описания понятия важны художественные, публицистические (можно отдельно при этом выделять журналистские, имея в виду новостные, преимущественно безоценочные), религиозные, профессиональные (связанные с той сферой деятельности, для которой актуально исследуемое понятие).

Следующий этап исследовательской работы — анализ визуального образа на основе креолизованных текстов, иконических произведений, постановок в офлайн. В живописи есть особый жанр — аллегория, — представляющий большое количество понятий. Слово-репрезентант может быть представлено в названии картины, представляющей сюжетную сценку, отражающую на портрете переживания персонажа, ассоциирующийся с какими-то переживаниями пейзаж. Представление о понятии может быть реализовано в жанре карикатуры, может быть представлено в произведениях других родов искусства (дизайнерских предметах, скульптуре). Дополнительную информацию к визуальному образу можно почерпнуть из кинофильмов, театральных постановок и проч.

Проиллюстрируем сказанное о методике описания когнитивной модели понятия отдельными примерами работы, связанными с понятием «ошибка».

В виртуальной энциклопедии «Википедия» дано наиболее общее толкование ошибки как «непреднамеренное отклонение от правильных действий, поступков, мыслей; разница между ожидаемой или измеренной и реальной величиной» [Википедия].

Запомним для дальнейшего рассуждения характеристику «непреднамеренность» и обратим внимание на то, что ошибка может возникнуть на этапе сбора материала и не быть связанной с «отклонениями» от какой-то заданной программы действий. Скажем, измерения любого вида, социологические, математические, физические и др., проводятся в точном соответствии с разработанной методикой и использованием рекомендованных «измерительных инструментов» — ошибка может содержаться в самой методике, «инструменты» могут давать погрешности, то есть ошибочные результаты. Отсюда вытекает еще одна характеристика ошибки: отсутствие строгой возможности ее предугадать, определить «ошибкоопасные места» (что возможно в случае с орфографическими, пунктуационными ошибками в письменной речи, например). В случае, когда появление ошибки можно прогнозировать, необходимо предусматривать разные варианты развития событий, в том числе просчитывать, где и как ошибка может появиться и как может быть обнаружена и исправлена.

В зависимости от предсказуемости ошибки, от причины, по которой она возникла, и от последствий, которые может повлечь, энциклопедические словари делят ошибки на системные / закономерные и случайные. Таким образом, свойство «закономерность / случайность» характеризует понятие «ошибка». При этом могут быть выделены ошибки регулярные, или типичные, которым противопоставлены нерегулярные, индивидуальные. Отметим, что ряд авторов не допускает возможности существования «случайной» ошибки: «Ошибка непременно носит системный характер» [Глазков: 22], «ошибка и норма порождают друг друга» [там же: 23], «пока существует правило, будет существовать и ошибка, причину которой можно установить» [там же: 26].

Вернемся к непреднамеренности как важной составляющей характеристики понятия «ошибка». Эта характеристика

проявляется в более конкретных определениях, связанных с профессиональной спецификой. Например, «врачебная ошибка — незлоумышленное заблуждение врача (или любого другого медицинского работника) в ходе его профессиональной деятельности», «ошибка в уголовном праве — заблуждение лица, совершающего деяние, относительно фактических обстоятельств, определяющих характер и степень общественной опасности деяния, или его юридической характеристики» [Википедия].

При этом в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона понятию в разных его значениях посвящено несколько статей: «Ошибка», «Ошибки», «Ошибки наблюдений» — и подробно рассматриваются случаи, в которых можно увидеть проявление ошибки [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона]. В рамках первой словарной статьи рассуждение начинается с описания функционирования понятия в юридическом дискурсе. Авторы отмечают два основания для появления ошибки: 1) лица совершают ошибку из-за того, что не знают особенностей ситуации, специфику и сферу действия юридических актов — авторы называют этот тип ошибки ошибкой в широком смысле, *ignorantia*; 2) ошибка связана с неверным или неточным пониманием — ошибка в тесном смысле, заблуждение, *error* [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона]. При этом рассматриваются следующие виды ошибок: ошибка в праве, в правоспособности, в лице, в предмете, в качествах предмета, в мотивах. Важно отметить, что уже в этой словарной статье говорится не только о дифференциации подходов к понятию, но и о необходимости в конкретной ситуации определять, какого рода ошибка и по каким причинам совершена.

В статье вводится еще одна важная характеристика ошибки: ошибка может оказаться существенной или несущественной.

По сути, в самом понятии заложена эта двойственность: то, что существенно в одних обстоятельствах, несущественно в других.

Характеризуя ошибки в суждениях и умозаключениях, Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон отмечают, что намеренное искажение фактов действительности уже не может быть интерпретировано как ошибка, поскольку само высказывание должно быть

признано лживым и рассматриваться уже под другим углом зрения. Это качество ошибки стоит также внести в итоговую характеристику понятия. Забегая вперед, можно отметить, что среди синонимов слова «ошибка» в русском языке находим слово «заблуждение» (лат. *erratum*), характеризующее состояние неполного знания о каком-то предмете на определенном этапе познания. Тут не может идти речи о преднамеренности искажения информации: неполное или неточное знание не осознается субъектом, обусловлено логикой его анализа той информации, которая в рамках обстоятельств оказалась доступна. Понятие «заблуждение» не тождественно понятию «ошибка», представление о нем должно быть отграничено даже от представления о случайной ошибке, но в бытовом дискурсе сами слова синонимизируются именно с учетом непреднамеренности. То, что не предполагает манипуляцию, злой умысел, оценивается как «простительное», поэтому отношение к ошибке оказывается, на удивление, двойственным: ошибка может восприниматься как что-то незначительное, даже ожидаемое, простительное — то, что можно исправить, но в то же время в ряде случаев ошибки характеризуются как фатальные, непоправимые, а потому и непростительные.

Множественность и разнообразие выявленных подходов к описанию и классификации ошибок свидетельствуют о том, что материал для классификации и описаний есть в достаточном количестве. В связи с этим ошибка рядом авторов (см. энциклопедические философские словари) определяется как неотъемлемый атрибут познания. Они возникают и на этапе наблюдений, то есть получения опытным путем знаний об окружающей действительности, и на этапе выдвижения гипотез, и на этапе конструирования теорий, формулирования суждений и умозаключений. Еще Аристотель разделил ошибки, связанные с суждениями, на ошибки мышления (ошибки в плане содержания мысли) и ошибки речи (ошибки в плане выражения мысли). Ошибки разного типа в разной степени вызывают затруднения в интерпретации высказывания, то есть по-разному мешают воспринимающему информацию субъекту. Более существенными чаще оказываются ошибки, связанные с содержанием мысли, например двусмысленность, бездоказательность, нарушение объема понятия и проч., что еще раз

доказывает двойственность самого понятия «ошибка». При интерпретации высказывания также возможны ошибки, связанные с особенностями восприятия. Возможность выделения ошибок разного рода подтверждается данными двуязычных словарей, которые фиксируют, какими словами обозначено понятие в том или ином языке, например одно слово «ошибка» в русском языке и два «error» — в английском.

Анализ словарных статей толковых словарей привел к выводу, что представленные дефиниции не отражают установленные по энциклопедиям, то есть другому типу источников, характеристики. Наиболее частотным является определение: ошибка — неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях, погрешность.

На наш взгляд, исключение представляет Толковый словарь Дмитриева, в котором совмещены оба подхода. Первое значение слова «ошибка» толкуется традиционно для толковых словарей: «это то, что является неправильным в вычислении, написании и т. п.» [Дмитриев]. А вот второе и третье значения даны дискурсивным, а не описательным способом и, по сути, делают акцент на непреднамеренности ошибки: «2. Когда вы совершаете ошибку, вы делаете то, что не думали делать, или получаете результат, который не хотели получить. В экономической политике были допущены многие ошибки и перекосы. | В новом деле, как известно, неизбежны ошибки.

3. Когда вы совершаете какое-либо действие по ошибке, вы не осознаете, что делаете что-то неправильно. Я по ошибке набрал неправильный номер. | Его фамилия была упомянута в афише по ошибке» [Дмитриев].

Синонимический ряд, в котором оказывается слово «ошибка», позволяет дополнить когнитивную модель понятия «ошибка» новыми элементами. Наиболее длинный (хотя во многом спорный) синонимический ряд представлен ресурсом <https://synonymonline.ru/>. Это появившийся в 2012 году Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Для слова «ошибка» длина ряда — 62 слова, среди которых грех, описка, оговорка, ослышка, погрешность, просмотр, самообольщение и самообман. Приведенные нами примеры показывают пестроту этого синонимического ряда и позволяют предположить, на каких основаниях авторы словаря объединяли слова

в один ряд, какие семы в значении слова «ошибка» определили возможность семантического сближения этого слова с другими.

Контексты употребления слова «ошибка», репрезентирующего соответствующее понятие, находим в НКРЯ. В «Основном корпусе», состоящем из 119 203 документов, обнаружено 3028 документов, содержащих 5403 вхождения слова «ошибка» [НКРЯ]. Среди частотных контекстов употребления: оценка ситуации (это была ошибка), характеристика ошибки на основе разных оснований (классическая ошибка, типичная ошибка, большая ошибка, незначительная ошибка, грубейшая ошибка, дьявольская ошибка, дикая ошибка, крупномасштабная ошибка, техническая ошибка, ошибка пилота), оценка объекта (человек как ошибка творца), констатация факта (ошибка допущена, ошибка исправлена).

Не имея возможности в рамках статьи ограниченного объема показать результат полного исследования понятия «ошибка», остановимся еще на возможности его визуализации.

Среди рисунков, фотографий, мемов, демотиваторов и мотиваторов наиболее популярными оказались скриншоты сообщений об ошибке на интернет-ресурсах (*ошибка 404, что-то пошло не так: ошибка загрузки интерфейса*). Среди мотиваторов/демотиваторов первыми выдаются в поиске изображения с подписями: «Ошибка: успеи совершить, позже на это не будет времени», «Ошибки. Это не так уж плохо. Они выводят нас на новый уровень понимания», «Нельзя сделать одну ошибку дважды... Второй раз это уже не ошибка, это уже выбор», «Две основные ошибки жизни: хоронить живые отношения и удерживать мертвые» и др. Анализируя эти и подобные примеры, приходим к выводу, что понятие «ошибка» провоцирует к выбору одного из двух типов отношений к ошибке — либо юмористического, либо философского. Еще одно проявление двойственности.

Исследование того, как представлено понятие «ошибка» в лексикографических источниках, в живой речи и медийных текстах, завершается выводами о существенных характеристиках понятия, на которых строится итоговая модель понятия. В рамках этой статьи характеристика представлена фрагментарно.

В заключение, чтобы завершить представления понятия «ошибка», упомянем интернет-ресурс, который, по замыслу автора, посвящен ошибкам: Ошибки.ru. Разного рода ошибки не только представлены в соответствующих (хотя и довольно бессистемно представленных) рубриках сайта (орфографические, транслитерация и др.), но и показаны «в живой среде» — в контекстах, например, юмористического содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазков А.В. Орфографическая ошибка как предмет лингвистического исследования. М.: Изд-во Московского культурологического лица, 1999.
2. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная модель // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 56–57.
3. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменения убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2019.
4. Дмитриев Д.В. Толковый словарь Дмитриева. 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/fc/slovar-206-15.htm#zag-3378>. Дата обращения: 20.10.19.
5. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: Туманит, Изд. центр ВЛАДОС, 1997.
6. Медведева А.В. Когнитивные основы номинации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. Т. 8. Вып. 1. С. 92–100.
7. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/index.html>. Дата обращения: 20.10.19.
8. Ошибка // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%88%D0%B8%D0%B1%D0%BA%D0%B0_\(%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%88%D0%B8%D0%B1%D0%BA%D0%B0_(%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F)). Дата обращения: 10.04.19.
9. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://synonymonline.ru/>. Дата обращения: 20.10.19.

10. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>. Дата обращения: 20.10.19.
11. *Пименов Е. А.* Типология когнитивных моделей: метаязык описания // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Екатеринбург: УГПУ, 2011. № 1. С. 226–231.

COGNITIVE MODEL OF THE NOTION OF AN ERROR

ELENA GLAZKOVA

Abstract. The article discusses the notion of “error”. Presented is the method of constructing the notion’s model which presupposes the use of dictionaries, the Russian National Corpus and other sources providing information about the notion.

Keywords. Notion, error, cognitive model, concept.

Адрес автора: elena-glazkova1@ya.ru

Ребрендинг: панацея или ошибка?

Мария Захарова

*Россия, Москва, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

Аннотация. В последнее время все чаще российские компании в конкурентной борьбе стали использовать ребрендинг. Отечественные производители только выведя свой товар на рынок, ошибочно полагают, что это уже бренд, а когда не получают ожидаемых результатов, пытаются исправить ситуацию с помощью ребрендинга. Однако создание бренда — это сложнейшая работа с умами потребителей, а ребрендинг — еще более сложная работа по изменению того, что было заложено в их умы изначально. Это один из мощнейших инструментов маркетинга, который способен как вывести компанию на новый уровень развития, так и существенно снизить ее финансовые показатели. В статье кратко представлены теоретические подходы, раскрывающие суть брендинга и ребрендинга как инструментов воздействия на умы потребителей. Описаны ситуации, когда применение этих инструментов обоснованно, а когда достаточно просто скорректировать текущую стратегию бренда. На неудачных примерах показаны основные

ошибки и описаны пути их решения. Дается ответ на вопрос, почему ребрендинг не может решить всех проблем компании.

Ключевые слова. Бренд, стратегия бренда, атрибуты бренда, ребрендинг, позиционирование, продвижение, целевая аудитория, потребитель, конкурентная борьба и конкурентное преимущество.

Современный рынок стремительно насыщается различными товарами, в результате этого мы наблюдаем присутствие огромного количества однотипных товаров и услуг, конкуренция между которыми постоянно усиливается. Сегодня уже недостаточно только производить или продавать, чтобы обеспечить постоянный спрос, поскольку потребитель выбирает не только конкретные преимущества и характеристики, качество товара, но и индивидуальность, характер, уникальность. Потребитель стремится найти идеи, которые имели бы отношение лично к нему и вписывались в его жизненный стиль. Все это может дать потребителю не просто товар или услуга, а бренд, который выстраивает с ним тесную коммуникацию. Способность брендов удивлять, поражать воображение, а также стимулировать в человеке желание существенным образом определяют их успех и неудачу на рынке.

Бренд — это неосоздаваемая сумма свойств продукта: его имени, упаковки, цели, истории, репутации и способа рекламирования. Бренд также является сочетанием впечатлений, которое он производит на потребителей, и результатом опыта его использования [Чармэссон: 56]. Это комплекс, с помощью которого создается положительное отношение потребителя к продукту. Другими словами, это образ торгового знака, который создается в результате маркетинговых мероприятий по продвижению товара на рынке.

В широком смысле бренд — это совокупность как материальных, так и нематериальных категорий, формирующих у потребителя положительный имидж товара и вызывающих желание приобрести товар с конкретной маркировкой, сделав такой выбор из многообразия предложений [Годин: 128]. В этом случае бренд представляет собой комплекс различных материальных характеристик, например названия, логотипа, фирменных

цветов и шрифтов, и нематериальных характеристик, подразумевающих миссию, философию, атрибуты бренда и др. Все эти характеристики совместно формируют индивидуальность бренда, его отличие от других брендов в своей категории, что позволяет потребителям выделить его на фоне других и принять свое потребительское решение.

С точки зрения потребителя, конкурентоспособный бренд должен в большей степени соответствовать его личным ожиданиям и персональным потребностям. Поэтому менеджеру по маркетингу необходимо выяснить, что ожидает покупатель и как предложенные компанией характеристики товара соответствуют его персональным ожиданиям. Современного потребителя привлекают нестандартные маркетинговые решения, которые будут волновать его ум и душу.

Процесс наделения товара или услуги конкретным брендом принято называть брендингом, при этом необходимо показывать потребителям, кем он является — дать товару имя и другие идентифицирующие элементы, а также объяснить, что он делает и почему покупатели должны проявить к нему интерес [Котлер: 202]. Потребитель оценивает эмоциональные и рациональные составляющие бренда, поэтому с помощью атрибутов бренда необходимо донести до потребителя причины, которые убедят его совершить покупку, то есть необходимо продемонстрировать обещания и ценности бренда.

Многие компании ошибочно полагают, что они уже создали бренд, просто придумав название товара или услуги, подкрепив его разнообразными визуальными составляющими. А когда они не получают ожидаемых результатов продаж на выбранном рынке, решают сделать ребрендинг, меняя логотип, цвета, слоган и другие визуальные элементы. Но как можно делать ребрендинг того, чего просто не существует на рынке. Товар в красочной упаковке и с конкретным названием — это еще не бренд! Создание бренда — сложный процесс, который не всем удастся пройти успешно. Этот процесс не связан со временем существования товара на рынке: иногда бренды создаются и закрепляются в умах потребителей в короткие сроки, но чаще это длительный многоступенчатый процесс, требующий от компании значительных усилий и вложений, в том числе и финансовых.

Если компания не смогла создать бренд и закрепить его в умах потребителей, то скорее всего ей нужен не ребрендинг, а доработка существующей стратегии бренда. Это важно для компании, поскольку любой ребрендинг требует больших финансовых затрат. Нужно не просто создать новую позицию бренда и укрепить ее в умах потребителей, но и сделать так, чтобы он забыл предыдущую, а это достаточно сложный и трудоемкий процесс, требующий времени и усилий. Переделывать всегда сложнее, чем создавать с нуля. Для того чтобы понять, насколько необходим ребрендинг, следует провести маркетинговый аудит бренда, ответив на следующие вопросы:

- 1) какую ценность для целевой аудитории несет бренд, связана ли она с ключевыми потребностями и подталкивает ли к совершению покупки;
- 2) насколько уникальна позиция бренда относительно предложений конкурентов, существуют ли конкретные отличительные характеристики позиции, которые дистанцируют ее от конкурентов;
- 3) доверяют ли целевые потребители заявленной позиции, считают ли они, что позиции других брендов более соответствуют заявленным характеристикам;
- 4) насколько устойчива позиция бренда и можно ли ее сохранить в течение длительного периода времени, насколько легко конкуренты смогут скопировать и воспроизвести эту позицию;
- 5) соответствует ли позиция бренда конкретному товару или услуге либо компании в целом.

Ответы на эти вопросы позволяют точно оценить текущую позицию бренда на выбранном рынке и сэкономить силы и финансы, не прибегая к использованию столь затратного и сложного маркетингового инструмента. Возможно, небольшая корректировка стратегии развития бренда приведет к лучшему результату, чем ребрендинг с разработкой новой позиции, которая не сможет закрепиться в умах целевой аудитории, вытеснив существующую.

Некоторые считают, что даже известный на рынке бренд рано или поздно начинает терять свои позиции, так как

наступает время, когда его популярность играет против него, а чрезмерная известность превращается в избитость и становится скучной и приевшейся. Но не надо путать обновление визуального стиля, или рестайлинг, с ребрендингом, являющимся более сложным процессом.

Действительно визуальный ряд может устареть, приесться потребителям, так как их вкусы со временем могут измениться. Потребитель взрослеет, переходит на новый этап своего жизненного цикла, и вместе с этим меняются его желания и предпочтения. И если ваша аудитория выросла, но вы хотите оставаться только с ней, а не приобрести новую и молодую, то в этом случае можно говорить о визуальных преобразованиях. Возможно легкие графические изменения визуальных составляющих, таких как логотип, фирменная палитра, фирменные шрифты, форма сотрудников, оформление точек продаж, дизайн сайта, вполне справятся с этой задачей. В случае если компания ставит задачу расширить целевую аудиторию, добавив новую и молодую, то простое изменение визуальных атрибутов бренда не поможет. Для этого необходимо понять, что нужно новой аудитории и каковы ее мотивы покупки.

Еще одной ошибкой ребрендинга можно считать отсутствие понимания среди российских владельцев бизнеса, что такое бренд в целом. Многие компании допускают серьезные ошибки еще на этапе создания бренда и путают его с визуальным оформлением товара. В подобных ситуациях надо дорабатывать бренд, совершенствовать его базовые элементы и коммуникационную стратегию. Это часто происходит в связи с непониманием российскими владельцами бизнеса сути брендинга и позиционирования, решения в этой области принимаются на основе их собственных предпочтений и интересов, а не на основе желаний потребителя. Владельцы, как правило, не являются целевой аудиторией, и их видение далеко от потребителей. Однако им никто не запретит навязывать свое авторитарное мнение разработчикам. Как правило, такой ребрендинг ни к чему хорошему не приводит, поскольку сделан не для потребителей, а для владельца компании. В подобных ситуациях следует полностью доверять процесс профессионалам, которые

делают это не на основе своих предпочтений, а на основе желаний потребителей, которые были выявлены в результате маркетинговых исследований.

Часто в российских компаниях можно наблюдать, как при смене директора по маркетингу происходит смена визуальных элементов бренда. В некоторых организациях директора по маркетингу меняются достаточно часто. Новый директор проводит аудит маркетинговой деятельности компании и готовит свои предложения владельцам по улучшению работы департамента маркетинга. Очень часто среди этих предложений есть пункт об изменении логотипа, цвета или просто оформлении точек продаж. Как правило, это объясняется изменением вкусовых предпочтений целевой аудитории и моральным устареванием визуальных элементов, но редко кто говорит о философии и идеологии бренда.

Также ошибочно прибегать к ребрендингу только лишь потому, что его провели конкуренты. Не стоит гнаться за конкурентами и необоснованно копировать их действия. В данном случае необходимо понять, остались ли ваши конкуренты со своей целевой аудиторией или изменили ее, сделали ли они просто рестайлинг или действительно скорректировали ценности и идеологию бренда. Попробуйте проанализировать их действия и понять, насколько произошедшие изменения могут затронуть позиции вашего бренда на рынке.

Прежде всего ребрендинг — это изменение или уточнение позиционирования существующего бренда. В своих работах Ф. Котлер определяет позиционирование как «действия по разработке предложения компании и ее имиджа, направленные на то, чтобы занять обособленное благоприятное положение в сознании целевой группы потребителей. Окончательный результат позиционирования товара — успешное создание ориентированного на рынок предложения ценности продукта — простого и четкого утверждения, объясняющего, почему целевой аудитории следует приобретать и использовать товар компании-поставщика <...>. На протяжении всего жизненного цикла товара продавцы должны создавать отличительную позицию для каждого товара и сообщать о ней рынку.

Позиционирование — это разработка самого предложения и его образа с целью завоевания особого места в умах потребителей» [Котлер: 464].

Выбор стратегии позиционирования бренда необходимо осуществлять, учитывая меняющиеся экономические условия на рынке, а в основу закладывать результаты постоянного и системного изучения рыночных показателей, желаний и возможностей потребителей, используя современные маркетинговые методы исследования. Все это позволит создать яркий и запоминающийся образ бренда, во многом определяющий победу в конкурентной борьбе в современных условиях.

Успешность ребрендинга во многом зависит от степени вовлеченности в данный процесс сотрудников компании, ведь нельзя забывать, что сегодня бренд работает не только на потребителя, но и на сотрудников, партнеров (поставщиков, дистрибьютеров) и даже на конкурентов. Неправильно считать, что мы создаем его только для потребителей производимых компаний товаров или услуг.

В последние годы в России прошло достаточно большое количество ребрендингов различного уровня сложности и масштабы как товаров и услуг, так и целых компаний. Но не всегда даже крупные компании-лидеры рынка осуществляли этот процесс успешно.

Применяя столь сложный инструмент, компания обычно ориентируется на потребителей, но в наше время ошибочно полагать, что это только внешние покупатели товаров и услуг. Важно включать в эту группу и внутренних потребителей, то есть сотрудников самой компании. Ведь именно они вносят свой значительный вклад в развитие и процветание бренда, вкладывая в него свои знания и таланты. Успешно заложенный внутренний фундамент позволит существенно повысить эффективность внедрения ценностей бренда в умы целевой аудитории. Особенно это важно для брендов сферы услуг, так как сотрудники компании являются частью предоставляемой потребителям услуги и значит воспринимаются как часть бренда. Если сотрудники не верят в те обещания, которые компания транслирует на рынке, они это несут аудитории и как результат внешняя аудитория не воспринимает эти обещания всерьез.

Примером такого неуспешного ребрендинга может служить «Почта России», клиенты которой, видя внешние изменения отделений, получая дополнительные услуги и сервисы, никак не могут воспринять новые черты характера бренда, такие как человечность, уверенность, ясность и теплота, которые им должны транслировать сотрудники самой компании. И речь здесь идет не просто о корпоративном изменении бренда, а о ребрендинге в целом. В такой ситуации компании просто необходимо включать в этот процесс работу с персоналом, который должен полностью принять и разделить новые ценности и идеологию бренда. Персонал в этом случае не просто является носителем новых ценностей, а транслирует их во вне потребителю услуги с помощью своих действий, своего отношения и настроения. Только в этом случае эти ценности смогут дойти до потребителя и будут восприняты им как задумано, а результатом этого будет понимание целевой аудитории — компания «Почта России» не просто обновила вывеску и отремонтировала свои отделения, но и изменилась внутренне, то есть стала более человеческой, уверенной и «теплой».

Однако, несмотря на все вышесказанное, нередко случаи, когда компании вынуждены прибегать к ребрендингу, даже не планируя его заранее. И вот в таких ситуациях, как правило, этот инструмент является панацеей.

Прежде всего заставить прибегнуть к ребрендингу может несчастный случай или форс-мажор, на который компания не рассчитывала. Удачным примером такого ребрендинга можно считать репозиционирование бренда S7. Компания вынуждена была сменить название и визуальные атрибуты, так как после ряда несчастных случаев потребители отказывались пользоваться услугами авиакомпании. Ведь при выборе данной услуги для потребителей приоритетом номер один является безопасность. Компания вынуждена была полностью дистанцироваться от предыдущего названия, убрать все возможные ассоциации потребителей, связанные с ней. В подобных ситуациях это, пожалуй, единственный способ компании остаться на рынке, то есть попытаться разорвать любые связи с существовавшим брендом.

Также заставить задуматься об этом сложном инструменте маркетинга может внешняя среда, а точнее изменения конкурентной среды, когда конкуренты успешно обновили свой

бренд. Несколько лет назад ребрендинг провели сразу два крупнейших оператора сотовой связи — МТС и «Билайн», одни из крупнейших игроков на рынке сотовой связи. Если бы только один игрок представил аудитории новую философию бренда, то второй утратил бы свои позиции. В подобных ситуациях конкуренты вынуждены использовать те же инструменты воздействия на аудиторию.

Еще одной внешней причиной могут стать современные коммуникационные тенденции, которые в последние годы меняются достаточно часто. Появляются новые коммуникационные каналы, которые требуют новых форматов. Рекламные материалы постоянно меняются, расширяется спектр их использования. Традиционная реклама уже не так привлекает внимание потребителей, они научились не замечать ее. В подобной ситуации существующий давно на рынке бренд просто может не вписаться в новую медийную среду.

Ребрендинг Сбербанка, который прошел в 2009 году, считается одним из самых успешных на российском рынке среди компаний такого масштаба. В результате этого банк существенно расширил свою аудиторию, добавив к уже имеющей, которая была с ним со времен Советского Союза, новую молодую аудиторию. Все это удалость реализовать благодаря не только визуальным изменениям логотипа и фирменного цвета с зеленого на природно-зеленый (из официального пресс-релиза банка), но и внедрением новых сервисов и услуг, а также принципиальным изменениям в работе с клиентами банка. Однако сегодня Сбербанк не только организация, предоставляющая финансовые услуги, но и мобильный оператор, маркетплейс и даже телемедицина, в активах банка различные IT-компании и стартапы, постоянное развитие и привлечение новых ресурсов вывели компанию за рамки просто финансовой организации. В связи с этим существующий бренд просто не справляется со своей задачей, так как не отражает полностью все разнообразие организации. Поэтому руководство Сбербанка рассматривает возможность проведения очередного ребрендинга, для того чтобы разработать бренд, который объединил бы все направления работы компании и вывел бы ее на новый уровень восприятия. Как будет называться новый бренд, пока не совсем

понятно, но кредитно-финансовая организация в своем названии должна оставить слово «банк» — этого требует закон.

В ситуациях, подобных Сбербанку, когда компания настолько разрослась, что сфера ее деятельности вышла далеко за пределы первоначальной, имеет смысл задуматься о ребрендинге, но вот стоит ли объединять все направления под одним брендом, вопрос серьезный. Когда все направления компании связаны единым брендом, существенно сокращаются расходы на продвижение и поддержание работы всех направлений, так как бренд Сбербанка существует более ста лет, он узнаваем и у него достаточно высокие показатели лояльности потребителей услуг. В связи с этим все направления, запускающиеся под этим брендом, сразу имеют сильный экономический эффект и высокую степень доверия и лояльности. Однако проблемы, которые могут настигнуть одно узкое направление, сразу ударят по всей компании, что может отразиться на ценности общего бренда.

Поэтому создавать все под единым брендом или иметь в активе компании несколько самостоятельных брендов — вопрос, требующий серьезного маркетингового и финансового анализа.

Еще один ребрендинг в результате объединения новых направлений прошел летом этого года. Компания МТС произвела очередной ребрендинг, на этот раз сделав бренд зонтичным, то есть соединив в себе разные направления деятельности компании на рынке. Обновленный бренд объединил в себе финансовые продукты, развлекательные сервисы и приложения, технологии создания «Умного дома», мультиплатформенное ТВ, приложение онлайн-образования и другие направления деятельности компании. В результате последнего ребрендинга изменился визуальный стиль, бренд, слоган и позиционирование. Все это позволит компании привлечь новую аудиторию и расширить границы восприятия бренда в целом.

Итак, проводить ребрендинг или нет, вопрос достаточно серьезный, поскольку в результате неправильно проведенного ребрендинга компания может потерять не только деньги, но и своих потребителей, при этом не приобретя новых. Иногда разработать новую торговую марку проще, чем изменить

существующую, поскольку необходимо сохранить сильные стороны бренда, его узнаваемость в новом информационном пространстве. Часто достаточно просто скорректировать атрибуты бренда, транслирующие его позицию на рынке, или коммуникационную стратегию. Однако грамотное применение этого сложнейшего маркетингового инструмента может вывести компанию на новый уровень и помочь выиграть в конкурентной борьбе за умы потребителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Годин С.* Фиолетовая корова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
2. *Гэд Т.* 4D брендинг — взламывая корпоративный код сетевой экономики / пер. с англ., 3-е изд. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2015.
3. *Котлер Ф.* Маркетинг Менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / пер. с англ.; под ред. С. Г. Божук. СПб.: Питер, 2006.
4. *Котлер Ф., Келлер К. Л.* Маркетинг Менеджмент. Экспресс-курс. 3-е изд. / пер. с англ.; под науч. ред. С. Г. Жильцова. СПб.: Питер, 2014.
5. МТС провел ребрендинг // Материалы с информационного портала Adindex.ru. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://adindex.ru/news/marketing/2019/06/24/273261.phtml>. Дата обращения: 14.09.2019.
6. *Осовицкая Н.* HR-брендинг: лучшие практики десятилетия. СПб.: Питер, Библиотека компании HeadHunter, 2016.
7. Перемен требуют наши глаза: эксперты о ребрендинге // Материалы с информационного портала Adindex.ru. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://adindex.ru/publication/opinion/marketing/2019/06/20/273174.phtml>. Дата обращения: 17.10.2019.
8. Ребрендинг в России: от эффектного к эффективному // Материалы с сайта издательства «Креативная экономика». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://creativeconomy.ru/lib/6757>. Дата обращения: 01.10.2019.
9. Ребрендинг: что это простыми словами, примеры ребрендинга в России и в мире // Материалы с информационного

портала Internet-marketings.ru. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://internet-marketings.ru/rebranding-cto-eto-primery/>. Дата обращения: 11.10.2019.

10. Сбербанк нацелился на ребрендинг. Какое название может получить кредитная организация // Материалы с информационного портала газеты «Коммерсантъ». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3827926>. Дата обращения: 01.10.2019.
11. Траут Д., Райс Э. Позиционирование: битва за умы. СПб.: Питер, 2018.
12. Чармэссон Г. Торговая марка: как создать имя, которое принесет миллионы. СПб.: Питер, 2000.
13. 4 стратегии ассоциативного брендинга // Материалы с информационного портала «Энциклопедия маркетинга». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.marketing.spb.ru/lib-comm/brand/associational.htm>. Дата обращения: 01.10.2019.

REBRANDING: PANACEA OR MISTAKE

MARIA ZAKHAROVA

Abstract. Recently Russian companies have begun more often to use rebranding in the competition. Just only bringing their goods to the market domestic manufacturers mistakenly believe that they are brands and when they do not get the expected results, they will try to correct the situation with the help of rebranding. However, brand creation is the most difficult work with the minds of customers and rebranding is even more difficult work to change what was originally laid in their minds. Rebranding is one of the most powerful marketing tools that can bring a company to a new level of development or significantly reduce the company's financial performance. The article briefly presents theoretical approaches that reveal the essence of branding and rebranding as tools to influence the minds of consumers. It describes the situations when the use of rebranding is justified, and when it is enough to adjust simply the current brand strategy. By the examples of unsuccessful rebranding the main errors are shown and the ways to solve them are described.

The answer is given why rebranding cannot solve all the problems of the company.

Keywords. Brand, brand strategy, brand attributes, rebranding, positioning, promotion, target audience, consumer, competitive fight and competitive advantage.

Адрес автора: mariaza@inbox.ru

К вопросу о природе возникновения ошибок при употреблении глаголов детьми-билингвами

Анастасия Иваненко

Россия, Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. В статье анализируются грамматические и лексические особенности употребления глагольных форм русско-английскими билингвами 6–7 лет. Рассматриваются возможные причины появления ошибок, делается вывод о роли интерференции и инпута в становлении языковой способности информантов.

Ключевые слова. Билингвизм, глагол, интерференция, инпут, нарратив.

В современном мире на многие явления жизни оказывает влияние феномен глобализации. Одним из таких явлений становится язык, использование которого претерпевает значительные изменения. Расширение ряда возможностей интеракции между жителями государств приводит к увеличению числа двуязычных людей или билингвов.

Под билингвизмом в современной науке понимается «речевая практика, которая характеризуется попеременным оперированием двумя языками» [Вайнрайх: 1]. При этом коммуникация на каждом из двух языков осуществляется достаточно

эффективно, даже при невысоком уровне владения одним из языков. Феномен периодического перехода говорящего с одного языка на другой называется переключением кода.

Интерес к феномену двуязычия возник более столетия назад. Так, в конце XIX века немецкий ученый Г. Пауль посвятил в своей работе [Пауль] отдельную главу языковому смешению, осветив вопрос появления в речи говорящего лексических и морфемных заимствований, калек — дословных переводов с иностранного языка. Австрийский языковед Г. Шухардт занимался вопросом возникновения вспомогательных языков, родившихся на базе смешения креольских языков и пиджинов [Шухардт]. Итальянский ученый Г. Асколи предлагает ввести новое понятие «языковой субстрат» для номинации следов языка побежденных аборигенов в языке народа-победителя.

Отечественные ученые XX века обращают более пристальное внимание на индивидуальные особенности использования языка двуязычным человеком. Наиболее значимыми фигурами являлись Бодуэн де Куртенэ, фиксировавший способом лонгитюда становление языковой способности своих двуязычных детей, и Л. В. Щерба, ценные наблюдения которого над «отрицательным языковым материалом» легли в основу традиции лингвистического изучения феномена билингвизма.

В настоящее время существует большое количество классификаций типов билингвизма, каждая из которых имеет в основе определенный параметр. С точки зрения возраста выделяют детский и приобретенный (поздний, аддитивный) билингвизм. Первый тип двуязычия является естественным, он формируется у человека в самом раннем возрасте, а второй тип является сформированным уже не в период детства, а во взрослом возрасте, когда человек в силу каких-либо сложившихся обстоятельств вынужден был сменить материнский язык на какой-либо другой.

Вторым параметром для выделения типов билингвизма является параметр языковой среды. В соответствии с ним выделяют естественный и искусственный билингвизм. Первый тип двуязычия формируется при усвоении ребенком двух языков от его носителей, второй — в ходе детально спланированного родителями педагогического маневра, в ходе которого инпут второго языка вводится ребенку не носителем, а студентом L2

очень высокого уровня. Так чаще всего русскоязычные мамы, которые работают переводчиками английского языка, ставят себе цель воспитать в семье с русскими родителями двуязычного ребенка. Это достигается за счет смены языка общения с ребенком и требует от родителей большого энтузиазма и терпения.

Третьим параметром для выделения разных типов билингвизма является время. В соответствии с ним разграничивают одновременный (параллельный) и последовательный билингвизм. Для этого разграничения учитывают, как усваивались два языка: сразу оба в один период времени или сначала один, а потом — другой.

Если билингв усвоил языки с разной степенью успешности, то его двуязычие можно охарактеризовать как субординативный билингвизм. В таком случае язык, который усвоен лучше, будет называться доминантным, а который усвоен хуже — рецессивным.

Данная статья посвящена описанию речи детей-билингвов 6–7 лет, параллельно усваивавших русский и английский языки. Проведя оценку уровня языковой способности информантов, можем сказать, что их двуязычие носит субординативный характер — они примерно в равной степени владеют обоими языками. Общее число информантов — 17 человек. Страна проживания — США.

Информантами стали дети именно 6–7 лет в силу двух причин. Во-первых, монолингв такого возраста является носителем сформированной языковой личности, человеком, который с физиологической точки зрения уже готов к обучению в школе; во-вторых, в семилетнем возрасте заканчивается «критический период», который М. Монтессори назвала периодом, когда человек способен естественным образом эффективно усваивать два и более языков.

Материал исследования представлен расшифрованными аудиозаписями устной речи, основными чертами которой являются спонтанность и непринужденность [Земская], следовательно, материал такого рода может использоваться для изучения максимально естественной и неподготовленной речевой продукции.

Наибольшее внимание в языковом материале уделено глаголам. Интерес к данной части речи обусловлен ролью слов данного класса в процессе усвоения языка как средства общения (еще на раннем этапе голофраз ребенок стремится реализовать интенцию требования), а также значимостью глаголов для языковой системы (об этом свидетельствует наличие вербоцентрической концепции в теории описания языка). Примечательно, что в ходе экспериментальных исследований [Gentner] было установлено: парадигму именных частей речи дети усваивают многим быстрее, чем формообразование глаголов.

В качестве речевого стимула выступил мультфильм «Маша и медведь». Выбор стимула обусловлен доминирующей ролью акционального компонента в сюжете мультфильма. Эта черта является определяющей, так как для анализа нам необходимо было получить именно глагольные формы.

Выбранные серии мультфильмов отличаются динамичным сюжетом, сверхкраткими диалогами между героями и небольшой длительностью серий. Такие характеристики мультфильмов позволили детям удержать в памяти цепочку событий, а также предоставили возможность самим выбирать лексику и конструировать словоформу. Расшифровки аудиозаписей устной звучащей речи в жанровом отношении представляют собой тексты-нарративы.

Эксперимент проводился следующим образом. Сначала ребенку демонстрировался мультфильм, а потом родитель просил пересказать его содержание. Родители не исправляли детей во время пересказа, при необходимости задавали от одного до четырех кратких наводящих вопросов. Общий объем материала — чуть более 10 000 словоформ.

В нарративах русско-английских билингвов было отмечено значительное количество ошибок в выборе основы глагола. Это связано с наличием в русском языке двух типов формообразующих основ (настоящего времени и инфинитива), между которыми ребенку крайне трудно сделать выбор. В примере 1 трудность вызывает глагол «течь», окончание основы которого восходит к праславянскому сочетанию *kt, которое после VI века в восточных языках трансформировалось в «ч». Трансформация

не коснулась форм настоящего времени первого лица единственного числа и форм прошедшего времени, где согласный не предшествовал гласному переднего ряда:

- 1) там, где течёла в дверь, потому что это было слишком много дождь;
- 2) и рыбы даже выскочили из воды и потом поскакали и пошли;
- 3) потом мишка боялся и потом чуть-чуть прыгивал на назад.

Ошибка в примере 2 также вызвана фактами истории языка. Последний согласный основы настоящего времени претерпел изменения в ходе первой палатализации. Однако в форме прошедшего времени шипящего звука быть не должно, так как за ним не следует гласный переднего ряда. Пример 3 содержит словообразовательную инновацию, которую ошибочно породил ребенок, спутав I и III продуктивные глагольные классы. Можно предположить, что суффикс *-ова-* в языковом сознании автора примера является сильным маркером идеи процессуальности. Помимо этого в примере есть избыточный предлог *на*, появление которого вызвано интерференцией с английским языком.

В следующую группу ошибок включаются примеры использования глагольных «форм-посредников» [Пупынин] в контекстах, требующих личных форм глагола в индикативе. Гипотеза усвоения русской системы глагольного формоизменения через использование форм-посредников опирается на понятие сверхгенерализации [Slobin].

В примере 4 в качестве форм-посредников приведены формы императива и инфинитива, а также опущен предикатив *нужно*. В примере 5 мы находим употребление инфинитива в функции глагола настоящего времени. Несмотря на ошибку, автору примера удалось правильно выбрать вид глагола и передать значение репититивности с помощью повтора:

- 4) там была такая штука, что ее переверните и идти в другую сторону;
- 5) стул мешает, потому что там каждый раз двигаться и двигаться.

Отдельную сложность вызывает усвоение категории возвратности, которая, как известно, характеризуется широким диапазоном выражаемых значений. Пример 6 указывает на то, что эта категория не до конца усвоена информантом. Причем мы видим здесь ошибку именно в категории возвратности, так как героиня мультфильма Маша не постучала в дверь, а издавала стук, играя пластмассовыми мячиками:

- 6) и потом Маша стукалась, и потом она показала рисунок, который она нарисовала.

В следующую группу мы выделили ошибки на категорию рода в формах глаголов прошедшего времени. Несомненно, категория рода не является собственно глагольной — ошибка в примере 7 обусловлена неверным усвоением рода существительных, которые согласуются с глаголами. В примере мы наблюдаем негативный трансфер, обусловленный немаркированностью категории рода в английском языке:

- 7) собачка вот сюда пришел.

Помимо этого трудность вызывают и глаголы, присоединяющие дополнение с предлогом. В примере 8 мы находим ошибочное выражение конструкции «звонить по + д. п.». В примере 9 отсутствие предлога *на* может быть обусловлено контаминацией значений непереходного глагола *посмотрел* и переходного глагола *увидел*:

- 8) медведь звонил и кричал телефони;
9) потом он встал, будильник посмотрел.

Также в нарративах русско-английских билингвов отмечено избыточное употребление предлога *с* при глаголах, требующих косвенного дополнения в творительном падеже. Несмотря на то что конструкции с предлогом *с* являются гораздо менее частотными, чем конструкции без предлога (8500 вхождений в НКРЯ с предлогом против 1 700 000 вхождений без предлога), информанты все равно использовали глагол с предлогом в конструкциях с творительным средства и инструмента. Это обусловлено интерференцией с английской конструкцией *to play with smth*:

- 10) Маша там все время баловалась с чем-то.

Традиционно одной из наиболее сложных для усвоения русских грамматических категорий является категория вида. В примере 11 мы видим глаголы НСВ в позиции форм СВ, передающих последовательность действий в прошедшем времени. А в примере 12, напротив, встречаем ошибочный случай образования инхоатива СВ от глагола эмоционального состояния *бояться*, который не позволяет образовать от него форму СВ:

- 11) медведь холодильник открыл, а когда видел мышку, звонил телефону;
- 12) и потом медведь забоялся.

Далее необходимо рассмотреть трудности лексического характера. При невозможности выбрать из имеющегося лексикона слово, верно передающее значение денотата, информанты прибегают к использованию «слов-губок» [Земская: 4]. Так, в примерах 13–14 информанты не смогли извлечь из своего лексикона глагол *строить* и заменили его на глагол общего значения *делать*. В примере 15 мы отметили замену существительного *дрезина* на разговорное слово *фигня*, которое всегда является контекстуально обусловленным:

- 13) это такой песок, который пол там делает;
- 14) кирпичи нужны, чтобы дома делать;
- 15) а тут ехал на какой-то фигне.

Не менее трудными для информантов являются конструкции, употребление глаголов в которых подчиняется конвенциональным правилам определенной сочетаемости с существительным. В примере 16 мы находим контаминацию значений *встать с кровати*, *выйти из спячки*:

- 16) сначала медведь встал со спячки.

В сюжете одного из пересказываемых детьми мультфильма был следующий эпизод: медведь позвал кота, который должен был поймать мышку, поселившуюся в доме медведя после сильного дождя, затопившего ее норку. У трети всех двуязычных информантов возникла трудность в употреблении глагола *поймать*, вместо которого абсолютное большинство информантов употребили глагол *взять*. Общее значение обоих глаголов — *поместить*

под свой контроль, приблизив к себе. Однако взять мы можем предмет, покоящийся на плоскости, а поймать — предмет, который перемещается в пространстве:

- 17) мишка увидел и потом позвал кота, чтобы взять эту мышку;
- 18) потом кот взял пылесос и хотел взять мышку.

Появление ошибок в примерах 17–18 обусловлено воспринимаемым детьми инпутом. Гораздо более частотной является ситуация, когда родители предлагают ребенку что-то взять (глагол в форме императива), чем поймать.

Проведенный анализ показал, что все ошибки в употреблении глагольных форм детьми-билингвами можно разделить на грамматические и лексические. Среди грамматических мы выделили неверный выбор основы, использование форм-посредников, ошибки на категорию рода, вида, возвратности, нарушение модели глагольного управления. Среди лексических ошибок мы отметили использование слов-губок и нарушение правил сочетаемости. Ошибки в употреблении глаголов представляют собой примеры заполнения языковых лакун, словообразовательные инновации, а также случаи реализации стратегии упрощения периферийных грамматических и лексических категорий. Природа возникновения ошибок объясняется интерференцией с английским языком, а также характером русскоязычного инпута, материал которого не всегда достаточен для усвоения частных особенностей русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979.
2. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979.
3. Пауль Г. Смешение языков // Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 459–474.
4. Пупынин Ю. А. Усвоение системы русских глагольных форм ребенком // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 84–94.
5. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 174–184.

6. *Gentner D.* Why verbs are hard to learn // Action meets word: How children learn verbs. In K. Hirsh-Pasek, & R. Golinkoff, (Eds.) New York, NY: Oxford University Press. 2006. P. 544–564.
7. *Slobin D.I.* Acquisition of Russian as a native language // The genesis of language. Psycholinguistic Approach / Ed. by F. Smith and G.A. Miller. Cambridge (Mass.); London, 1966. P. 129–148.

ON THE NATURE OF ERRORS IN USE OF VERBS
BY BILINGUAL CHILDREN

ANASTASIA IVANENKO

Abstract. The article deal with grammatical and lexical features of the use of verb forms by Russian-English bilinguals 6–7 years old. There were considered possible causes of errors, also there was discussed the role of interference and input in the development of the language ability of informants.

Keywords. Bilingualism, verb, interference, input, narrative.

Адрес автора: nastyaiwanencko@yandex.ru

Стереотипизация ошибок в связи с принятием решений

Елена Иванова (Алена Ванова)

Россия, Российский университет дружбы народов

Аннотация. В данной статье автор утверждает, что стереотипы и стереотипизация автоматически влияют на принятие решений. Стереотипизация, вероятно, является неизбежным феноменом, потому что она связана с человеческим восприятием и физиологией. Также стереотипы и их исследование изначально имеют отношение к деятельности в области массовых коммуникаций. Для практической визуализации тезисов составлена таблица «типичных» ошибок, а также ситуаций, в которых они, как правило, происходят: А) врачебная ошибка/ошибка преподавателя и проч.: *профессиональная ошибка*; В) ошибка выбора спутника жизни: *личная ошибка*; С) инвестиционная ошибка (например, при покупке недвижимости): *ошибка в ситуации*. Данные ошибки возможны, когда: 1) знаешь о существовании ошибки; 2) допускаешь, что может быть ошибка; 3) уверен в правильности своего решения, ошибки исключаешь. Автор полагает, что категория «правильный ответ» / отсутствие ошибки — это ментально созданное субъективное понятие, а не объективно существующее явление. Также обращается внимание на роль опыта в процессе принятия решений и стереотипизации.

Ключевые слова. Стереотипы, стереотипизация, ошибки, принятие решений, опыт.

Понятие «стереотип» (stereotype) в его современном понимании в гуманитарных, филологических и даже психологических науках берет свое начало в книге североамериканского журналиста Уолтера Липпманна (Walter Lippmann) «Общественное мнение» (Public Opinion), опубликованной в 1922 году. Липпманн, будучи газетным журналистом и зная издательский процесс, заимствовал оттуда профессиональный термин-название типографского оттиска «стереотип», употребив его как метафору по отношению к ментальным представлениям. Автор утверждал, что до получения дополнительной информации у людей по любому поводу уже есть «картинки в головах» (the pictures in their heads); эти ментальные образы Липпманн и назвал стереотипами [Lippmann: 12].

Экскурс в этимологию понятия «стереотип» и связанного с ним явления «стереотипизация» (stereotyping), под которым подразумевается воспроизведение, тиражирование однажды возникшего и закрепленного образа, требуется прежде всего для того, чтобы обратить внимание на тот факт, что понятие «стереотип» сформулировано не ученым, а журналистом-практиком (Уолтер Липпманн был бакалавром в области журналистики, окончив университет Гарварда (Harvard University)). Почему данный факт имеет значение? Основным источником и каналом воспроизведения стереотипов в обществе являются массовые коммуникации (mass communication): журналистика, связи с общественностью / Public Relations (PR), реклама, массовый кинематограф (прежде всего так называемые голливудские фильмы), ТВ-сериалы и проч. В современном понимании к массовым коммуникациям относят также многое другое: организацию и проведение массовых спортивных мероприятий, компьютерные игры, комиксы, граффити и др. То есть можно с уверенностью говорить об увеличении каналов тиражирования стереотипов в обществе.

В качестве вводной информации также следует заметить, что существует много видов / классов / групп стереотипов, каждая из которых имеет свою специфику. Например, гендерные

стереотипы, апеллирующие к специфике и различиям пола, к примеру, отличаются от стереотипов по отношению к видам профессиональной деятельности. Наиболее общая категория стереотипов, которая обсуждается в литературе, — это так называемый стереотип социальный. В данной работе предлагаю коснуться именно его, хотя в той или иной ситуации можно говорить о его специфике [Судаков: 8].

У стереотипов (в том числе социальных) существует много функций, включая функцию адаптации, связанных с явлением конформизма, идентификации и др. Одна из функций, которая интересует нас в данном исследовании, — функция экономии ментальных усилий: работа стереотипа напоминает процесс наклеивания ярлыков (*shortcuts*), который профессор психологии из Аризоны (США) Роберт Чалдини (*Robert B. Cialdini*) в своем международном бестселлере «Психология влияния» описал в виде образа «щелк, зажужжало» [Чалдини: 10].

Стереотип и процесс стереотипизации запускаются автоматически: до того, как срабатывает логическое и критическое мышление. Это следует учитывать при любом исследовании стереотипов и стереотипизации. Упомянув в конце статьи в разделе «Список литературы» свои публикации о стереотипах и стереотипизации, которые относятся к теме данного исследования, хотелось бы перейти к основному тезису данной работы: стереотипы и стереотипизация задействованы в процессе принятия решений (*decision-making*) [Иванова: 1; 2; 3; 4; 5; 6]

Все, что связано с принятием решений, изучается как отдельно, так и в рамках других наук, например поведенческой экономики (*behavioral economics*), имеющей множество направлений. Из базисных трудов упомянем лишь переведенную на русский язык книгу «Думай медленно... Решай быстро» (*Thinking, Fast and Slow*) лауреата Нобелевской премии в области экономики в 2002 года Даниеля Канемана (*Daniel Kahneman*). В англоязычном издании по отношению к механизму, запускающему принятие решений, автор использует два термина: «автопилот» (*autopilot*) и «пилот» (*pilot*). Речь идет об автоматической реакции, а также о более обдуманных логических решениях. Несмотря на то что доктор Канеман не употребляет термины «стереотип», «стереотипизация» и др., речь идет именно о них [Канеман: 7].

То есть, несмотря на разницу в применяемых терминах, авторы приходят к выводу, что принятие решений связано со стереотипами и стереотипизацией.

Для стереотипизации и принятия решений также важна категория, которую можно назвать *опытом*. Считается, что опыт влияет на процесс принятия решений, изменяя их. При этом многие исследователи обращают внимание на то, что, когда опыт вступает в противоречие с существующим стереотипом, человеку крайне неудобно менять свои стереотипы и он часто игнорирует несоответствие между своим опытом / практикой / реальностью и стереотипом / своим устойчивым представлением по этому поводу / ментально-психологической операционной моделью. То есть человек, найдя «ошибку», предпочитает не обращать на нее внимания, к примеру считая данный случай (опыт), с которым он столкнулся, исключением, а не правилом. В связи с этим упомянем алгоритм стереотипизации, который по-английски звучит как “See a pattern, make a rule”: смотри на закономерность/шаблон, формулируй правило. То есть, *согласно механизму стереотипизации, правильно то, что повторяется*. Например, если так делают все, кого я знаю, так и должно быть. На эту тему можно долго рассуждать, что и делают многие авторы. Упомянем лишь одну книгу американского автора ливанского происхождения Нассима Талеба (Nassim Nicholas Taleb) «Черный лебедь» (The Black Swan). Метафору «черный лебедь» Нассим Талеб употребил в связи с фактом: до открытия континента Австралии европейцы верили, что все лебеди белого цвета, потому что видели только таких птиц. Автор утверждает, что самое вероятное — то, что невероятно: скрытый, неизвестный факт, неисследованное явление, потому что черные лебеди в его примере всегда существовали, просто европейцы о них до определенного периода не знали [Талеб: 9].

Применительно к принятию решений вывод следующий: люди редко учитывают неизвестные им факторы, а также не всегда доверяют своему опыту (известным фактам), предпочитая действовать стереотипно.

Теперь, имея в виду все упомянутое выше в связи со стереотипами и стереотипизацией, предлагаю посмотреть на проблему *допущения ошибок*. Во-первых, само утверждение о том, что

решение должно быть «правильным» и «безошибочным», является философско-интерпретативным: то, что «правильно» для одного человека в определенных обстоятельствах и среде, может быть неверным и ошибочным для других людей. Во-вторых, концепция «отсутствия ошибки» является частью бинарной оппозиции: правильно (отсутствие ошибки) — неправильно (наличие ошибки), в которой человек, принимающий решение, пытается угадать единственно «верный / правильный ответ», часто не допуская, что в силу многих обстоятельств это невозможно. То есть категория «правильный ответ» / отсутствие ошибки — это ментально созданное субъективное понятие, а не объективно существующее явление.

Попробуем на эту тему порассуждать, взяв для примера три ситуации ошибок, которые можно считать «типичными»:

- А) врачебная ошибка / ошибка преподавателя и проч. — профессиональная ошибка;
- В) ошибка выбора спутника жизни — личная ошибка;
- С) инвестиционная ошибка (например, при покупке недвижимости) — ошибка в ситуации.

Составим таблицу (табл. 1), отражающую связь вида ошибки и типичных представлений об ошибке / ее восприятия / отношения к этим ошибкам:

- 1) знаешь о существовании ошибки;
- 2) допускаешь, что может быть ошибка;
- 3) уверен в правильности своего решения, ошибки исключаешь.

Таблица нужна для наглядности / визуализации соотнесения видов ошибок и типичных, связанных с ними ситуаций.

В качестве эксперимента предлагаю заполнить данную таблицу. Что между всеми шестью (их может быть больше) ситуациями общего? *Речь идет о принятии решений* (decision-making). Человек постоянно вынужден/должен принимать решения, а также за эти решения нести морально-социальную, а также законодательную ответственность. Например, если речь идет о профессиональной ошибке врача и он знает об этой ошибке, он сознательно совершает преступление, которое, возможно,

станет концом его докторской практики и/или приведет к другим лишениям, может/должно повлечь за собой серьезное наказание.

Таблица 1

Ошибки	1) знаешь об ошибке	2) допуска- ешь ошибку	3) исключая- ешь ошибку
А) профессиональная ошибка			
В) личная ошибка			
С) ошибка в ситуации			

После принятия того или иного решения мы (люди) автоматически испытываем сильные эмоциональные состояния. Если с течением времени решение расценивается как «правильное/верное», человек испытывает радость, счастье, гордость и другие конструктивные эмоции и чувства. Эта реакция автоматически связана с гормональным состоянием: в организме повышается уровень гормонов, которые западные авторы называют ангельским коктейлем (angel's cocktail), имея в виду роль, свойства и реакцию таких гормонов, как дофамин, окситоцин и эндорфин [Phillips: 13].

Если принятое решение приводит к нежелательным / непредсказуемым / негативным последствиям, человек испытывает досаду, горечь, разочарование, что принято считать деструктивными эмоциональными состояниями. Те же западные авторы метафорично называют гормоны, которые провоцируют негатив, обиду и проч., дьявольским коктейлем (devil's cocktail), подразумевая роль, свойства и реакцию на человека таких гормонов, как кортизол и адреналин [Phillips: 13].

То есть последствия своего принятого решения человек ощущает телом, либо эмоционально и гормонально «окрыляясь», либо разрушаясь.

Почему реакция на принятое решение / последствия того или иного принятого человеком решения оказывает столь сильное воздействие на организм? Мой ответ: это связано с опытом. Как правило, человек принимает решение самостоятельно. К примеру, основной вопрос философии экзистенциализма, почему человек кончает жизнь самоубийством. Решение может

быть судьбоносным и/или финальным, поэтому человечество озабочено поиском ответа на вопрос, как исключить ошибки в принятии решений и/или минимизировать их.

В табл. 1 есть графа «уверен в правильности своего решения, ошибки исключаешь». Это та ситуация, которая, вероятно, наиболее предпочтительна для большинства людей, находящихся в процессе принятия решений. Разумеется, допуская, что это может быть совсем не так (отсылка к упомянутой теории Нассима Талеба, феномену неизвестности черного лебедя), я задала себе вопрос: что дает человеку уверенность в том, что ошибка отсутствует? Я пришла к выводу, что стереотипы, поскольку они запускаются автоматически, экономя ментально-психологическую энергию и силы, а также не всегда подвергаются сомнению. Плюс существует статистическая вероятность, что решение, принятое под воздействием стереотипных представлений по тому или иному поводу, в каких-то случаях оказывается «верным», «правильным» и, следовательно, приятным. Высказывание «уверен в правильности своего решения, ошибки исключаю» синонимично фразе: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Это цитата А. П. Чехова из его рассказа «Письмо ученому соседу». Прочитирую оттуда еще несколько фрагментов: «Ужасно я предан науке!»; «Всякое открытие терзает меня как гвоздик в спине»; «Хотя я невежда и старосветский помещик, а все же таки негодник старый занимаюсь наукой и открытиями, которые собственными руками произвожу и наполняю свою нелепую головешку, свой дикий череп мыслями и комплектом величайших знаний»; «Я много произвел открытий своим собственным умом, таких открытий, каких еще ни один реформатор не изобретал»; «Много я сделал открытий и кроме этого хотя и не имею аттестатов и свидетельств. Приезжайте ко мне дорогой соседусшко, ей-богу. Откроем что-нибудь вместе, литературой займемся и Вы меня поганенького вычислениям различным поучите». Перед финальной строкой-подписью своего персонажа «Остаюсь уважающий Вас...» доктор Чехов пишет: «Это письмо должен Вам доставить мой ключник Трофим ровно в 8 часов вечера. Если же привезет его позже, то побейте его по щекам, по профессорски, нечего с этим племенем церемониться. Если доставит позже,

то значит в кабаке анафема заходил. [Примечание: ключник Трофим должен быть наказан за ошибку.] Обычай ездить к соседям не нами выдуман не нами и окончится [Примечание: данный ритуал стереотипен], а потому непременно приезжайте с машинками и книгами. Я бы сам к Вам поехал, да конфузлив очень и смелости не хватает. Извините меня негодника за беспокойство» [Чехов: 11].

Дата написания этого рассказа Чехова — до 1880 года. Однако ситуация нам кажется знакомой, не так ли?

Подводя итог, хочу сформулировать *выводы*: стереотипы и стереотипизация автоматически влияют на принятие решений; стереотипизация, вероятно, неизбежна, потому что она связана с человеческим восприятием и физиологией. Также хочу напомнить о неизбежности ошибок в процессе принятия решений. И в заключение позвольте еще раз обратить внимание на роль опыта в процессе принятия решений, сказав, что человек имеет право на ошибку, но это не значит, что эту ошибку следует стереотипно повторять.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Е. А., Палагина И. В., Прошкин С. С. Шок, эпатаж и провокация в текстах массовых коммуникаций как стереотипы воздействия на целевые аудитории // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. Научно-аналитический журнал. 2018. № 1. С. 80–94.
2. Иванова Е. А., Куликов С. В., Сульженко А. А. Стереотипные визуальные символы как средство консолидации общечеловеческой ответственности в контексте международного признания геноцида // Вестник РУДН. 2017. Т. 17. № 2. С. 372–383.
3. Иванова Е. А. Юмор: стереотипы и творчество // Проблемы современного радиовещания: материалы IV Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Москва, РУДН, 10 апреля 2018 г. / сост. В. В. Ильичева, К. Е. Кузьменкова; под ред. В. В. Барабаша. М.: РУДН, 2018. С. 94–98.
4. Иванова Е. А., Куликов С. В. Творческая и стереотипная деятельность в массовых коммуникациях: на примере социальной рекламы // Научное обозрение. Серия 2.

- Гуманитарные науки. Научно-аналитический журнал. 2015. № 4. С. 161–168.
5. *Иванова Е.А.* Креативные и стереотипные подходы к обучению студентов в России с целью интернационализации образования // Интернациональный университет — стратегия и тактика развития (создание платформы интеграции гуманитарных и естественных наук): материалы Международной научно-практической конференции под эгидой ЮНЕСКО / под ред. В. М. Филиппова. Россия, Москва, РУДН, 5–7 февраля 2015 г. М.: РУДН. 2015. С. 172–176.
 6. *Иванова Е.А., Денисов Р.В.* Инфокорреляция в вопросах формирования общественного мнения // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. Научно-аналитический журнал. 2014. № 4–5. С. 20–26.
 7. *Канеман Д.* Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2014.
 8. *Судаков К.В.* Динамические стереотипы, или Информационные отпечатки действительности. М.: ПЕР СЭ, 2002.
 9. *Тaleb Н.Н.* Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Издательство «Колибри», 2009.
 10. *Чалдини Р.* Психология влияния. Спб.: Питер, 2000.
 11. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Т. 1. М.: Наука, 1983. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/32/p.1/index.html> Дата обращения: 03.04.2019.
 12. *Lippmann W.* Public Opinion, N.Y., 1954.
 13. The magical science of storytelling by David JP Phillips // TEDx-Stockholm [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Nj-hdQMa3uA> Дата обращения: 03.04.2019.

STEREOTYPING OF MISTAKES IN DECISION-MAKING

ELENA IVANOVA (ALIONA VANOVA)

Russia, RUDN University

(Peoples' Friendship University of Russia)

Abstract. In this article, the author claims that stereotypes and stereotyping automatically influence decision making. Stereotyping

is probably an inevitable phenomenon, because it is related to human perception and physiology. Also, stereotypes and their research are initially connected with activities in the field of mass communications. For practical visualization of her theses, the author created a table of “typical” errors, as well as situations in which they usually occur: A) medical error / teacher error, etc.: professional error; B) the mistake of choosing a life partner: personal error; C) investment error (for example, when buying property): an error in a situation. These errors occur when: 1) you are aware of the existence of an error; 2) you admit that there may be a mistake; 3) you are confident in the correctness of your decision, you exclude mistakes. The author believes that the category “correct answer” / absence of error is a mentally created subjective concept, and not an objectively existing phenomenon. Attention is also drawn to the role of experience in the decision-making process, as well as stereotyping.

Keywords. Stereotype, stereotyping, mistake, error, decision-making.

Адрес автора: astra_inclinant@yahoo.com

От ошибки восприятия текста к возникновению языковой единицы (об истории некоторых фразеологизмов русского языка)

Татьяна Кошелева

*Россия, Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого*

Аннотация. Источником многих фразеологических единиц русского языка являются прецедентные тексты (литературные произведения, легенды, мифология и т. п.). Среди фразеологизмов выделяется значительный пласт единиц, обязанных своим происхождением Библии. Но в процессе фразеологизации библеизмы часто утрачивают связь с первоисточником, что может привести к искажению формы или значения исходного выражения. Объектом нашего рассмотрения являются те фразеологические единицы, структура или семантика которых так или иначе связана с ошибками восприятия библейского текста.

Ключевые слова. Фразеологизм, библеизм, прецедентный текст.

Среди языковых единиц, которые мы употребляем в своей речи, фразеологизму, вероятно, принадлежит особое место. Во-первых, это связано с неким внутренним противоречием фразеологической единицы, то есть сложностью взаимоотношений между планом содержания и планом выражения:

как известно, по форме фразеологизм — это сверхсловное образование (сочетание слов), а по содержанию он сходен со словом, так как имеет целостное значение. Во-вторых, становясь фактом языковой системы, фразеологическая единица часто утрачивает связь с источником, ее породившим, а ситуация, обусловившая возникновение генетического прототипа фразеологизма, перестает восприниматься как частная, конкретная и переходит в разряд прецедентных.

Подвергаясь обобщению и переосмыслению, некогда свободные сочетания слов могут утрачивать не только прежние значения (что, собственно, и является неперменным условием возникновения фразеологизма), но и внутреннюю связь с этой прецедентной ситуацией.

Теряя в сознании носителей русского языка свою внутреннюю форму, фразеологическая единица может оказаться непонятной, трудной для восприятия и, наконец, по этой причине малоупотребительной. В этом случае на помощь нашему языковому сознанию приходит историко-этимологический комментарий во фразеологических словарях, объясняющий происхождение фразеологизма. Во многих случаях такой комментарий действительно помогает осмыслению значения фразеологизма. Вот так, например, комментируется происхождение фразеологической единицы *прокрустово ложе* в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология»: *«Выражение из античной мифологии. Прокруст... сын Нептуна, разбойник и истягатель. Он ловил проходящих и клал их на свое ложе. Тем, у кого ноги были длиннее ложа, он обрубал их, а тем, у кого они были короче, — вытягивал, подвешивая к ногам тяжести»* [Бирих: 397]. Естественно, знание внутренней формы данной единицы способствует пониманию ее фразеологического значения: *«Мерка, под которую стремятся насильственно подогнать, приспособить что-л., для нее не подходящее»* [Бирих: 397]. Речь в данном случае идет, конечно, только о тех фразеологических единицах, которые в языковой системе не утратили окончательно свою внутреннюю форму (в основном о фразеологических единствах по известной классификации В. В. Виноградова).

Однако применительно к некоторым такого рода единицам информация об их происхождении может входить в противоречие с их фразеологическим значением, а в некоторых случаях

и с самим существованием такой единицы. Мы имеем в виду фразеологизмы, образованные от сочетаний, неправильно понятых (интерпретированных) в тексте-источнике. Поскольку процесс фразеологизации сочетаний слов связан с обобщением и воспроизводимостью, вероятно, неверное восприятие текста в таких случаях имеет не частный характер, а является типичной ошибкой.

Среди фразеологизмов, возникших из неправильно понятых выражений, значительную часть занимают библейские по происхождению фразеологические единицы. По подсчетам исследователей, всего в русском языке насчитывается более 800 устойчивых единиц, обязанных своим происхождением Библии. В это число включены не только те единицы, которые встречаются в Священном Писании в том же лексическом составе (*глас вопиющего в пустыне, зарывать талант в землю*), но и те, которые детерминированы библейскими текстами (*беден как Иов, неть Лазаря*).

Ошибки восприятия исходных сочетаний слов, обусловившие возникновение в системе русского языка некоторых библейских фразеологических единиц, затрагивают как формальную, так и содержательную их сторону. Формальные связаны чаще всего с трудностями понимания церковнославянского языка, в частности грамматических форм, содержательные — с ошибочной интерпретацией лексических значений или их оттенков, вызванной в основном некомпетентностью в понимании христианских смыслов.

Самый известный пример функционирования в русском языке фразеологизма из неверно истолкованного библейского выражения — *ложь во спасение*. Значение устойчивого сочетания толкуется как «*ложь во спасение кого-л., искупительная ложь*» [Бирих: 398], «*ложь для блага обманываемого*» [Грановская: 276]. Выражение возникло из неправильно понятого церковнославянского текста — стиха 32-го псалма: «Ложь конь во спасение, во множестве же силы своя не спасется», в русском переложении — «ненадежен конь для спасения, не спасет своей многой (великой) силой». Языковое сознание современного носителя русского языка неизменно идентифицирует слово *ложь* как существительное, каковым оно и является в русском языке.

Однако церковнославянское *ложь* в тексте Псалтири не существительное, а краткое прилагательное мужского рода, согласованное с существительным *конь*, — «ложный», то есть «ненадежный». И речь в этом отрывке из Псалтири не об обмане (лжи), который может быть оправдан неким «благом для обманываемого», а о неизбежности наказания за грехи, от которого не спасет (не унесет) даже сильный конь.

Неверно интерпретированная частеречная принадлежность слова — довольно частая ошибка восприятия церковнославянского текста: как существительное понимается не только прилагательное *ложь*, но и глаголы *весть*, *суть*. В системе современного русского языка они таковыми и являются, а знанием грамматики церковнославянского языка похвастаться могут не многие.

Надо сказать, что такая формальная ошибка и обусловленное ею возникновение языковой единицы *ложь во спасение* имеют далеко не формальные последствия: многие употребляющие данное устойчивое сочетание в своей речи (а особенно те, кто слышал о его «библейском происхождении») всерьез считают, что обман ради так называемой благой цели — это христианское понятие, непреложность которого закреплена употреблением в Священном Писании.

Другое выражение из Библии, структура которого неверно истолкована, употребляется в русском языке в виде устойчивой фразы *всякое даяние благо* (или его вариант *всякое даяние благо, и всяк дар совершен*) со значением «любое благотворительное дело полезно и благородно» [Бирих: 175]. В этом понимании словоформа *благо* (так же как во втором варианте *совершен*) занимает предикативную позицию. Источником выражения является Соборное послание апостола Иакова, где указанное выражение — только часть предложения: «...*всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов...*» В исходном тексте *благо* и *совершен* — краткие прилагательные, занимающие позицию определения, а сказуемое — *свыше есть*; в переложении на русский язык — «всякое доброе (благое) даяние и всякий совершенный дар нисходит свыше, от Отца светов (то есть от Бога)». На первый взгляд, несмотря на преобразование синтаксической структуры, значение используемой

в русском языке единицы не противоречит содержанию исходного выражения. Однако более широкий контекст указанного библейского отрывка показывает, что слово *даяние* (равно как и *дар*) имеет отношение не к «благотворительному делу», совершаемому человеком, а к дарам Бога человеку. В предшествующих стихах Послания апостол Иаков предостерегает христиан считать зло деянием Божиим: *«Никтоже икушаемь да глаголет, яко от Бога икушаемь есть»*, в русском переложении — «во искушении никто не говори: Бог меня искушает». Апостол Иаков выражает «положительное опровержение заблуждения, будто Бог — виновник искушений, ведущих к гибели», «что Бог — виновник только добра, апостол выражает усиленно, и именно только от Него нисходит всякое даяние доброе и всякий дар совершенный» [Толковый Апостол: 52–53].

Примером неверно истолкованного смысла библейского выражения может служить употребление фразеологизма *нищие духом*. В русском языке устойчивая единица имеет значение «неумные, лишенные духовных интересов» [Русская фразеология: 472], *духовно бедные люди*. Источником выражения является Евангельская Нагорная проповедь Иисуса Христа, составившая строки одного из повторяющихся в православном богослужении литургических песнопений: *«Блаженни нищии духом, яко тех есть Царство Небесное»*. В христианском понимании *нищета духовная* — это добродетель, одно из условий, необходимых для наследования Царства Божия (рая, спасения). *Нищий духом* в библейском значении — *смиранный*, «то есть считающий себя недостойным, а потому стремящийся святою жизнью удостоиться высших благ небесных» [Михельсон: 540]. Ни с недостатком ума, ни с духовной бедностью такое значение не связано. Различия в понимании исходного выражения и устойчивой единицы *нищие духом*, возможно, вызваны семантическим сдвигом в смысловой структуре слова *нищий*. Этимология его (которая, вероятно, и лежит в основе «библейского» понимания описываемого выражения) соединяет его родственными связями со словами *никнуть*, *ниц*, *ничком*. Общая сема у всех этих слов — склоняться вниз лицом, кланяться, приникнуть, то есть *нищий* — буквально тот, кто кланяется, прося подаяние, и главное во внутренней форме этого слова не бедность, а сам факт

смиренной просьбы, поклона. Потому *нищие духом* — не бедные духом, а те, кто смиренно (склонив голову) просит у Бога того, что необходимо для духа.

В связи с наблюдаемым в современном обществе определенным изменением отношения к религии, в частности к православию, в языковое сознание носителей русского языка начинают возвращаться утраченные исконные смыслы подобных выражений. Однако отсутствие духовного (церковно-религиозного) опыта делает этот процесс медленным и не лишенным новых ошибок. Так, на интернет-форумах можно встретить такие «определения» выражения *нищие духом*: «...*Это слабые в духовном отношении люди. Они не бедные в материальном смысле, а слабые душой, духом. Таких Господь жалеет, то есть любит, таким обещает Царство Небесное*» — «Нет, *нищие духом* — это как раз бедные в материальном смысле, но не просто неимущие, а добровольно (духом) отказавшиеся от богатства».

Еще один пример семантического сдвига в восприятии библейского выражения являет употребление в русском языке сочетания *злачное место*. Значение фразеологизма — «*место, где пьют, играют, предаются разврату*» [Русская фразеология: 429]. Выражение восходит к Псалтири, стихам 22-го псалма на церковнославянском языке: «*Господь пасет мя и ничтоже мя лишит, на месте злачне тамо всели мя, на воде покойне воспита мя*». Но распространение оно получило, вероятно, благодаря употреблению в тексте заупокойного богослужения: «*Упокой, Господи, душу раба Твоего в месте светле, месте злачне, месте покойне*», где вместе с другими выражениями определяет «*место тихой, безмятежной и благостной жизни*» [Грановская: 245]. *Злачный* — производное от существительного *злак*, являющегося в христианском понимании символом изобилия. *Местом злачным* в богослужебных текстах именуется рай, Царство Божие, где праведник ни в чем не будет нуждаться. Интерпретация именно этой семы *изобилия* как доступности всего, «что душе угодно», в том числе удовлетворения низменных потребностей, вероятно и привела к семантическому сдвигу в значении выражения, изменив его вплоть до антонимичности исходному.

Создавая в языковом сознании носителя русского языка определенные стереотипы, такое лишенное библейских

смыслов употребление может вести к искажению восприятия многих христианских понятий. Поэтому в православном дискурсе, в частности церковной проповеди, частыми являются попытки вернуть утраченные ценностные смыслы подобных выражений или хотя бы разделить «светское» и «церковное» их употребление: *«Мы молимся о упокоении наших усопших в месте светлом, **месте злчном**. Как горько, что наименование Рая, Царства Небесного — „**злчного места**“ — стало в нашей речи названием места блуда и разврата! А ведь «злчное» в богослужбном тексте — от слова «злак», что является символом изобилия!..»* (из церковной проповеди).

Закрепившееся за библейским фразеологизмом современное значение действительно может дезориентировать носителя языка в духовной сфере, давать ошибочное представление о христианском взгляде на то или иное явление, особенно в тех случаях, когда сама единица безошибочно «узнается» как религиозная (библейская) по происхождению. Так, фразеологизм *до второго пришествия* употребляется в современном русском языке в значении «неопределенно долго, очень долго». В православном учении о втором пришествии Христа (Страшном суде) в значении этого понятия реализуется лишь сема «неопределенности». О времени второго пришествия действительно неизвестно, однако именно это обстоятельство не позволяет говорить о длительности его ожидания. *«Напрасно мы считаем, что „до второго пришествия“ — это бесконечно долго. Наш современный язык, к сожалению, утратил много не просто ценного, но жизненно необходимого. О дне Страшного суда не знает никто, даже ангелы. Значит, мы должны быть готовы ко второму Христову пришествию в любой день и час. Если это произойдет сегодня или завтра, никто из нас не сможет оправдаться тем знанием, а точнее „не-знанием“, которое дает нам эта языковая формула»* (из церковной проповеди).

Итак, функционирование в русском языке фразеологизмов, возникших в результате неверного истолкования библейского выражения, с одной стороны, обусловлено развитием лексико-грамматической системы самого русского языка, в частности изменениями грамматических и лексических значений, не позволяющими языковому сознанию носителей языка правильно

квалифицировать языковые явления; с другой стороны, в значительной степени вызвано отрывом от библейского источника и его ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель. АСТ. Люкс, 2005.
2. *Грановская Л.М.* Словарь имен и крылатых выражений из Библии. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ. Астрель, 2010.
3. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. СПб., 1912.
4. Толковый Апостол. Соборные послания святых апостолов, изъясненные епископом Михаилом Лузиным. М., 2009.

FROM THE ERROR OF THE PERCEPTION OF THE TEXT TO THE OCCURRENCE OF LINGUISTICS UNIT (ABOUT THE HISTORY OF SOME PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN LANGUAGE)

TATYANA KOSHELEVA

Abstract. The source of many phraseological units of the Russian language are precedent texts (literary works, legends, mythology, etc.). Among the phraseological units stands out a significant layer of units, that originated from the Bible. But in the process of phraseologization, Biblism often loses its connection with the original source, which can lead to a distortion of the form or meaning of the original expression. The object of our consideration are those phraseological units, the structure or semantics of which are somehow connected with the perception errors of the biblical text.

Keywords. Phraseologism, biblism, precedent text.

Адрес автора: tatkosh68@mail.ru

Ошибки в употреблении однокоренных эквивалентов в польско-русской коммуникации

Агата Ксёнжек

Польша, Краковский педагогический университет

Аннотация. Вопрос интерференции родного языка при употреблении межъязыковых омонимов и паронимов является особенно актуальным в современной лингвистике. Однако кроме подробно изученных пар слов с несовпадающими значениями, проблематичными могут оказаться также лексические единицы, характеризующиеся одинаковым написанием и зафиксированные в двуязычных словарях как семантические эквиваленты, но выступающие в разных контекстах и имеющие коннотации. Неполное совпадение семантических полей этих однокоренных слов часто вызывает сложности в процессе обучения иностранному языку. В настоящей работе дается характеристика данной проблемы на примере польско-русской коммуникации. Рассматриваются примеры ошибок, ведущих к неправильному осмыслению сообщения либо искажению речи говорящего, а также связанные с этим угрозы и возможные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова. Однокоренные слова, когнаты, родственные языки, польский, русский, межъязыковая интерференция, ошибка.

Польский и русский языки, принадлежащие к одной языковой группе, объединяет значительное количество однокоренных слов. Большая часть из них этимологически восходит к праславянскому языку. Другие лексемы появились путем заимствования из иностранных, чаще всего европейских языков. Также многовековая история культурных, экономических и политических взаимоотношений между двумя соседними народами оставила заметный след в лексических системах их языков в виде многочисленных полонизмов и русизмов. Такие однокоренные созвучные слова, значения которых совпадают, принято называть в лингвистике когнатами (от лат. *cognati* — «родственный») [Крысин]. Следует подчеркнуть, что семантическая схожесть когнатов часто варьируется. По степени семантической эквивалентности когнаты подразделяются на полные и частичные. Большинство из них относится ко второй группе, то есть к словам, значения которых не полностью совпадают. Неосведомленность в семантических расхождениях межъязыковых частичных когнатов приводит к искажению речи говорящего, опирающегося на языковые правила, закреплённые в родном языке. Влияние системы одного языка на процесс обучения другому языку, определяемое лингвистами как интерференция, может усложнить процесс конструирования правильных с точки зрения лексики и грамматики высказываний. Возникшие таким путем языковые ошибки затрудняют процесс русско-польской коммуникации как на стилистическом, так и на информационном уровне.

К самым часто исследуемым вопросам, связанным с лингвистической интерференцией, относится межъязыковая омонимия. Так называемые ложные друзья переводчика подробно описываются во многих работах из области языкознания. Они фиксируются в большинстве пособий для обучения польскому и русскому языкам как иностранным. Меньшее внимание уделяется правильному употреблению частичных когнатов, выступающих в большинстве словарей как межъязыковые эквиваленты. Поскольку семантические поля данных лексических единиц не полностью совпадают, отличаются также контексты их употребления. Учащиеся применяют эти слова в речи

по аналогии с их эквивалентами в родном языке, не сознавая их семантических расхождений. Часто разница касается коннотативного значения данного слова, которое сложно выявить, опираясь лишь на формальные языковые правила. Следовательно, в высказывании появляются предложения, несущие фальшивые смыслы, что ведет к неправильному осмыслению сообщения носителями языка.

При выявлении причин возникновения ошибок в употреблении однокоренных слов следует взять во внимание несколько аспектов обучения иностранному языку.

Первым из них является перевод слов с указанием лишь одного, основного смысла. У учащихся формируется убежденность в однозначности лексических единиц и грамматических форм. Фактически слова, семантические поля которых ограничиваются одним значением, выступают в русском и польском языках крайне редко. Многие контексты употребления когната и его эквивалента в иностранном языке могут совпадать лишь частично или даже полностью отличаться.

Следующим фактором, ведущим к неправильному осмыслению слов, является использование двуязычных словарей, не указывающих коннотативного и стилистического оттенка зафиксированных в них единиц. Это приводит к тому, что учащиеся не различают слова, получившие в ходе развития языка иронический, пренебрежительный либо шуточный характер, а также устаревшие слова и лексику, характерную для сленга и разговорной речи. Более того, в словарях часто отсутствуют примеры употребления слова в конкретных коммуникативных ситуациях, еще реже в них указываются контексты, в которых значения когнатов не совпадают и данную единицу следует заменить другим словом. Приведенные выше недостатки общедоступных словарей могут оказать отрицательное влияние на процесс усвоения иностранной лексики.

Рядом с методическими, лексикологическими и лексикографическими причинами появления ошибок целесообразно отметить также психологические. Поскольку системы русского и польского языков характеризуются высоким сходством, у учащихся развивается способность к аналогии и экстраполяции, то есть переносу языковых правил с родного на целевой

язык и их обобщению. Ошибки обучающихся часто вызваны уверенностью в совпадении грамматических и лексических форм слов, а также правил синтаксиса двух самостоятельных языков. Именно этот фактор объясняет отсутствие верификации употребления иноязычных конструкций при формулировании высказывания. Еще меньшее внимание уделяется одно-коренным эквивалентным словам, правильное применение которых требует особого внимания и понимания тонких различий между двумя похожими языковыми системами.

Для освещения настоящей проблемы приведем несколько примеров частичных когнатов, при употреблении которых допускаются ошибки. Материал анализа был собран на основе пятилетнего опыта обучения русскому языку в польских школах и университетах.

К первой категории рассматриваемых слов принадлежат пары синонимов и слов одной тематической группы, выступающих в русском и польском языках. К ним относятся, например, прилагательные *народный* — *narodowy* и *национальный* — *nacjonalny*. Контексты употребления данных слов отличаются высоким расхождением.

Сравним: народное хозяйство — *gospodarka narodowa*

Национальная политика — *polityka narodowościowa*

Но! Народные танцы — *tańce ludowe*

Национальный флаг — *flaga narodowa*

Лексема '*nacjonalny*' имеет устаревший характер и в современном языке заменяется словом '*narodowościowy*'. Среди всех приведенных единиц наиболее активно употребляется польская лексема '*narodowy*'. Следовательно, она переводится на русский язык в некоторых случаях как '*народный*', в других — как '*национальный*'. С другой стороны, в семантике приведенных здесь польских слов отсутствует значение '*ludowy*', которое входит в семантическое поле русской единицы '*народный*'.

Похозие затруднения возникают при употреблении лексических пар *природа* — *przyroda* и *натюра* — *natura*.

Сравним: добрый по натуре — *dobry z natury*

Охрана природы — *ochrona przyrody*

Но! На лоне природы — *na łonie natury*

Природные ресурсы — *zasoby naturalne*

Для польского языка более характерно употребление слова 'natura', в то время как в русском языке чаще выступает лексема 'природа'. В результате парой эквивалентов в переводе оказываются не однокоренные слова, а единицы *природа* — *natura*.

Следующим примером, особо интересным с точки зрения семантики, служат слова *лагерь* — *łagier* и *колония* — *kolonia*.

Сравним: (исправительно-
трудовой) лагерь — *łagier*

Английские колонии — *kolonie angielskie*

Но! Детский лагерь — *kolonia / obóz dziecięcy*

Польская лексема 'łagier' как заимствование из русского языка относится лишь к трудовым лагерям, возникшим на территории СССР в XX веке. Отрицательный оттенок в значении данного слова настолько закрепился в языке, что польским учащимся сложно избавиться от негативных ассоциаций при усваивании таких словосочетаний, как «детский» или «языковой лагерь». В таких значениях в польском языке выступает единица 'kolonia'. Это слово было перенесено в русский язык через польский в эпоху Петра I и закрепилось в лексике с отрицательной коннотативной окраской. Поэтому польское словосочетание *kolonia dziecięca* вызывает у русских учащихся негативные ассоциации, непосредственно связанные с образом воспитательной колонии для несовершеннолетних, совершавших преступления.

Среди польских и русских слов, образованных на базе общеславянских корней, встречаются почти идентичные единицы с похожей семантикой. Одними из них являются существительные *навык* — *nawyk*.

Сравним: профессиональные навыки — *nawyki zawodowe*

Но! Дурные привычки — *złe nawyki*

Навык работы с компьютером — *umiejętność obsługi komputera*

В польской энциклопедии PWN отмечается, что лексема ‘*nawyk*’ обозначает выработанную способность к выполнению определенного действия автоматически [Bralczyk]. Сходная дефиниция русского эквивалента дается в психологическом словаре Головина [Головин]. Однако в словаре Ожегова ‘навык’ — это «умение, выработанное упражнениями, привычкой» [Ожегов]. В польском языке для передачи смысла ‘умение’ чаще всего вместо слова ‘*nawyk*’ употребляется лексема ‘*umiejętność*’.

Не менее проблематичными являются существительные *воля* — *wola*. В значении «способность к выбору» данные лексические единицы выступают как эквиваленты. Несовпадение их семантических полей наблюдается в случае, когда русская лексема переводится на польский язык как ‘*wolność*’ (например, выпустить на волю — *wypuścić na wolność*).

Аналогичным примером служит пара *улица* — *ulica*. Польское слово ‘*ulica*’ толкуется как «дорога в городе, находящаяся между двумя рядами зданий» [Bralczyk]. В нем отсутствует значение ‘*dwór*’ либо ‘*pole*’, которое выступает в русском эквиваленте в разговорной речи (сравним: *выйти на улицу* — *wyjsć na dwór / na pole*).

Среди глаголов-когнатов с общеславянскими корнями следует отметить польско-русскую пару *напасть* — *napaść*.

Сравним: напасть на врага — *napaść na wroga*

Я напал на мысль — *napadła (dopadła) mnie myśl*

Но! На меня напал страх — *dopadł mnie strach*

Напасть на следы — *trafić na ślady*

Русский глагол 'напасть' отличается более широким спектром употребления и входит во фразеологизированные конструкции. Польский эквивалент в сочетании с определениями психических состояний чаще всего заменяется однокоренным глаголом с префиксом *do-*, что вызывает несовпадения в переводе на русский язык.

Следующей группой польских и русских однокоренных слов являются единицы, заимствованные из других европейских языков. В процессе заимствования наблюдаются различные семантические трансформации. Как замечает С.Г. Сидоренко, каждая лингвокультура, принимающая чужеродные слова, подвергает фильтрации их когнитивные компоненты, результатом чего является семантический сдвиг [Сидоренко]. В разных языках измененные семантические элементы могут отличаться.

Данное положение иллюстрирует судьба заимствованного из французского языка слова *apmист* — *artysta*. Подобно исходному слову польская лексическая единица 'artysta' относится к творческим работникам всех видов искусства, в том числе писателям, композиторам, скульпторам, живописцам. В русском языке наблюдается сужение семантического поля в процессе заимствования, в результате которого слово 'артист' приобрело значение «художественный деятель, который публично исполняет определенные произведения искусства». Также слова, возникшие на базе французской единицы 'professionnel', отличаются употреблением в русском и польском языках. Несмотря на то что их толкования почти полностью совпадают, польское прилагательное 'profesjonalny' в значении 'относящийся к профессии' характеризуется меньшей частотой употребления, чем русское слово 'профессиональный', и в большинстве случаев заменяется синонимом 'zawodowy'.

Следующим примером неполного совпадения значений заимствованных лексем является пара слов *момент* — *moment*, происходящих из немецкого языка. В случае если данные единицы определяют короткий промежуток времени, они используются как полные эквиваленты. Однако польское слово 'moment' лишено значения «обстоятельство» либо «отдельная сторона какого-нибудь явления». Следовательно, выражение 'положительные моменты в работе' следует переводить с применением другой лексической единицы (*pozytywne strony pracy*).

Ошибки допускаются также при употреблении слов *акция* — *akcja*. Контексты их употребления разнятся.

Сравним: акции повышаются — *akcje idą w górę*

Дипломатическая акция — *akcja dyplomatyczna*

Но! Боевые действия — *akcja zbrojna*

Действие романа — *akcja powieści*

Акция в магазине — *promocja w sklepie*

По сопоставлению с оригинальной латинской единицей ‘actio’ в обоих языках произошел процесс сужения семантического поля слова. В латинско-русском словаре фиксируются четырнадцать лексико-семантических вариантов данного слова [Латинско-русский словарь]. Целесообразно отметить, что в польских словосочетаниях ‘*akcja filmu*’, ‘*akcja powieści*’ косвенно сохранились значения «игра актеров», «поступок, деяние» как действие, выполняемое героями художественного произведения. В русском слове ‘акция’ (акция в магазине) отражается толкование латинской единицы как ‘мероприятие’, то есть организованное действие определенной направленности.

Также не всегда оказываются идентичными по семантике слова, заимствованные из польского языка в русский или русского в польский. Так, возникшие в эпоху Петра I полонизмы могут частично расходиться по значению с исходными словами. Одной из причин данного явления могут быть различия между реалиями жизни разных языковых сообществ. Наглядным примером служит слово ‘*rynek*’, которое в польском языке обозначает чаще всего главную площадь города. В течение многих веков эти места являлись центрами розничной торговли, и именно в таком значении данное слово перешло в русский язык. Однако в русской архитектурной терминологии это понятие не связано с представлениями о центральной площади. Совпадение значений вышеприведенных слов наблюдается в экономическом контексте.

Следующим полонизмом, претерпевшим семантические изменения, является слово ‘*rysunek*’. Семантика данной

лексической единицы близка к значению исходного польского слова, однако и в данном случае наблюдаются некоторые контекстуальные различия.

Сравним: карандашный
рисунок

— rysunek ołówkiem

Но! Технический чертеж

— rysunek techniczny

Рисунок поверхности дерева

— wzór powierzchni drewna

Неполная эквивалентность когнатов *рисунок* — *rysunek* связана с употреблением их синонимов в определенных контекстах.

Более значительные ошибки допускаются при переводе заимствованной из польского языка единицы ‘пончик’. В русском языке данное слово закрепилось исключительно в значении кулинарного изделия и, в отличие от польской лексемы ‘*pańczek*’, не выражает смысла ‘почки’ (почки на деревьях).

Соответственно также русизмы в польском языке подверглись некоторым семантическим трансформациям по сопоставлению с языком-источником. Сужение семантического поля наблюдается, например, в слове ‘*nachalny*’, относящемся в польском языке лишь к человеку, настойчиво требующему выполнения какого-нибудь действия в его пользу. В русском языке данная единица имеет более отрицательные коннотации, поскольку она употребляется также в значении ‘наглый’ либо ‘бесцеремонный’. Следует отметить, что, в отличие от польской лексемы, слово ‘наглый’ может вступать в подчинительную связь с неодушевленным существительным (например, нахальный поступок).

Более узкой семантикой, чем в русском языке, обладает также русизм ‘*chałtura*’, служащий определению небрежной работы художественного характера. Следовательно, данное слово не относится к любой низкооплачиваемой либо неквалифицированной работе и концентрируется не на выражении самой характеристики работы, а способе ее выполнения.

Кроме контекстуальных ошибок в употреблении частичных когнатов в польско-русской коммуникации встречаются также примеры неправильного понимания стилистической окраски

слов. В польском языке существует ряд лексических единиц, однокоренные эквиваленты которых выступают в русском языке как устаревшие слова, например в стихотворениях Пушкина:

«Придет ужасный час... твои небесны очи / Покроются, мой друг, туманом вечной ночи, / Молчанье вечное твои сомкнет уст» [Пушкин].

Учащиеся, обращающиеся к русской классической литературе, часто считают слова 'очи, чело, уста, поединок, гонор, отчизна, приватный' полными синонимами единиц 'глаза, лоб, губы, дуэль, честь, родина, частный'. Данное явление объясняется звуковой схожестью с польскими современными словами 'oczy, czoło, usta, pojedynek, honor, ojczyzna, prywatny', легче усваиваемыми обучающимися, а также неточностью русско-польских словарей, в которых отсутствует обозначение слов как архаизмов. Данная проблема касается равным образом польских устаревших слов, к которым относятся единицы 'sioło, siego, jarmark, kamera (в значении отдельного, закрытого помещения)'. Некоторые из них выступают в современном языке лишь в определенных фразеологических оборотах (например, *Do siego roku!*), другие употребляются сегодня исключительно в историческом контексте (*zabytkowe sioła, średniowieczny jarmark*). В ходе развития языка они были вытеснены словами 'wieś, obecny, targ, komórka'.

Похожие ошибки возникают при употреблении когнатов, один из которых обладает признаками разговорной речи либо диалекта. Примером разговорного слова может служить польская лексическая единица 'robota', которая, в отличие от русской единицы 'робота', имеет чаще всего отрицательный характер и заменяется в узусе словом 'ргаса'. Также когнаты *брюхо* — *brzuch* обладают разными коннотативными признаками. В польском языке слово 'brzuch' имеет нейтральный оттенок, в то время как его неполный эквивалент в русском языке выражает в просторечии значение «большой, отвислый живот» [Ефремова].

Особо интересным примером когнатов, стилистическая окраска которых отличается, является пара глаголов *поправиться* — *poprawić się*. В значении 'улучшиться' данные слова выступают как полные эквиваленты. Однако семантика

польской единицы ‘porzawić się’ не охватывает смысла ‘выздоревать’, а значение ‘набрать вес’ выражается только в некоторых говорах Восточной Польши.

Ошибки в употреблении когнатов иногда вызваны также наличием паронимических и омографических отношений с другими однокоренными словами. Так, польским именам прилагательным с суффиксом *-iczn / -uczny* (например, *romantyczny, dynamiczny, liryczny*) в русском языке отвечают два варианта слов: с суффиксом *-ичн* либо *-ическ* (романтичный/романтический, динамичный/динамический, лиричный/лирический). Поскольку в системе польского языка существует лишь один вариант, учащимся сложно определить разницу значений между русскими паронимами. Дополнительной сложностью является тот факт, что в польско-русских словарях редко фиксируются оба варианта паронимов, в результате чего возникают переводческие ошибки (например, ‘романтический человек’ вместо словосочетания ‘романтичный человек’).

Более проблематичным, особенно для учащихся на базовом уровне, является употребление омографов. В лексиконах, изданных в печатном виде, часто отсутствует обозначение ударного слога. Польские студенты и ученики, неосведомленные в своих акцентологических упущениях и уверенные в однозначности переводов когнатов, таких как ‘роза-róža, атлас-atlas, духи-duchy’, допускают ошибки, искажающие заложенный смысл сообщения (например, ‘атлАс животных’ вместо ‘Атлас животных’).

Наличие когнатов в польском и русском языках можно рассматривать в нескольких аспектах. С одной стороны, как замечает А. И. Вяткина, метод сопоставления межъязыковых однокоренных слов способствует «более быстрому и прочному усвоению изучаемого материала» [Вяткина]. С другой стороны, семантические расхождения когнатов могут стать причиной лексических ошибок в речи учащихся. Здесь не первый раз встает вопрос о создании польско-русских словарей, указывающих не только контекст употребления иноязычного слова, но и словосочетания, в которых его значение не будет отвечать семантике эквивалента из родного языка. На каждом этапе обучения необходимо уделять особое внимание выявлению

семантических различий и коннотативных свойств однокоренных слов, а также их стилистических признаков. Не менее важным является обозначение ударных слогов в русских лексемах с целью избежать ошибок при употреблении когнатов, связанных омографическими отношениями с другими лексическими единицами. Изучение даже иногда особо тонких различий в значении и употреблении когнатов необходимо для того, чтобы правильно сформулировать мысли и передать заложенные нами значения и смыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bralczyk J.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 2005. URL: <https://sjp.pwn.pl/> (дата обращения: 05.04.2019).
2. *Вяткина А. И.* Метод сопоставительного анализа когнатов при обучении русскому языку как иностранному // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: специальный выпуск. 2017. № 11. 112–114.
3. *Головин С. Ю.* Словарь практического психолога. Минск, 1998.
4. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка. М., 2005. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 05.04.2019).
5. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
6. Латинско-русский словарь. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/latin_rus/ (дата обращения: 05.04.2019).
7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1973.
8. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 2, кн. 2. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. М., 1949. 1005–1205.
9. *Сидоренко С. Г.* Типы и этапы трансформации семантической структуры заимствованных понятий // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18030> (дата обращения: 05.04.2019).

**ERRORS IN THE USE OF COGNATES
IN POLISH-RUSSIAN COMMUNICATION**

AGATA KSIAZEK

Abstract. The study of L1 interference in the use of cross-linguistic homonyms and paronyms is highly relevant in contemporary linguistics. However, beside well-studied word pairs having different meaning in two languages, important are also lexical items, which are written identically and are suggested to be semantic equivalents according to bilingual dictionaries. Yet those words have various connotations, and are used in different contexts. Only partial accordance of semantic fields of these two etymologically related words often causes difficulties when teaching a foreign language. Presented in the paper is the analysis of the issue based on Russian-Polish communication data.

Given are the examples of mistakes which lead to misinterpretation of the initial message or modification of a speaker's discourse, as well as related difficulties and possible solutions of the problem.

Keywords. Cognates, related words, related languages, Polish, Russian, linguistic interference, error.

Адрес автора: agata.ksiazek97@gmail.com

Концептуализация ошибки: постановка проблемы

Олег Лещак

Университет им. Яна Кохановского в Кельце, Польша

Аннотация. В статье предпринята попытка концептуализации феномена ошибки на основе антропоцентрической методологии. Ошибка как объект концептуализации рассматривается в семантическом и прагматическом аспектах. Автор приходит к выводу, что ошибка — это аксиологическое понятие негативной оценки чьих-либо действий как непроизвольно отклонившихся от признанного алгоритма поведения, а их результатов как непредвиденных и нежелаемых. Предпринята также попытка типологизации ошибок на основании категорий И. Канта. Выделено четыре категории ошибок — количественные, качественные, реляционные и модальные. Отдельно представлен обзор основных модальных ошибок научного познания в пределах антропоцентрической парадигмы.

Ключевые слова. Ошибка, концептуализация, аксиология, антропоцентризм.

Феномен (или, точнее, информационная функция) ошибки представляет собой довольно интересный предмет рефлексии в силу своей парадоксальности.

Интуитивно все апеллируют к этому понятию, но когда начинается обсуждение проблемы совершения кем-то ошибки или ошибочности чьего-то поступка, то оказывается не ясно, что называть словом *ошибка* или как правильно использовать это понятие при квалификации каких-то явлений и событий.

Предварительно можно сказать, что ошибка должна трактоваться как аксиологическая функция деятельности, как оценка чьего-либо действия как такого, которое вследствие утраты контроля или нарушения определенного алгоритма поведения привело (или может привести в будущем) к не предвиденному субъектом действию (и чаще всего к негативному и нежелательному) результату.

ИНТУИТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ ОШИБКИ

При концептуализации данной информационной функции можно обратиться к энциклопедиям и словарям и попытаться установить, в разряд каких классов и категорий понятий обычно относят *ошибку* их составители или лица, использующие слово *ошибка* в речи, а также какие семантические признаки выделяют они в данном понятии. Назовем такой способ концептуализации *интуитивным* пониманием ошибки.

Проще всего обратиться к Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, где *ошибка* определена как «неправильность в действиях, мыслях», но толкования *неправильности* или даже того, что такое *неправильный*, мы уже не найдем, что обрывает последовательный поиск толкования *ошибки*. Если допустить простую зависимость между понятиями неправильности и правильности, а также допустить, что *правильность* — это просто субстанциализация атрибута *правильный*, то можно предположить, что ошибка — это отступление «от правил, норм, пропорций» (по первому значению прилагательного *правильный*), нечто не «вполне закономерное, регулярное» (по второму значению), нечто, что не является «верным, соответствующим действительности, такое, как должно» (по третьему правилу). Таким образом, домысливая за составителей, можно предположить, что в основе ошибки лежит либо субъективный фактор отступления от неких предписаний,

либо отклонение от каких-то объективно существующих естественных или метафизических законов, либо опять-таки субъективное отклонение от истины (что бы не значило это слово). Такое понимание ошибки несколько проблематично, так как под эту квалификацию попадает как неверно решенное задание или плохо спланированное действие, так и некое утверждение, с которым мы не соглашаемся, или некое отклонение от натуральной нормы. Напрашивается вывод об омонимичности данного слова и наличии трех различных понятий.

Обратимся к Толковому словарю русского языка Д. Н. Ушакова. Здесь выстраиваются следующие семантические цепочки: *ошибка — неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях, погрешность — уклонение (отклонение) от нормы; несоответствие каким-нибудь правилам — неточность или промах в каком-нибудь деле — неистинность, недействительность (бытность не таким), как на самом деле — (бытность не) отражающим, воспроизводящим или постигающим что-нибудь в полном соответствии с действительностью, всецело совпадающим с образцом, совершенно верным — (совершение чего-то не) так, как должно, как задано, исправно, аккуратно. Но в определенный момент толкования зацикливаются на словах промах, погрешность, оплошность, неудача, упущение, неисполнение должного, недосмотр, а эти — на слове ошибка. Как и в предыдущем случае, явно заметна оценочная составляющая, указывающая на чьи-то действия, нарушающие принятые установления, обязывающие алгоритмы поведения, стандарты соответствия. Лишь в одном случае предполагается отклонение от «действительности» (ошибка как нечто, не такое, как на самом деле), что простительно для бытового языка, базирующегося на обыденной вере в очевидность действительности.*

Ничего нового в интуитивную концептуализацию понятия ошибки не вносит и Малый академический словарь (МАС). Как и в предыдущем случае, движение по семантической цепочке толкований ведет нас через *неправильность в какой-л. работе, вычислении, написании — неточность, допущенную кем-л. в чем-л. — уклонение от нормы, погрешность — несоответствие каким-л. правилам, нормам — несоответствие истине, действительности — бытность неверным, неправильным —*

несоответствие какому-л. образцу или чему-л. заданному, установленному, требуемому к тому же замыканию круга на самом слове *ошибка*, которое оказывается наиболее частотным определением всякого рода погрешностей в поведении, отклоняющихся от предписаний.

Таким образом, бытовая концептуализация искомого понятия, основанная на выяснении значения общеупотребительного слова *ошибка*, позволяет сказать, что ошибка всегда является в ходе *выполнения действий / совершения поступков / реализации дела / мышления / воспроизведения/ постигания / поиска / исследования / вычисления / высказывания / написания* и состоит либо в *нарушении / несоблюдении / уклонении от / отклонении от / несоответствии правилам / нормам / образцам / долженствованию / заданности / установлению / требованию*, либо в *несоответствии истине / действительности / объективному положению дел*. В последнем случае можно семантизировать ошибку как произвольную ложь, то есть неправду как результат нарушения (несоблюдения) правил или норм познания. А значит, ошибка в бытовом понимании — это нарушение порядка деятельности (можно что-то сделать по ошибке или ошибочно, просто ошибиться, делая что-то) и/или результат такого нарушения (об ошибке можно узнать, ее можно исправить, стараться не допустить).

Заметно, что данное понятие имеет прямое отношение к деятельности субъекта, то есть к намеренным его действиям, или по крайней мере сопряжено с волевыми механизмами внимания (сделать что-либо *по ошибке* — это недосмотреть, пропустить что-то). Уже на этом этапе можно оценить понятие ошибки через категории волеивности. Прежде всего в семантике ошибки можно усмотреть наличие эталонного алгоритма действия (нормы или узуса), то есть для возникновения функции ошибки необходимо наличие потенции деятельности и ее деонтики. Кроме того, в действиях человека предполагается предвидение результата (то есть должно наличествовать желание совершить действие и ожидание его результата). У Ю. Крasiкова находим попытку учесть оба этих фактора в дефиниции ошибки: «Ошибка — результат расхождения между планом и реализацией действия, когда образуется несовпадение между

имеющимся эталоном и конечным продуктом данного процесса» (Красиков 1980: 97). Однако этого недостаточно. В какой-то момент происходит утрата контроля (отклонение от алгоритма), то есть потеря возможности и нарушение долженствования, что в итоге дает неожиданный результат (неисполненное желание и неоправдавшееся ожидание). Утрата контроля, то есть ненарочность, случайность «расхождения между планом и реализацией» и «несовпадения между эталоном и конечным продуктом» — базовый признак действия или его результата, которые могут быть признаны ошибочными.

Однако возникает вопрос: кто совершил ошибку (или же просто действие) и кто ее обнаружил (или назвал ошибкой)? Как пишет Т. Семенова, «важно отметить, что ситуация ошибки оказывается когнитивно сложной, она включает как минимум два события: одно событие имеет место в действительности, а второе представляет собой ментальную обработку этого события познающим субъектом (...)» (Семенова 2012: 13–14). Т. Семенова совершенно права. Но всегда ли субъект действия, имевшего место в действительности, и познающий субъект одно и то же лицо? Утративший контроль может и не заметить, что результат его действия не соответствует намерению, а сами его действия отклонились от алгоритма. Но это может сделать другой. Хотя другому может только казаться, что действия пошли не по плану, а результат далек от замысла. Для уверенности ему нужно знать, каковы были действительные намерения того, кто, по его мнению, совершил ошибку. Впрочем, этим «другим» может быть и сам деятель, ведь в момент обнаружения «собственной» ошибки он уже не тот, кто ее совершил. Он либо эволюционировал, либо вернулся в прежнее состояние, свойственное ему до того, как произошло отклонение от алгоритма поведения. В любом случае следует отличать два вида субъектов: субъекта действия и субъекта оценки действия (даже если это один и тот же человек). Ничего подобного не предполагает бытовое понимание понятия ошибки как несомненно объективного нарушения нормы (социальной или естественной).

В связи с таким образом сформулированной проблемой можно задать следующий вопрос: ошибка — это факт действительности (действие и/или результат) или же когнитивно-дискурсивная функция (оценочное мнение, гипотеза)? Ответ

зависит от того, какой аспект онтологии ошибки нас интересует — семантический или прагматический. С одной стороны, ошибка касается чьего-то поступка (или его следствия). И эта сторона понятия ошибки может быть названа *семантикой ошибки*, с другой стороны, ошибка — это чья-то оценка такого поступка. Это *прагматика ошибки*. Прагматика ошибки может касаться двух аспектов: причин того, что некий поступок был оценен как ошибка, и цели, ради которой такая оценка была осуществлена.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОШИБКИ КАК ОБЪЕКТА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Предпримем попытку структурировать понятие ошибки по трем типологическим критериям: эссенциальному (выяснение категориальной сущности искомого объекта), каузальному (выяснение причин возникновения искомого объекта) и телеологическому (выяснение целесообразности возникновения искомого объекта). Данные критерии типологизации функций и объектов человеческого опыта были предложены мной в монографии «Основы функционально-прагматической теории языкового опыта: аналитика, критика, типология» (Лещак 2008). По первому критерию ошибка представляется либо чьим-то поступком (действием — ошибка 1), либо результатом действия (ошибка 2), что выводит ошибку за пределы собственно субстанциальности (она всегда *чья-то*, и ее *совершают*). Ошибка не возникает сама собой. Д. Ризон в своей дефиниции ошибки обращает внимание на то, что «эта неудача не может быть приписана случаю» (цит по: Семенова 2012: 11). По каузальному критерию равно ошибка 1 и ошибка 2 — результат непреднамеренного (по невнимательности, из-за незнания) отклонения, нарушения, упущения в ходе деятельности (ее *допускают*, к ней *приводит* какое-то действие). По телеологическому критерию как ошибочное действие, так и ошибочный результат оказываются явлениями негативными, не соответствующими замыслу, цели (*глупая, досадная ошибка*) и ведущими к неудаче (что-то плохое происходит *из-за ошибки, в результате ошибки*).

Уже в этом поверхностном анализе видно, что сущность ошибки охватывает не все действие, которое совершал субъект,

а лишь ту его часть, когда он отошел от соблюдения правил (однако при этом обычно понятие ошибки относят не к части результата, а ко всему результату действия). В то же время выделение каузальных и телеологических аспектов ошибки невозможно без смены субъекта, так как с каузальной точки зрения нельзя быть уверенным, что субъект совершения ошибки (субъект действия) действительно был невнимателен или не обладал знаниями и отошел от алгоритма действия случайно. Такая мысль должна присутствовать у того, кто считает данное отступление ошибкой. А в телеологической перспективе нельзя быть уверенным, что с точки зрения деятеля результат его действий действительно нежеланный и негативный. Опять-таки эта мысль должна принадлежать субъекту оценки. А это может быть (и чаще всего бывает) некто другой. Все это ставит под вопрос определение ошибки как неверного действия или результата. Скорее всего, это мысль о неверном действии или его результате.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ, СОЗНАТЕЛЬНОСТИ ИЛИ СОЦИАЛЬНОСТИ ОШИБКИ

Как показывает предварительный анализ, все случаи употребления слова *ошибка* в значении отклонения от объективного состояния вещей в действительности следует отнести на счет метафорического производного, номинирующего совершенно иное от интересующего нас понятие. Фразы вроде *ошибка природы* сложно трактовать как чье-то упущение или отклонение от плана деятельности, поскольку в природе господствует каузальность, а не телеологизм. А там, где нет плана и цели, не может быть и ошибки. В области натурфактов или автоматически действующих артефактов можно говорить о сбое, но не об ошибке.

Столь же неприемлемо говорить и о сознательности или преднамеренности ошибки. Если субъект предвидел результат и именно к нему стремился, это не ошибка, а сознательный саботаж или игра. Ошибка всегда случайна и нежеланна. В интернет-ресурсе «Основные категории статистической науки» содержится такая фраза (растиражированная по интернету):

«Преднамеренные ошибки (сознательные) получаются в результате того, что при знании действительного состояния (величины) признака сознательно сообщаются неправильные данные» (*Основные категории статистической науки*). Мне представляется такой способ рассуждения совершенно ошибочным, так как сознательное сообщение неправильных данных уже имеет свое название — дезинформация. Ошибка же — это чисто синергетическая функция деятельности. Того же мнения и Т. Семенова: «Ошибку, в отличие от нарушения, нельзя запланировать, ее нельзя совершить сознательно, намеренно» (Семенова 2012: 15). Можно ли софизм назвать «преднамеренной ошибкой», как это делают И. Новицкая и А. Вакалова (Новицкая, Вакалова 2016: 788)? В Философском энциклопедическом словаре в статье «Софизм» находим дефиницию, которая могла спровоцировать авторов к такому утверждению: «логически неправильное (мнимое) рассуждение (вывод, доказательство), выдаваемое за правильное» (*Софизм* 1983: 628). Скорее всего сработала мыслительная редукция: *неправильное* > *ошибочное* > *ошибка*, то есть допущена классическая логическая ошибка, которую называют *fallacia a sensu diviso ad sensum compositum*. Не всякая логическая неправильность возникает вследствие ошибки. Здесь наблюдается ситуация, аналогичная с парой понятий ошибка и отклонение, которую в свое время рассматривал Ю. Красиков: «ошибка входит в отклонение, но отклонение — это не всегда ошибка» (Красиков 1980: 97). В самом определении софизма явно сказано: «выдаваемое за правильное». А значит, субъект рассуждения представляет свое суждение как правильное. Знает ли он, что его рассуждение неверно? Если нет, то это ошибка, но тогда это не софизм, ведь не каждое логически неправильное рассуждение называют *софизмом*. Этим термином определяют лишь те из них, которые, будучи заведомо неправильными, выдаются за правильные, то есть предполагают сознательное введение слушателя в заблуждение. Явление софизма, однако, не такое простое, как кажется, поскольку оно не столько называет некоторое явление философского дискурса, сколько представляет собой инсинуацию, вменение противнику злого умысла. А ведь он мог просто ошибаться и «выдавать свое рассуждение (вывод, доказательство)

за правильное», не подозревая, что оно «логически неправильное (мнимое)». Мало того, понятие софизма как аксиологический инструмент и риторическое оружие может свидетельствовать и о догматизме применяющего его субъекта оценки, так как в его утверждении, что некто использует софизмы, presupponируется собственная монополия на единственно правильный способ логического рассуждения. Вполне допустима ситуация, в которой оба участника дискуссии правы, поскольку пользуются совершенно различными логиками. Все это требует взгляда на функцию ошибки в социальном плане.

Далеко не всегда в социальной интеракции возникает согласие по вопросу верности или ошибочности чьего-то поступка, особенно в тех случаях, когда речь идет о самом действии (при неоднозначном результате) или же о намерении совершить действие, результат которого непредсказуем. Именно в такого рода случаях становится понятным, что онтология ошибки зиждется не на действительных процессах, а на их когнитивной (суждение) или дискурсивной (высказывание) оценке.

Я уже ранее отметил, что следует разделять субъекта действия и субъекта оценки, то есть субъекта, который превращает этого первого в субъект ошибки. Можно ли считать, что человек, который, по мнению другого человека, ошибся, фактически является субъектом ошибки и был таковым еще до оценки его действий как ошибочных? Ни в коем случае. Он — просто субъект действия. Когда он становится субъектом ошибки? После того, как об этом заявит субъект оценки. А значит, это именно субъект оценки порождает дискурс, в котором появляются такие актанты, как ошибка и субъект ошибки. А что, если никакой ошибки субъект деятельности не совершал? Где в таком случае существует субъект ошибки, да и сама ошибка? Только в сознании субъекта оценки (как убеждение) или у участников дискурса (как содержание оценочного высказывания субъекта оценки, в которое они либо верят, либо не верят). А кто может рассудить спор о том, была ли ошибка? Все зависит от степени конвенционализированности алгоритма оцениваемого поведения и возможности однозначной оценки результата. Но даже если результат может быть однозначно оценен как несоответствующий ожиданиям, сообразным установленному алгоритму,

то и в этом случае ошибочность результата или действия, которое к нему привело, еще следует доказать. Мог произойти сбой, не связанный причинно-следственными отношениями с действиями субъекта, которому инкриминируют совершение ошибки (или который сам себе это инкриминирует). Вывод прост: ошибка как продукт дискурсивно-когнитивной аксиологической деятельности — это чисто субъектная (чтобы не сказать субъективная) функция социальной интеракции (в том числе интрасубъектной).

По мнению психолога П.Г. Щедровицкого, «выявление или, точнее, конституирование ошибки предполагает по крайней мере три различных плана: а) соотнесение с нормой или интенция на норму и нормативное описание деятельности; б) соотношение и связь цели и результата деятельности; в) общее представление о способе преодоления „разрыва“ и дальнейшем развертывании деятельности» (Щедровицкий 2013). Несложно заметить, что во всех трех планах центральным является не действие субъекта «ошибки», а именно аксиологические действия субъекта оценки: *соотнесение с нормой, соотнесение цели и результата* (у Щедровицкого, по моему мнению, неверно указано *соотношение*) и, наконец, общее представление о преодолении. Этот последний план несколько сомнителен, так как далеко не всегда критик (субъект оценки) имеет представление, как исправить ошибку. Такое представление касается не самого акта констатации ошибки, а именно так называемой конструктивной критики, которая встречается довольно редко. Громадное большинство актов оценки какого-то явления как ошибочного носит чисто эмоционально-волевой характер. Поэтому я никак не могу согласиться с Щедровицким, что «представление о способе преодоления „разрыва“ и дальнейшем развертывании деятельности» является необходимым основанием «конституирования ошибки». Эта «конституанта» явно избыточна.

СТРУКТУРА АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Н. Арутюнова совершенно верно оценила модусную ситуацию интерпретации некоторого действия как ошибочного как

«ментальный (эпистемический) модус отрицательной истинностной оценки» (Арутюнова 1999: 431). Ошибка как понятие, референтивно отнесенное к некоторому действию или его результату, актуализируется исключительно в ходе когнитивно-дискурсивной аксиологической деятельности. Рассмотрим аксиологическую процедуру установления ошибочности некоторого действия или его результата. В той же работе Щедровицкого находим описание процедуры «выделения» ошибки: «Во всех случаях выделение „ошибки“ предполагает: а) оценку действия как ошибочного, б) фиксацию категорий, в соответствии с которыми определяется ошибка, в) систему сопоставлений акта действия с образцами или проектами, в результате которой строится „схема“ ошибки, г) свертку полученной схемы в форму характеристики исходной деятельности и д) рефлексивно мыслительную оценку и квалификацию самой ошибки (что выводит нас немного в другой план анализа и рассмотрения проблемы „ошибки“)» (там же). Порядок, описанный Щедровицким, по меньшей мере странен. Если под «оценкой действия как ошибочного», с которого начинается «выделение „ошибки“», понимать интуитивное ощущение ошибочности чьего-то поступка, то с этим можно было бы согласиться. Под «выделением „ошибки“» Щедровицкий понимает процесс научного анализа ошибочного действия, направленный на понимание причин ее возникновения и исправление ее последствий. Меня же интересует сам феномен ошибки как когнитивной аксиологической функции. Все указанные выше когнитивные шаги не имеют прямого отношения к этой функции. Впрочем, интуитивное ощущение ошибочности не может возникать на пустом месте. Ему должно предшествовать (пусть даже неосознаваемое) установление «категорий, в соответствии с которыми определяется ошибка» (у субъекта оценки должна быть некая система координат, в рамках которой он осуществляет оценочные действия), «сопоставление акта действия с образцами» (иначе он не обнаружил бы несоответствия в чьих-то действиях), «характеристика исходной деятельности» (без этого он не смог бы определить ход действий и их результат как несоответствующий целям). Проблемным оказывается лишь один этап, выделенный Щедровицким, — «рефлексивно мыслительная оценка

и квалификация самой ошибки», что, как пишет сам автор, «выводит нас немного в другой план анализа и рассмотрения проблемы „ошибки“». Действительно, субъект, интуитивно оценивающий нечто как ошибку, не обязан в этот момент ни осуществлять рефлексивную оценку, ни тем более квалифицировать ее. Однако без всех остальных действий, представленных Щедровицким как последующие за «оценкой действия как ошибочного», ни о какой оценке не может идти и речи. Здесь налицо явное нарушение логики. Указанная «оценка действия как ошибочного» — это результат предварительного подсобного анализа некоторого действия (или его результата) и условие для его рефлексивного анализа и квалификации.

Суть аксиологического акта состоит в оценке некоторого явления и ее вербализации (или невербальной семиотизации). Субъектом такого действия может быть как субъект оцениваемого действия («самооценка»), так и кто-то другой. При определении оцениваемого действия или его результата как кибернетического (целесообразного и модельного) субъект оценки устанавливает степень их соответствия с моделью поведения и предполагаемыми эффектами. В случае констатации несоответствия он может задаться вопросом о возможных причинах такого положения дел и прийти к выводу, что оно состоит в несоблюдении модельного поведения, а в случае оценки результата как негативного определить этот результат или действие, нарушившее модель, как ошибку. При этом нет никакой необходимости, чтобы все описываемые действия и результаты имели место в реальном опыте. Это может быть также проекция чьих-либо намерений совершить какое-то действие. Достаточно обнаружить в этих намерениях такое нарушение модели поведения, которое, по мнению субъекта оценки, может впоследствии привести к негативному результату. Таким образом, ошибка представляется в прагматическом отношении чистой информационной функцией, не имеющей прямого отношения к действительности.

Поскольку налицо раздвоение субъектов — действия и его оценки, — можно предположить несколько сценариев аксиологического дискурса на тему ошибки.

1. Оба субъекта согласны с тем, что действие имело или должно иметь целесообразный характер и должно осуществляться по определенной модели: по мнению оценивающего, результат действия негативный или может быть негативным, а само действие нарушило алгоритм поведения, следовательно, произошла ошибка — по мнению действующего лица, результат вполне приемлем и никаких отклонений от модели не было, а значит, ошибки не было (версия 2: субъект действия согласен, что результат негативен и произошли отклонения от алгоритма, но все это произошло по не зависящим от него обстоятельствам, следовательно, ошибки не было).
2. Субъекты по-разному воспринимают ожидаемый результат и возможности использования моделей поведения, соответственно, субъект оценки считает, что деятель избрал не ту модель и достиг негативного результата, значит, произошла ошибка, субъект действия же полагает, что была избрана соответствующая модель поведения, а результат именно такой, к которому он стремился (вариант 2 — его вообще не интересует результат), следовательно, ошибки нет.
3. Субъекты не согласны в оценке преднамеренности / непреднамеренности отклонения от заранее согласованной модели поведения и в ожидаемых результатах, поэтому субъект оценки считает, что действующее лицо случайно нарушило модель и пришло к негативному результату (вывод — произошла ошибка), деятель же сознательно нарушил модель и искажил предполагаемый результат (ошибки нет).
4. Субъекты несогласны в вопросе целенаправленности оцениваемого действия, ввиду чего субъект оценки, считая, что действие было или должно было быть целенаправленным, оценивает непоследовательное поведение субъекта 2 как ошибочное; по мнению же действующего лица, действие вообще было или могло быть произвольным, а значит, его не обязывал какой-то однозначный алгоритм поведения, да и сам результат может быть непредсказуем, значит, ошибки не было.

Таким образом, можно предложить предварительную дефиницию обоих понятий с учетом описанной специфики их информационно-структурной структуры и специфики аксиологического поведения.

Ошибка 1. Негативная оценка действия, совершенного, по мнению говорящего, с непроизвольным нарушением правил или надлежащего порядка целенаправленной деятельности, которое привело, могло или может привести к нежелательному негативному результату.

Ошибка 2. Негативная оценка нежелательного или неожиданного результата действия, возникшего из-за ошибки 1.

Как видим, при отсутствии констатации какого-либо из указанных в дефиниции признаков (чьей-либо деятельности, ее целенаправленности, наличия правил или надлежащего порядка, нежелательности и негативного характера результата или непроизвольности нарушения правил) оценка действия как ошибки становится проблемной или невозможной.

Типология ошибок

Обсудим теперь проблему типов ошибок. В качестве критерия типологии я принимаю систему категорий чистого рассудка И. Канта, выделявшего два типа так называемых математических первичных категорий (количество и качество), а также два типа категорий динамических (отношение и модальность) (Кант 1994: 110).

К *количественным* ошибкам можно отнести такие отклонения от правил поведения, которые нарушают порядок счета или измерения. Эти ошибки наиболее явны и легче всего обнаруживаются. Их также легче всего доказать. Самое главное — иметь конвенциональные системы счета и измерения и согласовать правила их применения. Однако основным условием согласования оценки количественных ошибок является соблюдение условий идентификации объекта. Если считать или измерять нечто не поддающееся этим процедурам, сложно говорить, что здесь допущена количественная ошибка. В этом случае ошибка должна быть определена как *качественная*. Каждый тип объекта может быть подвержен своего рода количественной оценке,

главное — правильно идентифицировать объект и его исчисляемые или измеряемые характеристики, если таковые есть. Однако правильная идентификация объекта зависит, во-первых, от правильной его квалификации или атрибуции, то есть установления, к какому классу объектов он должен быть зачислен и какими качественными характеристиками может обладать; во-вторых, от правильного определения его причинно-следственных отношений с другими объектами и, наконец, в-третьих, от правильной квалификации событий, в которых данный объект участвует. Если нарушения произошли именно на этом уровне, такие ошибки можно назвать *реляционными (ошибками отношения)*. Есть, однако, еще одно условие, которое должно быть при этом соблюдено, — онтологическая оценка предметного поля опыта. Иначе говоря, участники дискурса оценки должны находиться в тех же онтологических условиях (относить себя к тому же типу действительности, пользоваться компатибельными картинками мира и языками их описания). В случае нарушения этого условия ошибку сложно назвать реляционной. Это *модальная* ошибка, причем констатация этого факта уже не будет иметь обязывающего характера для обоих участников дискурса оценки. Каждый из них может утверждать, что второй допустил модальную ошибку. Первый считает модальной ошибкой поведение второго (субъекта действия). Второй вправе считать, что неверную аксиологическую оценку его действий дал субъект оценки ввиду допущения им модальной ошибки. В этот момент субъект действия преобразуется в субъект контроценки. Каковы причины совершения модальных ошибок? Прежде всего это всевозможные процедуры, нарушающие порядок онтологической оценки происходящего: гипостазирование/фантазия, гипервоображение/иллюзия, упрощение/редукция/тривиализация или, наоборот, усложнение/компликация. Следует отметить, что на уровне модальных ошибок вполне допустим дискурс оценивания и спор об ошибочности поведения визави, но только при условии, что оба они пребывают в рамках в меру единой системы культурно-цивилизационных ценностей. При выходе за ее пределы (то есть при наличии у каждого из спорящих принципиально иной системы мировоззрения и миропонимания) дискурс распадается и конструктивный спор об ошибках может просто не состояться.

Такого рода проблемы повсеместны в общественно-политической сфере деятельности, искусстве, философии и методологии науки. Именно здесь разговоры об ошибках обычно разбиваются об ценностные несоответствия позиций. В лучшем случае здесь можно говорить о модальных ошибках. Модальные и реляционные ошибки чаще всего появляются в бытовой и научной сферах (особенно в гуманитарных и общественных науках). Бытовая и общественно-этическая сферы опыта (публичный дискурс) пестрят также качественными ошибками из-за арефлексии и широко распространенной мыслительной редукции. Единственными сферами, где явно доминирует количественный тип ошибок, являются точные и технические науки, а также сфера экономической деятельности, хотя и здесь встречаются качественные или реляционные ошибки (особенно в области маркетинга, менеджмента, консалтинга, логистики, рекламы и др.).

Модальные ошибки в научно-познавательной деятельности

Для ученого интересным объектом исследования могут являться ошибки методологического плана. Как уже было отмечено ранее, они могут фиксироваться только в рамках одной системы научного миропонимания. Я проиллюстрирую это на примере антропоцентризма, то есть методологии, согласно которой единственным мерилom онтологической и эпистемологической объективности является социализированная личность (или же прагматический опыт социального взаимодействия, что одно и то же). Иначе говоря, антропоцентрическая научная правда — это то, что признается правдой в данном научном коллективе, и то, что продуктивно работает на познание (то есть обладает наивысшей объяснительной силой). Следует оговориться, что взятые вне антропоцентрической парадигмы теоретические рассуждения, называемые далее *модальными ошибками*, таковыми могут и не являться, поскольку вполне могут логически вписываться в другие свойственные им ценностные парадигмы научного познания.

Первой модальной ошибкой в антропоцентрическом исследовании является допущение, что объект познания независим

от субъекта. Это предположение может иметь несколько ипостасей и источников. Из реалистической метафизики выводится идея, что объект онтологически автономен во времени и пространстве, то есть обладает имманентными свойствами, которые исследователю нужно описать или вскрыть в ходе анализа. Еще более радикальным является заимствованное из идеалистической метафизики допущение, что вне сознания человека могут существовать автономные информационные объекты (понятия, суждения, концепты, концепции, теории, когнитивные пространства и др.), которые можно познать эйдетическим или спекулятивным путем. Наконец, из субъективизма в антропоцентрическую парадигму может проникнуть мысль, что объект непосредственно дан субъекту познания (его чувствам или его разуму), то есть информационные психологические объекты (в сознании субъекта) — это прямые объекты его интроспективного познания. Эта мысль ошибочна в силу того, что предвидит возможность очевидности научного знания без критической и методичной рефлексии.

Не менее опасна эпистемическая ошибка, что познание обладает объективными свойствами, то есть не носит личностного и коммуникативного характера, а также не зависит от познавательных свойств субъекта. Вера в гностицизм или в возможность обладания объективной истиной влечет за собой два опасных для антропоцентрической науки следствия: во-первых, убеждение в том, что существует количественный прогресс научного знания (так называемое накопление объективного знания, своеобразная копилка, банк научных знаний), а во-вторых, что существует качественный прогресс научного знания (выражающийся среди прочего тем, что новые знания лучше старых или заменяют старые). Прямым следствием этих двух производных гностической ошибки является понимание науки как фабрики научных знаний.

Своеобразной версией «лайт» описанной эпистемической ошибки является вера в собирательный, коллективный характер субъекта научного познания, то есть вера в так называемое научное сообщество как своего рода коллективный разум. Как следствие, появляется еще два ошибочных убеждения: научная школа является единым методологическим и теоретическим

целым (что не подтверждается ни одним примером; даже в научных сообществах в тоталитарных системах могут существовать научные противостояния) и разные научные школы — это лишь разные пути к исследованию одного и того же (что оказывается неправдой даже в естественных и технических науках, не говоря уже о науках гуманитарных и общественных, где методология формирует сам объект исследования).

Есть и другая эпистемическая крайность, восходящая к крайнему субъективизму, опирающаяся на веру в то, что субъект познания строго индивидуален и каждый ученый создает собственную концептуализацию объекта. В основе такой веры лежат два ошибочных положения: а) каждый человек обладает уникальными познавательными способностями и б) каждый мыслительный акт познания уникален. Они противоречат пониманию человеческого сознания как опытно и социально обусловленной информационной функции, а также положению о методичном и целенаправленном характере человеческого мышления.

Модальные ошибки в научной методологии могут повлечь за собой ошибки «низшего» уровня, например реляционные, заключающиеся в ошибочной концептуализации объекта исследования или в ее отсутствии, в отсутствии систематизации поля объектов и квалификации объекта или же в ошибочной его квалификации, наконец, в игнорировании или неверном определении прагматической значимости объекта. Непонимание реляционной (квалификационной) сущности объекта может также вести к ошибкам качественного и количественного плана, например к игнорированию или неверному определению функциональных свойств объекта, а также к ошибочному структурированию объекта или к игнорированию его структурирования.

Как видим, проблема ошибки требует своей дискурсивной концептуализации применительно к каждой из сфер человеческого опыта (быту, политике/идеологии, хозяйственной деятельности, искусству, философии/мировоззрению). Но телеологический анализ не исчерпывает познания данного объекта. Не менее интересным могло бы быть и каузальное его исследование, например анализ понимания ошибки в различных культурно-цивилизационных системах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Кант И. Критика чистого разума. Т. 3. Собрание сочинений в 8 томах. М.: Чоро, 1994.
3. Красилов Ю.В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). М.: Наука, 1980.
4. Лещак О. Основы функционально-прагматической теории языкового опыта: аналитика, критика, типология. Тернополь, 2008.
5. Новицкая И.В., Вакалова А.Е. Теория ошибки в свете различных подходов // Молодой ученый. 2016. № 26. С. 788–794. URL <https://moluch.ru/archive/130/36006/> (дата обращения: 17.09.2019).
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993.
7. Основные категории статистической науки // Helpiks.org. URL <https://helpiks.org/8-25879.html> (дата обращения: 15.09.2019).
8. Семенова Т.И. Феномен ошибки в когнитии, языке и речи // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2 (18). С. 10–15.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
11. Софизм // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 628.
12. Щедровицкий П.Г. От «психологии ошибки» к «психологии развития». URL <http://school2-igov.ru/prepodavateljam/ot-psihologii-oshibki-k-psihologii-razvitija-schedrovickii-p-g.html> (дата обращения: 17/09/2019).

CONCEPTUALIZATION OF ERROR: STATEMENT OF THE PROBLEM

OLEG LESZCZAK

Abstract. The article attempts to conceptualize the phenomenon of error on the basis of anthropocentric methodology. Error

as an object of conceptualization was considered in the semantic and pragmatic aspects. The author concludes that this is an axiological concept of negative assessments of actions that were inadvertently deviated from a recognized behavior algorithm, and their results as unforeseen and undesirable. An attempt of typology of errors has been based on the categories of I. Kant. There are 4 categories of errors — quantitative, qualitative, relational and modal. A separate review of the main modal errors of scientific knowledge within the framework of the anthropocentric paradigm is presented. **Keywords.** Error, conceptualization, axiology, anthropocentrism.

Адрес автора: olegleszczak@o2.pl

Типология ошибок в устной и письменной речи школьников и студентов

Ирина Позерт

Россия, Московский педагогический государственный университет

Аннотация. В статье осуществляется попытка упорядочения существующих типологий речевых ошибок школьников и студентов на основании трех основных критериев: во-первых, отношения нарушений норм к двум формам речи — устной и письменной (I ступень классификации, три типа ошибок); во-вторых, соотношения ошибок с типами норм, которые нарушены, одновременно и с уровнями языка, и с его разделами (II ступень классификации, три типа ошибок и виды в каждом); в-третьих, на основании конкретизации причины речевой ошибки (III ступень классификации, дальнейшая дифференциация типов и видов речевых ошибок на подвиды и разновидности). Автор обращает внимание и на другие принципы классификации речевых ошибок, на различные подходы к их типологии. Кроме того, в статье говорится о проблемных вопросах: нетождественности понятий «речевая ошибка» и «ошибка в речи» (неречевая ошибка), ошибка и недочет, а также перечисляются проблемы, требующие более детального рассмотрения в будущем.

Ключевые слова. Речевая ошибка, неречевая ошибка, типология речевых ошибок, основания классификации, тип / вид / подвид / разновидность речевой ошибки, лексическая ошибка, стилистическая ошибка (недочет), устная и письменная речь школьников и студентов.

Не ошибается тот, кто ничего не делает,
хотя это и есть его основная ошибка.

А.Н. Толстой

Материалом для данной статьи послужили ошибки в устной и письменной речи школьников и студентов. Для сравнения привлекались ошибки из детской и взрослой речи. Объектом рассмотрения являются все ошибки в речевом общении. Предметом исследования являются в большей степени речевые ошибки, которые рассматриваются на широком фоне.

Речевая ошибка — это резкое и немотивированное отступление от императивных (то есть строго обязательных) норм литературного языка, нарушение правильности, коммуникативной целесообразности, уместности, речевой этики и речевого этикета.

Речевые ошибки и ошибки в речи — нетождественные понятия. **Речевые ошибки** — это главным образом нарушение законов языка при употреблении его в речи (*в обоих странах уделяют огромное значение встрече глав правительств*), однако в речи проявляются и неречевые ошибки: **логические**, которые являются нарушением законов мышления (*так как Обломов... человек ленивый, у него был Захар — его слуга*), **фактические**, которые являются нарушением предметной достоверности, точности, отступлением от верности факту (*столица США — Нью-Йорк*), **содержательные**, которые являются нарушением понятийной достоверности и точности, отступлением от научного содержания (*по значению местоимения делятся на семь разрядов*).

Цель данной типологии речевых ошибок — обеспечить специалисту и автору ошибки наиболее короткий, а значит, эффективный путь от реальной ошибки к ее причине, правильной квалификации, ее исправлению и предупреждению после верного определения ее лингвистического механизма.

А так как язык — система сложноорганизованная и механизмы речепорождения и речевосприятия стадийные, то и типология речевых ошибок не может не быть многоступенчатой, разноаспектной и поликомпонентной.

На первой ступени классификации речевых ошибок (речевых — в широком смысле слова) по критерию «отношение к двум основным формам речи» все речевые ошибки делятся на три группы.

1. Ошибки, свойственные только устной форме речи:
 - а) фонетические: орфоэпические (*ши[нэ]ль*), акцентологические (кому? *гУсям*) и интонационные;
 - б) артикуляционные;
 - в) какофонические (неблагозвучие) и др.
2. Ошибки, характерные только для письменной формы речи:
 - а) орфографические (*из-под лобья* вместо *исподлобья*);
 - б) пунктуационные (*за окном шумит дождь, и печально воеет осенний ветер.* — Запятая не нужна);
 - в) графические (*мемля* вместо *земля*);
 - г) каллиграфические (неправильное начертание букв);
 - д) технические (у издателей и редакторов) и др.

По классификации М.Р. Львова, ошибки, относящиеся к форме речи (см. 1-ю и 2-ю группы) — устной или письменной, — это так называемые неязыковые ошибки [Львов: 11].

3. Ошибки, не зависящие от формы речи, то есть проявляющиеся («заметные») как в устной, так и в письменной речи. С.Н. Цейтлин называет их собственно речевыми [Цейтлин: 15]:
 - а) лексические (в том числе фразеологические);
 - б) грамматические: словообразовательные, морфологические, синтаксические и др.

На второй ступени классификации речевых ошибок основанием типологии является их соотношение с типами норм, которые нарушены, одновременно и с уровнями языка или его раз-
делами.

В соответствии с тремя аспектами речевой культуры — нормативным (традиционным), коммуникативным и этическим — предлагается следующая типология норм:

- 1) структурно-языковые нормы;
- 2) коммуникативно-прагматические нормы;
- 3) этико-речевые нормы.

Нарушение норм каждого из данных типов обозначим в дальнейшей классификации речевых ошибок соответственно первым, вторым и третьим типами.

Речевые ошибки в устной и письменной формах речи бывают трех типов.

Первый тип (нарушение структурно-языковых норм):

- а) лексические ошибки (нарушение правил употребления слов и устойчивых сочетаний слов: *одень пальто* и *играет большое значение*);
- б) грамматические:

словообразовательные (нарушение правил образования слов: *под-скользнуться* вместо *по-скользнуться*, *с-кипятить* вместо *вс-кипятить*);

морфологические (нарушение правил образования грамматических форм слов: *туфель порвался* вместо *туфля порвалась*, *сдача с пятиста рублей* вместо *сдача с пятисот рублей*, *лазает* вместо *лазит* или *лазает*);

синтаксические (нарушение правил объединения слов в словосочетания или предложения: *по окончанию школы* вместо *по окончании школы*; *я люблю и восхищаюсь своим другом* вместо *я люблю своего друга и восхищаюсь им*).

Второй тип речевых ошибок, встречающихся в речи, независимо от ее формы, устной или письменной, — это результат нарушения коммуникативно-прагматических норм, то есть «несоблюдение таких коммуникативных качеств (условий, критериев) хорошей речи, как качество целесообразности, стилистической уместности и выразительности, а также эстетической приемлемости» [Баринова: 9].

Наиболее частотными **коммуникативно-прагматическими ошибками** являются следующие.

Во-первых, разновидности стилистических ошибок:

- а) тавтология (*сегодня у нас в гостях гость из Польши*);
- б) плеоназм (*Маяковский писал в своей автобиографии*);
- в) штамп (из публицистической речи предшествующего периода — *черное золото* о нефти или угле, *зеленое золото* о лесе как богатстве, *мягкое золото* о ценных мехах пушных зверей, *белое золото* о хлопке, сахаре или соли, *голубое золото* о газе или водных ресурсах, *жидкое золото* о нефти и т. п.);
- г) слова-паразиты (*типа, как бы, так сказать, это, как его, так, на самом деле, значит, вот, все такое, ну-у, в натуре, блин, прикинь, на фиг* и т. п.);
- д) синтаксическое однообразие и примитивизм;
- е) отсутствие образных средств там, где они необходимы;
- е) погоня за красотой;
- ж) смешение разностилевой лексики;
- з) неблагозвучие;
- и) немотивированное употребление нелитературной лексики.

Во-вторых, **композиционно-текстовые ошибки** относятся ко второму типу, так как это нарушение требований к последовательности и смысловой связности изложения. Данный вид ошибок может встречаться во вступлении, основной части и заключении речи устной и письменной. Так, дефектная связь вступления (зачина) и заключения (концовки) оставляет впечатление незавершенности, нечеткости и неясности изложения в тексте или устной речи.

К третьему типу речевых ошибок при построении устной и письменной речи относятся **этико-речевые ошибки**, которые являются нарушением норм речевой этики, в том числе речевого этикета. Их разновидностями являются: проявление речевой агрессии («награждение» друг друга словесными ярлыками); применение в общении инвектив; лингвоцинизмов (учитель — ученице: «Ну, Катенька, что ты нам прохрюкаешь на этот раз?»); использование вульгаризмов; применение приемов речевого манипулирования (эвфемизмы *высвобождаемые работники вместо безработные* или *секвестирование бюджета вместо сокращение бюджета* и т. п.); нарушение нормы *ты/вы* в формах общения и др.

На третьей ступени типологии речевых ошибок основанием дифференциации нарушений нормы является дальнейшая конкретизация их причины, а в результате классификации в каждом виде речевой ошибки выделяется подвид. Объем статьи не позволяет рассмотреть все типы и виды ошибок всех форм речи на данной ступени расслоения на подвиды и разновидности (для этого требуется объем учебно-методического пособия), поэтому покажем этот этап классификации на примере такого вида, как лексическая ошибка, который относится к устной и письменной формам речи, то есть к третьему типу по данной типологии.

Лексические ошибки в зависимости от конкретной причины нарушения того или иного правила словоупотребления делятся на следующие подвиды и разновидности:

- 1) употребление слова в несвойственном ему значении (перед выпускниками школ стоит *дилемма* выбора жизненного пути);
- 2) нарушение норм лексической сочетаемости (*мини-супер-маркет, счастливая година, огромный столик, увеличить уровень, завести традицию, ужасно красивая девушка, скоропостижно прибыл на объект, дешевые цены* и т. д.);
- 3) расширение или сужение значения слова (смотри, как я *топчу* муку *руками*);
- 4) неразличение (смешение) паронимов (на праздник она *одела* нарядное *цветистое* платье; на выставке было *предоставлено* много красивой и *практической* обуви);
- 5) ошибки в употреблении омонимов (а сейчас в кадре вы видите Иванова в красивой *комбинации*); антонимов (в третьей части текста *не веселый*, но и *не мажорный* мотив заставляет нас задуматься); синонимов (имя этого поэта *знакомо* во многих странах);
- 6) неустраненная контекстом многозначность, то есть неснятая полисемия (за год мы *потеряли* шесть студентов; возле входа в университет вы увидите *разбитые* клумбы, это дело рук студентов и др.);
- 7) речевая избыточность — плеоназм и тавтология (он крепко держал в *своих* руках *штурвал* руля; *рассказчик* *рассказал* случай, который *случился* с ним в прошлом году, и др.);

- 8) речевая недостаточность (родители должны *обращать* на жаргонную речь ребенка);
- 9) смешение родовидовых понятий (на завтрак я жарю или *глазунью*, или *яичницу*);
- 10) смешение лексики разных исторических эпох, лексический анахронизм (Печорин получил *путевку* на Кавказ; Лиза была *домработницей* в доме Фамусова и др.)

На третьей ступени классификации нарушений норм — выделении подвидов и разновидностей каждого типа и вида — некоторые специалисты группируют ошибки по критерию наиболее общей их причины. Нагляднее всего это можно показать на примере дифференциации стилистических ошибок. Стилистические ошибки, не связанные с нарушением грамматических норм, могут квалифицироваться не как ошибки в строгом значении этого слова, а как недочеты — отсюда условный характер термина «стилистическая ошибка» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка: 13].

В дальнейшей классификации **стилистических ошибок** (недочетов) выделяется обычно четыре группы:

- 1) **ошибки, связанные со слабым овладением ресурсами русского языка** (бедность словаря и фразеологии: тавтология и плеоназм; употребление штампов, слов-паразитов; немотивированное употребление нелитературной лексики; однообразие в построении предложений, выборе конструкций; отсутствие образных средств там, где они естественны, и др.);
- 2) **ошибки, обнаруживающие недостаточно развитое языково-стилистическое чутье** (погоня за красотой: неоправданное использование определений-прилагательных, создание надуманных метафор, неудачных сравнений; смешение разностильной лексики; неблагозвучие и др.);
- 3) **ошибки, связанные с нарушением норм функциональных стилей** (неоправданное употребление канцеляризованных терминов в текстах ненаучного характера и т. д.);
- 4) **ошибки, заключающиеся в нарушении стилистических требований, связанных с широким контекстом.**

Если недочеты первой, второй и третьей групп — «узкоконтекстные», то ошибки четвертой группы — «широконтекстные».

В существующих типологиях речевых ошибок встречаются, кроме указанных выше главных, второстепенные критерии классификации.

По видам речевой деятельности:

- 1) ошибки в говорении;
 - 2) ошибки в чтении;
 - 3) ошибки в слушании;
 - 4) ошибки на письме,
- а также в восприятии и понимании речи.

По возрастному критерию:

- 1) в детской речи системные — инновации, а не ошибки [Цейтлин: 15];
- 2) в школьном возрасте — ошибки и недочеты.

По степени грубости:

- 1) ошибки-марки (очень грубые: *едь, ехай*);
- 2) грубые ошибки;
- 3) негрубые ошибки — недочеты.

По регулярности:

- 1) типичные (или регулярные, повторяющиеся);
- 2) индивидуальные.

Среди различных подходов к типологии речевых ошибок встречаются:

- лингвистический (рассмотренный выше — трехступенчатый);
- психолингвистический;
- психофизиологический;
- социокультурный;
- методический.

Методический подход предполагает нахождение и квалификацию ошибки, осмысление ее причины и результата, принципы ее исправления, методы и приемы анализа, коррекции и предупреждения речевых нарушений, способы работы над ошибками.

Итак, основными критериями классификации речевых ошибок являются: 1) отношение к двум основным формам речи — устной, письменной или одновременно к обеим (I степень типологии); 2) соотношение с типами норм, которые нарушены одновременно — и с уровнями языка или его разделами (II степень типологии); 3) конкретизация причины речевой ошибки и дальнейшая дифференциация типов и видов речевых ошибок на подвиды и разновидности (III степень типологии).

Кроме основных трех принципов классификации речевых ошибок в существующих сегодня типологиях встречаются следующие критерии: по видам речевой деятельности, по возрасту «автора» ошибки, по степени ее грубости, по регулярности и др.

Среди различных подходов к типологии речевых ошибок необходимо ясно осознавать выбранный аспект рассмотрения (лингвистический или психолингвистический, психофизиологический, социокультурный или методический и т. д.), хотя возможно и их комбинирование.

В дальнейшем углублении нуждаются в данной проблеме следующие вопросы:

- уровневые / неуровневые и межуровневые ошибки;
- «узкоконтекстные» и «ширококонтекстные»;
- широкое и узкое понимание речевой ошибки;
- ошибка и недочет;
- ошибка и инновация;
- ошибка и другие явления антинормы;
- ошибка и прием;
- двоякая квалификация ошибки — по причине и результату; результату и механизму;
- подвиды и разновидности каждого типа и вида речевой ошибки;
- ошибки интерференции;
- ошибка и описка (опечатка) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алгазина Н.Н. Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962.

2. *Анисимов Г.А.* О классификации речевых ошибок // РЯШ. 1989. № 3.
3. *Арефьева С.А.* Виды синтаксических ошибок в ученических изложениях и сочинениях // РЯШ. 1998. № 3.
4. *Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
5. *Глазков А.В.* Орфографическая ошибка как предмет лингвистического описания. М., 1999.
6. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М. 1989.
7. *Грушевская М.И.* Ошибки школьников при конструировании словосочетаний и предложений // РЯШ. 1989. № 1.
8. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 1993.
9. *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник.* М., 2003. С. 256–257.
10. *Леонтьев М.И.* Орфографические ошибки учащихся и борьба с их повторением. М., 1963.
11. *Львов М.Р.* Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд. М., 1997.
12. *Михайлов М.М.* О классификации ошибок в письменных работах учащихся. М., 1963.
13. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной.* М., 2003. С. 437–438.
14. *Фоменко Ю.В.* О принципах классификации ошибок в письменных работах школьников // РЯШ. 1973. № 1.
15. *Цейтлин С.Н.* Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.
16. *Черемисин П.Г.* К вопросу о классификации речевых ошибок в сочинениях учащихся средней школы // РЯШ. 1973. № 2.

TYPOLOGY OF ERRORS IN THE ORAL AND WRITTEN LANGUAGE OF SCHOOLCHILDREN AND STUDENTS

IRINA POZERT

Abstract. The article attempts to streamline the existing typologies of speech errors of schoolchildren and students on the basis of three

main criteria: firstly, the ratio of violations of norms to two forms of speech — oral and written (I stage of classification, 3 types of errors); secondly, the correlation of errors with the types of norms that are violated, at the same time — with the levels of the language or its sections (II level of classification, 3 types of errors and types in each); thirdly, based on the concretization of the causes of speech errors (III stage of classification, further differentiation of types and types of speech errors into subspecies and varieties). The author of the article draws attention to other principles of the classification of speech errors, to various approaches to their typology. In addition, the article talks about problematic issues: the non-identity of the concepts of “speech error” and “error in speech” (non-speech error), error and omission; and lists issues requiring more detailed consideration in the future.

Keywords. Speech error, non-speech error, typology of speech errors, classification grounds, type — type — subspecies — type of speech error, lexical error, stylistic error (deficiency), oral and written speech of schoolchildren and students.

Адрес автора: ipozert@gmail.com

Ошибка в учебнике: о некоторых методических приемах ее исправления

Ольга Румянцева

*Россия, Москва, Российский государственный
университет правосудия*

Аннотация. Данная работа посвящена отдельным методическим приемам исправления случайных ошибок, опечаток, допущенных в тексте учебных пособий. На конкретном примере из практики преподавания русского языка автор демонстрирует возможность использования ошибки для оптимизации процесса обучения. Это размышление о том, как ошибка может открыть путь к познанию.

Ключевые слова. Ошибка, дидактика, методика преподавания, русский язык, метапредметные связи.

Ошибка... Вред или польза? Обыденное сознание подсказывает, что пользы ошибка принести не может. Практика, повседневная жизнь и даже история величайших открытий свидетельствуют о том, что иногда ошибка способна принести как раз немалую пользу (достаточно вспомнить небрежность, а это тоже ошибка, «подарившую» миру уникальное лекарство — пенициллин). Хотя бывают и фатальные ошибки...

Феномену ошибки, его осмыслению с точки зрения лингвистики, философии, социологии,

психологии и т. д. посвящено немало научных исследований (например, О. С. Батуриной [Батурина], А. М. Сафина [Сафина], Т. И. Семеновой [Семенова]). В частности, в статье «Концепт „ошибка“: психологический смысл» О. С. Батурина, сопоставив различные подходы к описанию понятия «ошибка» и обратившись к этимологии этого слова в русском языке, делает следующий вывод: «Из анализа сочетаемости различных слов с „ошибкой“ видно, что это понятие многозначно. Ошибка — это общее название для целого класса понятий, связанных с искажением, с дефектом деятельности в каждом из трех полей: предметном, логическом и поле взаимоотношений, смыслов. Ошибка представляется как некое отклонение от намеченной цели или поставленной задачи при несоответствии промежуточных и в итоге конечных результатов процесса, приводит к негативным результатам деятельности системы. Как психологическое явление ошибка является результатом действия субъекта, совершенного неточно или неправильно, вопреки плану» [Батурина].

Наша статья не претендует на глубокий и всесторонний анализ различных подходов к осмыслению феномена ошибки и ее последствий. Остановимся лишь на одном примере, иллюстрирующем, что и ошибка может принести пользу, — примере из практики, связанном с возможными методическими приемами исправления ошибок, допущенных в учебной литературе.

Заметим, что современная организация процесса обучения, к сожалению, сводится фактически к тому, что обучающегося пытаются подловить на ошибке. Хотя психологи в один голос говорят о праве человека (и ребенка особенно) на ошибку и возможности ее исправить, а вот школа/вуз (как система) очень часто лишает ученика/студента такой возможности. Достаточно вспомнить критерии оценок, предусматривающие тот или иной балл в зависимости от количества допущенных ошибок. Традиционная классификация ошибок включает в себя логические, грамматические, фактические ошибки («фактической ошибкой называют искажение цитатного материала, информации, касающейся времени жизни и творчества поэтов и писателей» [Классификация ошибок в помощь экспертам ОГЭ]). Обучающемуся за такие ошибки снижается оценка. А кому снижать оценку, если ошибка в самом учебнике?

Иногда ошибки допускаются сознательно. Задание при этом формулируется следующим образом: «Найдите и исправьте ошибки». Это особый вид упражнения, который может быть использован для развития определенных навыков. Подобное упражнение требует очень осторожного, избирательного подхода, так как оно уместно в том случае, когда преподаватель уверен, что у обучающихся необходимые для исправления ошибок навыки уже сформированы. А если ошибка закралась в текст учебника случайно? Те, кто знаком с творчеством Андрея Тарковского, помнят кадр из фильма «Зеркало», где смертельно напуганная героиня бежит исправить ошибку, которую она, как ей кажется, допустила в сданной в набор рукописи. Сегодня на опечатки смотрят проще. Это значительно облегчает жизнь. В то же время небрежность в отношении к печатному, книжному слову порождает массу трудностей. Особенно это ощутимо в учебной литературе. Ведь ученик/студент должен продемонстрировать высокий уровень знаний, избегая тех самых речевых, логических, фактических и прочих ошибок. А в учебниках такие ошибки, увы, не редкость.

Например, в пособии Е.С. Антоновой и Т.М. Воителевой «Русский язык» в упражнении 116 на странице 201 [Антонова, Воителева] допущена фактическая ошибка: рядом со знаменитой строкой «С любимыми не расставайтесь!» стоит фамилия Киришон. На самом деле это цитата из «Баллады о прокурорном вагоне» Александра Кочеткова. Какая же польза заключается в том, что того, кто выполняет указанное упражнение, создатели учебника волей или неволей вводят в заблуждение, неправильно указывая фамилию автора стихотворения? Пользу можно получить в том случае, если преподаватель не просто обратит внимание студентов на допущенную фактическую ошибку (и это тоже немало), а использует ее в качестве повода для своеобразного филологического расследования, которое проведут студенты с целью установления настоящего имени поэта — автора этих слов. Интернет значительно облегчает такой поиск, хотя и здесь надо быть внимательным и осторожным, чтобы не допустить новых неточностей. Ребятам предлагается 1) установить имя настоящего автора этих строк, 2) подготовить краткое сообщение о его творческой биографии (годах жизни, произведениях, публикациях), 3) рассказать историю создания

баллады. Ведь строка из этого произведения стала названием пьесы Александра Володина «С любимыми не расставайтесь!», которая с успехом шла (и продолжает идти) во многих театрах нашей страны, была экранизирована. В 1979 году появился одноименный фильм режиссера Павла Арсенова с Ириной Алферовой и Александром Абдуловым в главных ролях. Текст баллады студенты вспомнят, если смотрели (большинство смотрело) легендарный фильм Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!». Возможно, что имя Владимира Киришона оказалось в учебнике именно потому, что он автор слов другой песни, которая тоже звучит в этом фильме, — «Я спросил у ясе-ня» (композитор Микаэл Таривердиев).

Так, на практическом занятии по русскому языку появляется элемент литературного краеведения. Краткий комментарий к балладе, обращение к истории ее создания, в основе которой реальный факт, — это своеобразное приглашение к философскому размышлению о ценности жизни, хрупкости человеческого счастья, вечной теме любви. Таким образом реализуются метапредметные связи языка (а упражнение было посвящено морфологическим особенностям глагола) и литературы.

И вот ошибка уже приводит к исследовательской работе, к открытию нового, дает возможность продемонстрировать свои знания, находки. Оказывается, и ошибку, случайно допущенную в учебнике, можно использовать для оптимизации процесса обучения, развития у студентов познавательной активности, формирования интереса к предмету (а точнее предметам, если удастся реализовать метапредметный подход — такая вот тавтология, вынужденная). Ошибка в учебнике — еще одно напоминание о необходимости внимательного отношения к информации и ответственности за ее точность и достоверность. Ну а критерии оценивания на данном этапе обучения проще оставить прежними — количество ошибок, соотносящееся с тем или иным баллом. Это уже другая тема для размышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батурина О. С. Концепт «ошибка»: психологический смысл // Личность, семья и общество: вопросы педагогики

- и психологии // Сборник статей по материалам XII Международной науч.-практ. конференции. Часть II. Новосибирск: СибАК, 2012. Режим доступа: URL <https://sibac.info/conf/pedagog/xii/26421>. Дата обращения 14.04.2019.
2. Сафин А.М. Ошибка как социальный феномен: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Казань, 2015. Режим доступа: URL [os.x- pdf.ru/20filosofiya/771065-1-oshibka-kak-socialniy-fenomen.php](https://os.x-pdf.ru/20filosofiya/771065-1-oshibka-kak-socialniy-fenomen.php). Дата обращения 14.04.2019.
 3. Семенова Т.И. Феномен ошибки в когнитии, языке и речи // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. 2012. № 2 (18). С. 10–16. Режим доступа: URL <https://psibook.com/linguistics/fenomen-oshibki-v-kognitsii-yazyke-i-rechi.html>. Дата обращения 14.04.2019.
 4. Классификация ошибок в помощь экспертам ОГЭ по русскому языку // Современные педагогические (образовательные) технологии. Режим доступа: URL <https://pedtechno.ru/content/klassifikaciya-oshibok-v-pomoshch-ekspertam-oge-po-russkomu-yazyku>. Дата обращения 14.04.2019.
 5. Антонова Е.С. Русский язык: учебник для сред. проф. образования / Е.С. Антонова, Т.М. Воителева. М.: Академия, 2014. С. 201.

ERROR IN TEXTBOOK: ABOUT SOME METHODOLOGICAL TECHNIQUES FOR CORRECTING IT

OLGA RUMYANTSEVA

Russian State University of Justice, Moscow

Abstract. This work is devoted to separate methodical methods of correction of random errors, typos made in the text of textbooks. This is a reflection on how a mistake can open the way to knowledge.

Keywords. Error, didactics, teaching methodology, Russian language, interdisciplinary communication.

Адрес автора: romoolo@list.ru

Исключенные по ошибке: репрезентация «Храма народов» в американских печатных СМИ (1978–2018)

Екатерина Стецюк

*Россия, Московская высшая школа социальных
и экономических наук*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению моделей репрезентации «Храма народов» в американских печатных СМИ в период 1978–2018 годов. Посредством сочетания методов тематического моделирования (Topic Modeling) и критического дискурсивного анализа (КДА) в русле социокогнитивного подхода Тена ван Дейка разбираются текстуальные и контекстуальные факторы (вос) производства медийных репрезентаций «Храма народов», а также определяются и сопоставляются модели репрезентаций, характерные для каждого из рассматриваемых периодов (1978, 1988, 1998, 2008 и 2018 годы). Настоящее исследование представляет собой попытку показать, что, несмотря на наличие конвенциональной стигмы «Храм = культ», являющейся продуктом искаженной новостной перспективы, за прошедшие 40 лет «канон» медийной репрезентации «Храма народов» изменился и обрел новые нарративные измерения.

Ключевые слова. «Храм народов», новые религиозные движения, культы, Соединенные Штаты Америки, медиарепрезентации, медиаобраз,

социокогнитивные дискурсивные исследования, критические дискурсивные исследования.

18 ноября 1978 года в сельскохозяйственном поселении «Храма народов» в Гайане, более известном как Джонстаун, произошло групповое самоубийство/убийство 918 членов организации, включая ее лидера Джима Уоррена Джонса. Выделяется множество объяснительных версий произошедшего, начиная с околосекретологических теорий о причастности к трагедии ЦРУ и правительства США и заканчивая общепринятым мнением о «революционном самоубийстве» [What is the definition of “revolutionary suicide”?]. Однако, хотя ни одно из существующих предположений не получило официального подтверждения, образ «деструктивного культа», сформировавшийся в рамках первой волны журналистских расследований, закрепился за «Храмом народов» в публичном дискурсе. Как следствие, случай «Храма» нередко экстраполируется на другие новые религиозные движения (НРД), а представленная в СМИ версия произошедшего в Джонстауне сформировала парадигму восприятия всей деятельности организации и ее лидера [Saliba: 178].

Тем не менее в результате многочисленных запросов Института Джонстауна (Alternative Considerations of Jonestown and Peoples Temple) в 2000 году была начата программа по раскрытию документов ФБР, касающихся расследования событий Джонстауна и деятельности «Храма народов». Появление этих источников в открытом доступе предоставило новые возможности для эмпирического изучения «Храма» как в научной, так и в непрофессиональной исследовательской перспективе. Как следствие, появились новые способы осмысления «Храма народов», в которых акцент был перенесен с 18 ноября 1978 года на иные аспекты истории движения — вопрос расовой интеграции, гендерных отношений, политическую деятельность движения и др. На основании этого в ходе текущего исследования выдвигается следующая гипотеза: в связи с раскрытием ранее недоступной информации и возникновением альтернативных подходов к рассмотрению «Храма народов» медийный «канон» его репрезентации мог измениться и обрести новые нарративы.

До настоящего времени репрезентации «Храма народов» в СМИ, в первую очередь в текстовых материалах, новостных

публикациях, не изучались систематическим образом. Из всего числа исследований, в рамках которых затрагивалась тема медиаобраза организации (Smith 1982; Chidester 1988; Moore 2000; Cowan, Haddan 2008; Tovaes 2008; Crockford 2018), прицельный анализ репрезентации «Храма» в печатных изданиях был представлен только Дэнни Л. Йоргенсеном, профессором религиоведения, в статье “The Social Construction and Interpretation of Deviance: Jonestown and the Mass Media” (1980). При помощи контент-анализа в работе разбирались интерпретации трагедии 18 ноября, появившиеся в прессе в первые недели после события. Рассмотрев способы, причины и условия формирования этих интерпретаций, Йоргенсен показал, что «официальная реальность» Джонстауна — транслируемая в СМИ версия трагедии — была продуктом новостной перспективы, предзаданной контекстом.

Преобразование инцидента 18 ноября 1978 года в медиасобытие, его освещение в новостной перспективе и согласно нормам СМИ стали своеобразным вызовом для прессы. Коммерческий спрос, конкуренция информационных агентств и невозможность передачи точной информации из Джонстауна и аэропорта Порт-Каитума напрямую требовали избирательного акцента при трактовании получаемых сведений, деконтекстуализации событий и их упрощенного изложения. Более того, как поясняет Йоргенсен, в первые дни после трагедии в целях создания эффекта присутствия на месте происшествия среди находящихся в Гайане репортеров имела место практика взаимного интервьюирования [Jorgensen: 316]. Все это повлекло за собой волну искаженной и предвзятой информации, в дальнейшем подкрепляемой и мнениями «экспертов», в том числе и государственных должностных лиц. Пытаясь предоставить доступное объяснение причин трагедии, СМИ использовали психологические теории «культов» и отклонений, посредством чего групповое самоубийство/убийство трактовалось как «форма социально-экономической девиации» и «психологической аномалии».

Как показывает Йоргенсен, модели репрезентаций «Храма народов», сложившиеся в прессе в первые недели после трагедии и опиравшиеся на предзаданный антикультовый дискурс, отражают три магистральных сюжета:

- 1) «Храм народов» — маргинальная группа и «культ»;
- 2) «Джим Джонс — извращенец и параноидальный фанатик»;
- 3) «члены „Храма народов“» — лишённые рассудка жертвы» [Jorgensen: 316].

И, как в своей статье “Is the Canon on Jonestown Closed?” (2000) демонстрирует профессор религиоведения и координатор Института Джонстауна Ребекка Мур, именно эти сюжеты, отразившие версию «официальной реальности» событий 18 ноября и «Храма народов» в целом, стали «каноном» его репрезентации и легли в основу «каноничного» популярного нарратива:

- 1) «Конгрессмен США Лео Райан и прибывшие с ним в Гайану представители СМИ были убиты группой последователей культа „Храм народов“ на взлетно-посадочной полосе;
- 2) Более 900 последователей Джима Джонса, харизматического лидера культа «Храм народов», погибли в ходе ритуального самоубийства/убийства» [Moore 2000: 7, 8–9].

В силу злоупотребления символической властью, наличествующей на этапе формирования и дальнейшего воспроизводства репрезентации «Храма народов», ее изучение требует выбора критической оптики. В связи с этим методологической рамкой настоящего исследования выступает принцип критического дискурсивного анализа в русле социокогнитивного подхода Тена ван Дейка [van Dijk 1983, 1988a, 1988b, 2017]. Представляясь частью и выражением дискурсивных практик, по ван Дейку, печатный текст выступает «медиа» для передачи тех когнитивных моделей события или явления — его репрезентаций, — которые являются конвенциональными и доминирующими в дискурсе [van Dijk 1988b: 108]. Эти модели ложатся в основу дальнейшего воспроизводства как авторами, так и реципиентами, что порождает и легитимирует дискриминацию. Обращение к этому подходу в текущем исследовании позволяет рассмотреть механизмы формирования и закрепления искаженного восприятия «Храма народов», вследствие возникновения которого вся история организации была редуцирована исключительно к трагедии, а члены «Храма» стигматизированы как «участники культа».

Настоящее исследование объединяет использование двух методов. Во-первых, тематического моделирования на основании генеративной статистической модели латентного размещения Дирихле (LDA), предлагаемого Антоном и Петтером Тернбергами в качестве вспомогательного инструмента КДА [Törnberg A., Törnberg P.]. Этот метод позволяет провести автоматическую тематизацию текстов — выявление топиков, характерных для репрезентации в каждый из рассматриваемых периодов (1978, 1988, 1998, 2008 и 2018 годы), — что снижает вероятность проявления субъективизма при выборе наиболее репрезентативных образцов публикаций и аналитической интерпретации получаемых результатов. Во-вторых, анализа структур текстов, отобранных по результатам LDA, состоящего из семантического, риторического и стилистического типов анализа. Посредством сочетания этих методов в статье производится критический дискурсивный анализ новостных публикаций, направленный на выявление механизмов текстуальной репрезентации «Храма народов» в печатных СМИ и определение ее социальных и когнитивных оснований.

ИСТОЧНИКИ И ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА

Процедура анализа, реализуемая в текущем исследовании, состоит из нескольких шагов.

Первый шаг — количественный анализ корпуса новостных публикаций, источниковой базой которого стали девять новостных изданий США. Шесть из них — USA Today, The Wall Street Journal, The New York Times, Los Angeles Times, Chicago Tribune, The Washington Post — являются крупнейшими по размеру тиража и охвату аудитории общенациональными изданиями. Оставшиеся три — The San Francisco Chronicle, The San Francisco Examiner и The Press Democrat — представляют собой издания, занимавшиеся освещением «Храма народов» на протяжении его существования в Сан-Франциско, еще до событий 1978 года. Вследствие этого они имеют особый интерес как газеты — регуляторы мнения.

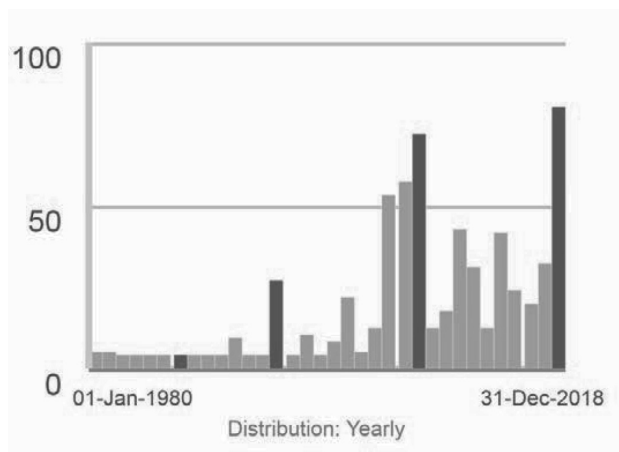

Рис. 1. Покрытие темы «Храм народов» (поисковый запрос: “Peoples Temple”) в американских СМИ за период 01.04.2018. Ресурс: Factiva. Дата обращения: 01.04.2019

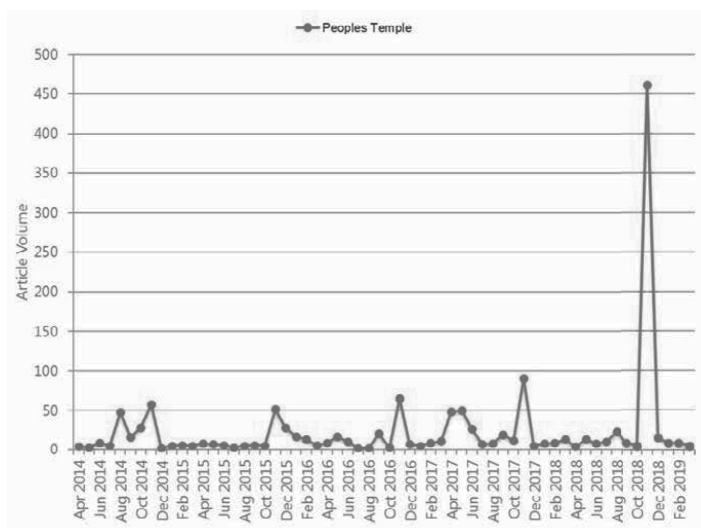

Рис. 2. Покрытие темы «Храм народов» (поисковый запрос: “Peoples Temple”) в мировых СМИ за период 01.04.2014–01.04.2019

Согласно статистическим данным информационно-аналитических служб Factiva и LexisNexis (см. рис. 1 и 2), наибольшие покрытие и охват темы “Peoples Temple” приходятся на годы календарных десятилетий со дня трагедии Джонстауна и пиковая активность наблюдается в период с октября по декабрь каждого года. В связи с этим подбор новостных публикаций был ограничен этими временными периодами. Общая выборка за все рассматриваемые годы — 1978, 1988, 1998, 2008 и 2018 годы — составила 1077 текстов (табл. 1).

ТАБЛИЦА 1. ВЫБОРКА МАТЕРИАЛОВ ЗА РАССМАТРИВАЕМЫЕ ПЕРИОДЫ

	1978	1988	1998	2008	2018
USA Today	—	—	—	1	2
The Wall Street Journal	10	—	2	—	2
The New York Times	9	2	1	1	3
Los Angeles Times	271	4	7	1	2
Chicago Tribune	19	1	1	2	4
The Washington Post	156	1	1	1	4
The San Francisco Chronicle	—	8	9	4	8
The San Francisco Examiner	305	22	7	—	1
The Press Democrat	188	12	1	3	1
Всего статей за каждый год	958	50	29	13	27
Всего статей за все годы	1077				

Поиск новостных публикаций осуществлялся по ключевым словам “Peoples Temple”. Иные категории, такие как “Jonestown” и “Jim Jones”, не использовались в целях максимального дистанцирования от событий 18 ноября 1978 года и личности лидера организации и рассмотрения картины репрезентации «Храма народов» в отрыве от этих факторов, в любом случае являющихся ее частью.

Количественный анализ корпуса осуществлялся с помощью инструмента Machine Learning for Language Toolkit (MALLET), функционирующего согласно статистической модели LDA. В ходе текущей работы LDA используется исключительно как

компьютеризированный инструмент для определения топиков, характерных для публикаций каждого из рассматриваемых периодов, с целью их дальнейшей интерпретативной категоризации. В таких случаях, согласно Тернбергам, параметры построения моделей не рассчитываются статистически, определяются путем экспериментального подбора значений, выдающих генерацию наиболее адекватных для анализа топиков [Törnberg A., Törnberg P.: 7]. Исходя из этого, параметры количества топиков, перечень закрепляемых за топиком слов и количества итераций алгоритма для каждой модели анализа определяются в настоящем исследовании эмпирически с учетом особенностей каждого корпуса текстов за рассматриваемый период.

Второй шаг — качественный анализ макро- и микроструктур текстов новостных публикаций, маркированных как наиболее репрезентативные образцы по результатам LDA. Осуществляемый с позиций социокогнитивного подхода, он направлен на выявление когнитивных моделей, лежащих в основании текстуальных репрезентаций. Посредством этого типа анализа определяются модели репрезентаций «Храма народов», доминирующие в дискурсе в каждый из рассматриваемых периодов.

Третий шаг исследования заключается в сопоставлении обнаруженных моделей и далее в определении характера их трансформации.

Таким образом, посредством реализации этой схемы анализа выявляется динамика изменения репрезентации «Храма народов» в американских печатных СМИ на протяжении 1978–2018 годов.

Стигматизация: 1978–1988 годы

Выявленная в ходе работы динамика изменения дискурса о «Храме народов» может быть разделена на три основных этапа.

Первый этап — 1978–1988 годы — период рассвета антикультового движения, набравшего силу во многом из-за случая Джонстауна. Эти годы характеризуются доминированием антикультового дискурса, предполагающего восприятие любой религиозной организации как культа, потенциально несущего опасность и возможную смерть.

Построенная модель LDA для текстов за 1978 год позволила выявить ряд магистральных дискурсов, «завязанных» на «Храме народов»: дискурс о культах Калифорнии, дискурс о телах жертв трагедии Джонстауна, дискурс о самой трагедии, отдельно — дискурсы о выживших, жертвах и погибших детях, дискурс об убийстве конгрессмена Лео Райана, дискурс о Джиме Джонсе и его деятельности и дискурс о расследованиях и официальной реакции на трагедию. Также построенное размещение показало, что категории описания «Храма народов» — “cult”, “cult camp”, “religious sect” — и категории описания событий Джонстауна, которые Йоргенсен и Мур определяют как «каноничные», — “massacre”, “mass suicide”, “suicide-murder”, “a man preoccupied with death, sex” — проявляются в макропозициях текстов каждого из топики, то есть в каждом из выделенных дискурсов, например:

- 1) “370 More Bodies Found at *Cult Camp* in Guyana” (2);
- 2) “Guyana Official Reports 300 Dead At Religious Sect’s Jungle Temple. Troops Find Bodies — Mass Suicide Is Indicated After Attack on Americans in Which 5 Were Slain” (1);
- 3) “Jim Jones — the Dark Side of a Man Preoccupied With Death, Sex” (6).

Рассмотренные наиболее репрезентативные публикации за 1988 год продемонстрировали схожую картину семантических паттернов как на уровне макропозиций:

- 1) “The Cult Wars. Ten Years after Jonestown, the Battle Intensifies Over the Influence of ‘Alternative’ Religions” (17);
- 2) “Cults Now Blend Into American Life” (9);
- 3) “10th Anniversary of Jonestown. Cults Still Pose Threat, Experts Say” (8);

так и на уровне макро- и микроструктур текстов.

Как показал качественный анализ текстов за 1978 год, сложившийся в свете Джонстауна дискурс о «Храме народов», во-первых, вошел в уже существующую систему антикультового дискурса, заимствовав парадигму характерных для него паттернов репрезентаций. Во-вторых, он был сконструирован еще до событий 18 ноября в новостных изданиях

Сан-Франциско и материалах оппонентов «Храма народов» — движения «Обеспокоенных родственников», организованного в 1975 году бывшим руководством «Храма». Как отмечает Джон Уоллисс [Walliss: 56], «Обеспокоенные родственники» пришли к концептуализации «Храма народов» как «культа», снимая с себя любую ответственность за причастность к руководству организацией под прикрытием пережитого *brainwashing*: «нам всем там промыли мозги [цит. по: Hall: 181].

С подачи «Обеспокоенных родственников» 1 августа 1977 года журналом *New West Magazine* была опубликована статья «Внутри „Храма народов“» (“Inside Peoples Temple”), в которой с опорой на рассказы покинувших «Храм» участников вскрывалась «темная сторона» организации. На этой волне другие газеты Калифорнии также выпустили свои материалы, собирая интервью у бывших участников «Храма» и дублируя выдвигаемые в *New West* обвинения. В тот же период в *The Press Democrat* появилось и первое описание «Храма народов» как «сомнительного культа» (“*controversial cult*”) (“Peoples Temple ‘exodus’ to South America denied”, 18.08.1977). Как результат, трагедия Джонстауна выступила формальным подтверждением опасений оппонентов «Храма» и использование подобной, искаженной и предвзятой оптики при освещении его деятельности обрело легитимность.

Помимо доминирования антикультовой риторики, для публикаций за 1978 год характерна редукция истории «Храма» к трагедии и ее подробностям — состоянию тел, возможным способам убийства/самоубийства, — что может быть объяснено необходимостью упрощенного освещения трагедии, о чем отмечал Йоргенсен. Тем не менее подобные объяснения релевантны исключительно для публикаций первой волны, в то время как проявление той же тенденции — репрезентации «Храма» через события 18 ноября и вынесение трагедии на высший уровень макроструктур текстов по отношению к остальной, приводимой фрагментарно информации — в образцах за 1988 год свидетельствует о закреплении модели «Храм = культ» в качестве контекстной, то есть конвенциональной для дискурса о «Храме народов».

Также публикации за 1988 год демонстрируют появление нового способа говорения о «Храме народов» через редукцию

движения к его лидеру, что особенно ярко проявляется на уровне микроструктур текстов, например:

- 1) “a mass orgy of suicide and murder in his [Джонса] jungle paradise”; “death ritual”; “paranoid”; “megalomania”; “just another crooked preacher”; “a crooked Communist vote-stealing preacher” (4).

С одной стороны, появление этого риторического приема, представляющегося попыткой установить виновника трагедии, свидетельствует о начале переосмысления событий Джонстауна. С другой — привлечение категорий подобного рода обеспечивает усиление модели репрезентации «Храма народов» как «культа своего безумного лидера».

Таким образом, период 1978–1988 годов характеризуется закреплением и спецификацией стигмы «Храм = культ», формирование которой было начато еще до событий в Джонстауне. Вследствие этого сюжеты, выделенные Йоргенсеном в 1978 году: «Храм народов» — маргинальная группа и «культ»; «Джим Джонс — извращенец и параноидальный фанатик»; «члены „Храма народов“ — лишенные рассудка жертвы», — объединяются в единый нарратив о «безумии Джонса», обуславливающий и безумие «Храма» как движения.

(ПЕРЕ)ОСМЫСЛЕНИЕ: 1988–1998 годы

Тем не менее, несмотря на сохранение антикультовой риторики, главной отличительной чертой образцов текстов за 1988 год является общий принцип спецификации и выстраивания нарратива через оценку и комментарии экспертов или связанных с «Храмом» лиц, что сигнализирует о начавшемся переосмыслении Джонстауна, а также его медиаобраза.

К примеру, в материале “Lessons learned from Jonestown” (The Chicago Tribune, 28.11.1988), принадлежащем американскому религиозному писателю Майклу Хирсли, выстраивается причинно-следственная связь между маркированием «Храма народов» как «культа» и трагедии как «безапелляционной страшной истории о культе» и действиями антикультового движения и конкретно Cult Awareness Network (CAN, «Сеть

оповещения о культах» — антикультовая организация, основанная в 1978 году после событий Джонстауна), которые сравнивают любое НРД с культом. Далее происходит обращение к риторике CAN, посредством чего демонстрируется, что основной паттерн репрезентации многих НРД и, в частности, «Храма народов» — “destructive cult” — является искусственным маркером, применяемым CAN к религиозным группам по усмотрению самой же организации. Когнитивная модель «уроков Джонстауна» — “Lessons learned from Jonestown” — тем не менее представляется в двояком содержании: с одной стороны, в обязанности помнить о событиях Джонстауна, дабы они не повторились; с другой — в обязанности помнить о действиях CAN и СМИ, следствием чего стало формирование «страшной истории о культе», который не имел ничего общего с НРД.

Эта же тенденция продолжилась и в 1998 году, макропозиции текстов за который демонстрируют категории переосмысления трагедии и «Храма» под новым углом на уровне всех полученных топиков:

- 1) “Two decades later: The search for a fitting tribute to Jonestown’s 918 victims” (15);
- 2) “Utopian nightmare. Jonestown: What did we learn?” (3);
- 3) “Remembering Jonestown. “I lost all I had, which is my boys” (13).

Помимо этого макропозиции образцов за 1998 год демонстрируют отсутствие паттерна “cult”, что говорит об ослаблении влияния антикультового дискурса. На контекстуальном уровне это связано главным образом с официальным прекращением деятельности CAN в 1996 году, а также предшествующим этому развенчиванию теории «промывания мозгов» в научном обществе.

Анализ структур текстов показал, что образцы публикаций за 1998 год демонстрируют значительные изменения в когнитивных основаниях репрезентаций «Храма народов» по сравнению с предыдущими периодами. Основной вклад в этот процесс был сделан журналистом Тимом Рейтерманом: будучи репортером *The San Francisco Chronicle*, Рейтерман состоял в делегации конгрессмена Райана и выжил при обстреле на взлетно-посадочной полосе. Его публикации и книга “Raven: The Untold Story

of the Rev. Jim Jones and his People”, впервые опубликованная в 1982 году, заложили сценарий восприятия трагедии 18 ноября 1978 года как коллективной утраты, а не как случая «культового насилия», результатом которого стала только «порнография Джонстауна». О происходящем переосмыслении произошедшего также свидетельствуют встречающиеся в текстах упоминания Института Джонстауна и обращение к продвигаемой им риторике «альтернативного восприятия» «Храма народов».

Тем не менее главный результат этой работы, достигнутый к 1998 году, заключается в обнаружении «виновника» трагедии, которым маркируется Джим Джонс. В связи с этим во многих образцах за этот год наблюдается редукция к личности Джонса и репрезентация всех действий организации через его деятельность, например:

- 1) “sick man”, “paranoid”, “evil”, “sent over the edge” (13)
или
- 1) “Jones moved to Mendocino County in 1965, bringing 145 members of his Indiana flock with him”;
- 2) “Jones set up a small church <...> and then began a program...”;
- 3) “At his church on East Road in Redwood Valley, Jones built a following...”;
- 4) “He instilled a group paranoia through staged shootings during services and then offered the Temple and himself as a salvation and a haven” (7).

Посредством подобной тотальной редукции к лидеру организации, контекстная модель репрезентации которого как «параноидального фанатика» заимствуется из дискурса 1978 года, воспроизводится контекстная модель восприятия членов «Храма» — всего «Храма народов» как сообщества, состоящего из индивидов, — как «абсолютно безвольных людей, слепо следующих за Джонсом».

В целом для публикаций периода 1988–1998 годов характерно проявление двух полярных позиций: альтернативного осмысления и конвенционального антикультового дискурса. С одной стороны, это говорит о постепенном процессе разрушения стигмы вокруг членов «Храма народов», происходящем главным образом благодаря деятельности Института

Джонстауна. С другой, хотя «Храм» больше не маркируется как «культ», парадигма подобного восприятия организации сохраняется в качестве референтного основания и модель репрезентации «Храма народов» остается сведена к обозначению движения как «полностью зависимого от лидера» и далее как сообщества «безвольных людей».

Дестигматизация? 1998–2018 годы

Третий этап — 1998–2018 годы — завязан на осмыслении трагедии как события, произошедшего по линии персональных интенций Джонса к совершению массового самоубийства / убийства. Главным образом это было обусловлено получением доступа к “Death Tape”, архивной аудиозаписи событий 18 ноября 1978 года, с подачи Института Джонстауна в 2001 году. “Death Tape” стала формальным «доказательством вины» лидера «Храма народов» в силу содержащихся на ней призывов к «ритуальному самоубийству».

Как показали построенные модели LDA, семантический паттерн “cult” и родственные ему категории, наличие которых наблюдалось в топиках всех предыдущих рассматриваемых периодов, отсутствуют в распределении паттернов моделей для 2008 и 2018 годов. Тем не менее проявившийся в 2008 году на уровне макропозиций паттерн “pull of belief” свидетельствует о несколько настороженном отношении к религиозным движениям, сохранявшемся в то время. В 2018 году впервые на уровне макропозиций текстов был выявлен дискурс о стигматизированности жертв Джонстауна:

“The betrayal of Jonestown / The victims were stigmatized in 1978. We should know better” (16).

Как показал анализ структур текстов, материалы за 2008 год демонстрируют несколько типов дискурсивных репрезентаций «Храма народов». Первый тип завязан на дискурсе об осмыслении трагедии Джонстауна и ее последствий как травмы и персональной утраты выживших и родственников погибших, в ходе которого восприятия членов «Храма» здесь приобретает новое измерение. Модель репрезентации участников «Храма» трансформируется из каноничного «зависимые последователи» в «обманутые люди», чьи надежды были преданы:

- 1) “People did not join Peoples Temple so they could go down to a jungle and drink cyanide and die. They joined wanting to make a better world” (18).

Характерным становится и растожествление членов «Храма» и его лидера: Джонс все так же маркируется как причина трагедии, однако парадигма его репрезентаций смещается с акцентирования его безоговорочного «сумасшествия» на постулирование именно его интенций к совершению «революционного самоубийства»:

- 1) “the most evil man who walked the face of the Earth”, “stigma and guilt of having been “deceived””, “Hitler”, “authoritarian”, “bigoted” (12).

Таким образом, этому типу дискурса свойственна дестигматизация жертв, однако задаваемый в его рамках сценарий восприятия организации через трагедию сводит репрезентацию «Храма» к событиям Джонстауна и модели «Храм» — организация, в которой произошло массовое убийство / самоубийство.

Второй тип завязан на активизации антикультового дискурса, которая может быть объяснена двумя факторами. Во-первых, свое влияние оказали случаи массовой гибели членов двух других организаций, «Ветви Давидова» (1993) и «Небесных врат» (1997), сопоставление которых с трагедией Джонстауна встречалось и в образцах текстов за 1998 год. Во-вторых, оживление антикультовой риторики могли спровоцировать и документальные фильмы о Джонстауне — “Jonestown: The Life and Death of Peoples Temple” (2006) и “Jonestown: Paradise Lost” (2007), — сюжет которых выстраивается именно вокруг «культурной» стороны организации. На этой волне модель репрезентации «Храм» = культ» вновь выступила референтным основанием, и каноничные паттерны “cult”, “mass suicide”, “Jones’ cult” и т. д. обрели воспроизводство в прессе.

Модели репрезентаций «Храма», выявленные в образцах публикаций за 2018 год, в свою очередь, сигнализируют о критическом изменении дискурса о «Храме народов». В первую очередь оно заключается в смещении фокуса ее осмысления — с лидера организации как главной и определяющей силы на ее членов

и их цели. Основной вклад в это осмысление был сделан профессором Мур, а также Институтом Джонстауна, в результате работы которых каноническая модель репрезентации членов «Храма» как «безвольных жертв», пережившая к 2008 году трансформацию в модель их репрезентации как «обманутых людей, чьи надежды были преданы», превратилась в модель репрезентации «людей, имевших цель построения лучшего общества»:

- 1) “Contrary to popular belief, the members of the Peoples Temple did not go gently” (11);
- 2) “The Temple began as a church...”, “The Temple served the people of Indianapolis”, “...the Temple acquired a number of properties...” (10);
- 3) “The temple really became my family”, “We were trying to build a new world, a progressive socialist organization” (14).

В силу достижения «консенсуса» относительно роли Джонса в массовом убийстве / самоубийстве и, следовательно, ослабления концентрации на его личности редукция деятельности организации к лидеру была заменена экстраполяцией деятельности и идей ее членов на весь «Храм», более не маркируемый как «культ».

Таким образом, изначально сформированная общая модель репрезентации «Храма» как «деструктивного культа с безумным лидером, совершившего чудовищное самоубийство (/ убийство) в джунглях», доминирующая в дискурсе 1978–1988 годов, в период 1988–1998 годов пережила трансформацию в модель «Храм народов» — группу безвольных последователей / культ своего безумного лидера, совершивший самоубийство / убийство, с которым связана огромная трагедия выживших и родственников погибших», и к 2018 году превратилась в модель «Храм народов» — попытку построения людьми справедливого общества, которая закончилась неудачей, массовым самоубийством / убийством из-за их лидера».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе настоящего исследования была выдвинута гипотеза о том, что в связи с произошедшим за последние 20 лет раскрытием ранее недоступной архивной информации и возникновением альтернативных направлений изучения «Храма

народов» канон его репрезентации в СМИ мог измениться и обрести новые нарративные измерения. Как показали результаты анализа выбранного корпуса, эта гипотеза подтвердилась, на основании чего представляется возможным предложить следующую типологизацию моделей репрезентаций «Храма народов»:

- 1) 1978–1988 годы: «Храм народов» — деструктивный культ с безумным лидером, совершивший чудовищное самоубийство (убийство) в джунглях»;
- 2) 1988–1998 годы: «Храм народов» — группа безвольных последователей / культ своего безумного лидера, совершивший самоубийство / убийство, с которым связана огромная трагедия выживших и родственников погибших»;
- 3) 1998–2018 годы: «Храм народов» — попытка построения людьми справедливого общества, которая закончилась неудачей, массовым самоубийством / убийством из-за их лидера».

Одновременно с этим для публикаций всех периодов характерно и проявление канонических моделей, выделенных Йоргенсеном, и маркирование «Храма» как «культ». Подобное является следствием закрепления этой модели в дискурсе об организации и обусловлено тем, что на протяжении почти всех 40 лет жертвы трагедии были стигматизированы как «жертвы» своего «лидера», то есть в соответствии с антикультовым нарративом. Как результат, именно когнитивная модель «Храм» = культ» выступает референтной основой для восприятия организации, а также ее репрезентации даже в контексте альтернативного переосмысления.

Тем не менее независимо от присутствия этой модели на основании проведенного анализа можно сделать вывод о значительных изменениях в дискурсе о «Храме народов», выражающихся в трансформации модели репрезентации как самой организации, так и ее членов и лидера. И хотя все приведенные модели дискурсивных репрезентаций носят лишь частный характер и являются показательными для ограниченной выборки текстов, представленные в них сценарии и модели выступают основополагающими для формирования дискурса о «Храме

народов». Подобное главным образом обусловлено тем, что часть рассмотренных материалов принадлежит главным регуляторам мнения о «Храме народов» — Мур и Рейтерману. И рецепция формируемых ими моделей репрезентации «Храма» также встречается и в публикациях других авторов-репортеров наравне со ссылками на Институт Джонстауна и предоставляемые им источники.

Из этого следует, что «канон Джонстауна», о «закрытии» которого ставит вопрос Мур [Moore 2000], действительно не был закрыт, а наоборот, продолжает конкретизироваться и обрастать новыми нарративными измерениями. И хотя «Храм» как организация и его медийная репрезентация как предмет исследования нуждаются в дальнейшем изучении и переосмыслении, представляется возможным заключить о положительной тенденции отказа от ошибочного восприятия «Храма народов», наблюдающейся в динамике изменения дискурса об организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hall J.R.* Gone from the Promised Land: Jonestown in American Cultural History. London: Transaction Publishers, 1989.
2. Jonestown in the Arts // About Jonestown [Электронный ресурс] Режим доступа: https://jonestown.sdsu.edu/?page_id=83653. Дата обращения: 29.03.2019.
3. *Jorgensen D.L.* The social construction and interpretation of deviance: Jonestown and the mass media // *Deviant Behavior*, 1 : 3–4, 1980. P. 309–332.
4. *Moore R.* Before the tragedy at Jonestown, the people of Peoples Temple had a dream // About Jonestown / Articles / Articles by Rebecca Moore [Электронный ресурс] Режим доступа: https://jonestown.sdsu.edu/?page_id=84569. Дата обращения: 10.12.2018.
5. *Moore R.* Is the Canon on Jonestown Closed? // *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*, Vol. 4. No. 1. 2000. P. 7–27.
6. *Saliba J.A.* Understanding New Religious Movements. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

7. Törnberg A., Törnberg P. Combining CDA and topic modeling: Analyzing discursive connections between Islamophobia and anti-feminism on an online forum // *Discourse & Society*, 1–22, 2016. P. 1–22.
8. van Dijk T.A. *News Analysis: Case Studies of international and National News in the Press*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1988 (a).
9. van Dijk T.A., Kintsch, W. *Strategies of discourse comprehension*. New York: Academic Press, 1983.
10. van Dijk T.A. *News as discourse*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1988(b).
11. *Sociocognitive Discourse Studies. The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* / J. Richardson, J. Flowerdew (eds.). London and New York: Routledge, 2017. P. 26–43.
12. Walliss J. *Apocalyptic Trajectories: Millenarianism and Violence in the Contemporary World*. Peter Lang, 2004.
13. What is the definition of “revolutionary suicide”? // *About Jonestown / Frequently Asked Questions* [Электронный ресурс] Режим доступа: https://jonestown.sdsu.edu/?page_id=35348. Дата обращения: 29.03.2019.

ИСТОЧНИКИ

1. “Guyana Official Reports 300 Dead At Religious Sect’s Jungle Temple. Troops Find Bodies — Mass Suicide Is Indicated After Attack on Americans in Which 5 Were Slain” // *The New York Times*, November 20, 1978. A1.
2. Downie Jr. L. “370 More Bodies Found at Cult Camp in Guyana” // *The Washington Post*, November 25, 1978. A1.
3. Hatfield. L. D. “Utopian nightmare. Jonestown: What did we learn?” // *The San Francisco Examiner*, November 8, 1998 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sfgate.com/news/article/Utopian-nightmare-3060346.php>. Дата обращения: 27.04.2019.
4. Hinckle W. “Special issue: The ten days that shook San Francisco” // *The San Francisco Examiner*, November 6, 1988. P. 1, 4–34.
5. Hirsley M. “Lessons learned from Jonestown” // *The Chicago Tribune*, November 28, 1988. P. 20.

6. *Johnston D.* "Jim Jones — the Dark Side of a Man Preoccupied With Death, Sex" // *The Los Angeles Times*, November 24, 1978. P. 28–29.
7. *Klose B.* "Led to Darkness: The Saga of Jim Jones' Peoples Temple Still Resonates in The Bay Area and Beyond, and It's Ending Horrifies Today" // *The Press Democrat*, November 15, 1998. A1.
8. *Lattin D.* "10th Anniversary of Jonestown. Cults Still Pose Threat, Experts Say" // *The San Francisco Chronicle*, November 6, 1988. A2.
9. *Lattin D.* "Cults Now Blend Into American Life" // *The San Francisco Chronicle*, November 18, 1988. B3.
10. *Moore R.* "The promise of Jonestown — before the final day" // *The Chicago Tribune*, November 25, 2018. P. 25.
11. *Poster A.* "Jonestown teaches us that no one person can solve our problems", *The Washington Post*, November 18, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2018/11/18/jonestown-teaches-us-that-no-one-person-can-solve-our-problems/>. Дата обращения: 27.04.2019.
12. *Reiterman T.* "30 Years After Jonestown, Reasons for the Tragedy Are Still Elusive", *The Washington Post*, November 19, 2008.
13. *Reiterman T.* "Remembering Jonestown. "I lost all I had, which is my boys" // *The Los Angeles Times*, November 14, 1998. A1, A32 — A33.
14. *Reiterman T.* "They survived Jonestown, but lost only life they knew" // *The Chicago Tribune*, November 18, 2018. P. 34.
15. *Reiterman T.* "Two decades later: The search for a fitting tribute to Jonestown's 918 victims" // *The San Francisco Examiner*, November 15, 1998. D11.
16. *Scheeres J.* "The betrayal of Jonestown" // *The Los Angeles Times*, November 18, 2018. A29.
17. *Sipchen B.* "The Cult Wars. Ten Years After Jonestown, the Battle Intensifies Over the Influence of 'Alternative' Religions" // *The Los Angeles Times*, November 17, 1988 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1988-11-17-vw-257-story.html>. Дата обращения: 27.04.2019.
18. *Sward S.* "Ten days that shook the city", *The San Francisco Chronicle*, November 16, 2008. A1.

**EXCLUDED BY MISTAKE: THE IMAGE OF PEOPLES
TEMPLE IN U.S. PRESS (1978–2018)**

EKATERINA STETSYUK

Abstract. This article examines representations of Peoples Temple and in U.S. press during the period from 1978 to 2018. The article brings toward the analysis of textual and contextual factors which influence re-production of specific models of People Temple' representation, and presents the comparative analysis of this models used in each of the years considered: 1978, 1988, 1998, 2008 and 2018. This study is an attempt to show that, despite the conventional stigmatizing model "Temple = cult" which was the product of journalist mistake, the popular canon Peoples Temple is not closed but has acquired new narrative dimensions.

Keywords. Peoples Temple, new religious movements, cults, United States of America, media representations, media image, sociocognitive discourse studies, critical discourse studies.

Адрес электронной почты автора: ekat.v.stetsyuk@gmail.com

Transformacja tożsamości Europy w świetle koncepcji Ideologicznego Podsystemu Sterującego (IPS)

Adam Zamojski

Polska, Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach

Abstrakt. Tożsamość europejska zawiera odniesienia do źródeł naturalnych (geografia, DNA) i symbolicznych (filozofia grecka, system prawa rzymskiego, chrześcijaństwo). Dostrzec można zarys kierunków transformacji europejskiej przestrzeni symbolicznej. Miejsce tradycyjnych systemów filozoficznych zaczynać zajmować postmodernizm, recentywnizm i filozofia New Age. Chrześcijaństwo jest wypierane przez wierzenia sekt religijnych, religijność neopogańską oraz islam. Nowy europejski Ideologiczny Podsystem Sterujący ma charakter *in statu nascendi*.

Słowa kluczowe. Europa; tożsamość europejska; Andrzej Wierciński; Ideologiczny Podsystem Sterujący.

„Przypadki rozwoju takich systemów, jak: osobnik ludzki, populacja ludzka z jej kulturą albo gatunek ludzki w swej biokulturowej całości dostarczają dobitnych przykładów powiązania wartości adaptacyjnych z narastającą kontrolą nad otoczeniem.”¹

Andrzej Wierciński, Antropologia polityczna jako zastosowanie antropologii ogólnej do politologii

¹ A. Wierciński, A. Zamojski, R. Stefański, *Treść i zakres antropologii politycznej*, „Rocznik Politologiczny”, Nr 1/2003, red. A. Kasińska-Metryka, Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, Kielce 2003, s. 27.

INTERDYSCYPLINARNOŚĆ W RAMACH BADAŃ POLITOLOGICZNYCH

W badaniach politologicznych problemy o szczególnej nośności poznawczej często wymagają podejścia interdyscyplinarnego². Barbara Krauz-Mozer zauważa, że otwartość na społeczny wymiar nauk politycznych wymaga „stałej komunikacji z innymi dyscyplinami, zainteresowanymi badaniem ludzkiej kondycji; w pierwszej zaś kolejności wymaga nieustannie kształconej wyobraźni filozoficznej (ale także historycznej i socjologicznej)”³. Podobnie Teresa Sasińska-Klas opisując stan współczesnej metodologii w naukach politycznych akcentuje wagę interdyscyplinarności zauważając, że „badania interdyscyplinarne i zastosowanie podejścia interdyscyplinarnego, uwzględniającego metodologię wypracowaną w obrębie nauk społecznych (...) stało się w ostatnich kilkunastu latach silnym atutem współczesnej politologii”⁴.

Także Eugeniusz Ponczek w pracy *O możliwościach multidyscyplinarnej eksplanacji w badaniach politologicznych w Polsce*, wychodzi z przesłaniem by „politolodzy podchodzili do swojego przedmiotu badań w sposób interdyscyplinarny, a nawet multidyscyplinarny, co byłoby zjawiskiem pozytywnym i zarazem kreatywnym.”⁵ Zdaniem E. Ponczka podejście takie powinno zaowocować formułowaniem nieschematycznych i odkrywczych konstatacji⁶.

- 2 Rozbudowaną listę problematyki wymagającej interdyscyplinarnego podejścia znajdziemy w pracy Andrzeja Chodubskiego *O kształtowaniu się metody politologicznej*. (A. Chodubski, *O kształtowaniu się metody politologicznej*, [w:] *Podejścia badawcze i metodologie w nauce o polityce*, red.: B. Krauz-Mozer, P. Ścigaj, Księgarnia Akademicka, Kraków 2013, s. 437–438.)
- 3 B. Krauz-Mozer, *O potrzebie wyobraźni filozoficznej w politologii*, [w:] *Prawo — Władza — Społeczeństwo — Polityka. Księga jubileuszowa profesora Krzysztofa Pałeczkiego*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2006, s. 410.
- 4 T. Sasińska-Klas, *Najnowsze wyzwania w metodologii nauk społecznych — trendy, nowe podejścia i orientacje*, [w:] *Teoretyczne i metodologiczne wyzwania badań politologicznych w Polsce*, red.: A. Antoszewski, A. Dumała, B. Krauz-Mozer, K. Radzik, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2009, s. 27.
- 5 E. Ponczek, *O możliwościach multidyscyplinarnej eksplanacji w badaniach politologicznych w Polsce*, [w:] *Teoretyczne i metodologiczne wyzwania badań politologicznych w Polsce*, red.: A. Antoszewski, A. Dumała, B. Krauz-Mozer, K. Radzik, op. cit., s. 73.
- 6 Ibidem.

PROBLEMATYKA EUROPEJSKA A PODEJŚCIE INTERDYSCYPLINARNE

Problematyka europejska wymaga podejścia interdyscyplinarnego. Wskazuje na to — jak zauważa Franciszek Gołembski — jej „różnicowany zakres przedmiotowy badań, począwszy od uwarunkowań geograficznych, historycznych, antropologicznych, społecznych, politycznych, kulturalnych itp.”⁷ Multidyscyplinarne podejście do badań staje się niekiedy koniecznością ponieważ — według Franciszka Gołembskiego: „Istniejący aktualnie złożony system nauk humanistycznych sprawia, że brak jest możliwości jednorodnego ujęcia zagadnień związanych z problematyką europejską.”⁸

Funkcjonalność podejścia interdyscyplinarnego w ramach tej problematyki dostrzegają także Andrzej Chodubski, Andrzej Piskozub i Urszula Świętochowska — redaktorzy *Zeszytów Naukowych Cywilizacje w czasie i przestrzeni*. Badacze zauważają, że „nauka o cywilizacji jest sprzężona zwrotnie z historią, geografią człowieka, socjologią, etnologią i filozofią.”⁹

Podejście multidyscyplinarne w przypadku badania tożsamości cywilizacji europejskiej — tej egzemplifikacji tożsamości zbiorowej — jest funkcjonalne. Ten typ tożsamości (tożsamość zbiorowa) występuje na gruncie wielu dyscyplin. Nie tylko w tekstach podejmujących problematykę politologiczną (czy światopoglądową), ale także antropologiczną (tożsamość jednostki, syndrom osobowości naprzemiennej), socjologiczną (tożsamość grupowa, narodowa), aksjologiczną (wartości jako fundament tożsamości zbiorowej) czy eschatologiczną (objawienia św. Faustyny Kowalskiej)¹⁰ w kościele

⁷ F. Gołembski, *Cywilizacja europejska*, Wydawnictwo Poltext, Warszawa 2012, s. 26.

⁸ Ibidem, s. 31.

⁹ *Cywilizacje w czasie i przestrzeni*, Zeszyty Naukowe Nr 1, red.: A. Chodubski, A. Piskozub, U. Świętochowska, Uniwersytet Gdański, Wydział Nauk Społecznych, Katedra Nauki o Cywilizacji, Wydawnictwo Adam Marszałek, Gdańsk 1995, s. 5.

¹⁰ „O Jezu mój (...) Czuję, że mieszkasz we mnie z Ojcem i Duchem Świętym, a raczej czuję, że ja żyję w Tobie, o Boże niepojęty. Czuję, że się rozplątam w Tobie, jako jedna kropla w oceanie. Czuję, że jesteś na zewnątrz i we wnętrzościach moich, czuję, że jesteś we wszystkim, co mnie otacza, we wszystkim, co mnie spotyka.” (św. F. Kowalska ZBMB, *Dzienniczek. Miłosierdzie Boże w duszy mojej*, Wydawnictwo „Misericordia”, Kraków 2011, s. 294–295.). „O Panie, zanurz duszę moją w oceanie Bóstwa swego i udziel mi łaski poznania Ciebie

katolickim, mechanizm kompleksyfikacji i natura punktu Omega u ewolucjonisty chrześcijańskiego Teilharda de Chardin¹¹).

Badacz zajmujący się takim obiektem jak „tożsamość europejska”, stoi przed koniecznością rekonstrukcji konstytutywnych wartości kulturowych tej formy życia zbiorowego¹².

TRADYCYJNA TOŻSAMOŚĆ EUROPEJSKA

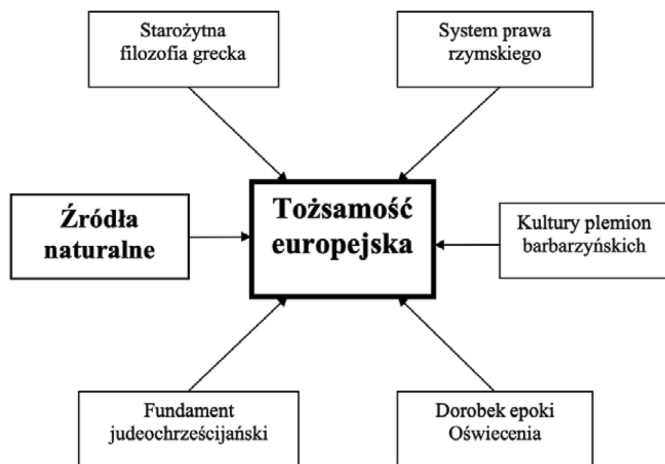
Tradycyjna tożsamość europejskiej cywilizacji może odwoływać się do licznych źródeł o charakterze symbolicznym: dorobku „miłośników mądrości” starożytnej Grecji, rzymskich jurystów, liczącej trzy tysiąclecia tradycji judeochrześcijańskiej, różnorodności kultur społeczności barbarzyńskich oraz przesyczonej scjentyzmem myśli oświeceniowej¹³.

Na schemacie blokowym (rysunek nr 1) przedstawiono zestawienie źródeł tożsamości europejskiej.

Ważnymi fundamentami tożsamości są również źródła naturalne: wspólna przestrzeń geograficzna oraz dziedzictwo genetyczne autochtonicznej populacji europejskiej. Homogeniczny charakter tej puli genetycznej został potwierdzony przez międzynarodowy zespół badawczy wykorzystujący najnowocześniejsze technologie służące do mapowania DNA mitochondrialnego i jądrowego¹⁴. Według genetyka Brana Sykesa — 95% Europejczyków ma geny należące do jednego z siedmiu typów DNA mitochondrialnego

(...). Czuję w swej duszy otchłani niezgłębioną, którą wypełnia tylko Bóg; rozpływam się w Nim, jako jedna kropla w oceanie.” (Ibidem, s. 355.)

- 11 „Wydaje się, że istnieje tylko jedna rzeczywistość zdolna objąć jednocześnie to, co nieskończenie małe, i to, co nieskończenie wielkie. Jest nią energia — ta płynna i powszechna rzeczywistość, z której wszystko się wyłania i do której wszystko powraca jak do oceanu. Energia, nowa postać ducha. Energia, nowy bóg. Omega i Alfa świata jest rzeczywistość bezosobowa.” (P. Teilhard de Chardin, *Rozum i wiara*, Instytut Wydawniczy Pax, Warszawa 2003, s. 51.)
- 12 Por. Z. Bokszański, *Tożsamości zbiorowe*, Wydawnictwo Naukowe PWN SA, Warszawa 2006, s. 69, 72.
- 13 Zob. N. Davies, *Europa — między Wschodem a Zachodem*, Wydawnictwo Znak, Kraków 2007, s. 19.
- 14 W efekcie rozpoczętego w 2005 roku projektu genograficznego, w którym wzięło już udział ponad 898 tys. uczestników ze 140 krajów, określono genetyczne pochodzenie i zróżnicowanie gatunku ludzkiego. (*The Human Story*, <https://genographic.nationalgeographic.com>, 27.03.2018.)

Rys. 1. Źródła tożsamości europejskiej

Źródło: A. Zamojski, *Tożsamość europejska — źródła naturalne i symboliczne*, „Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej”, Vol. 58/2013 Supplement, *Eugeniusz Górski in memoriam*, red.: H. Floryńska, P. Parszutowicz, Instytut Filozofii i Socjologii Polskiej Akademii Nauk, Warszawa 2013, s. 296.

(przekazywanego w linii żeńskiej) i wywodzi się od żyjących na Starym Kontynencie tzw. „siedmiu matek Europy”. Siedmiu europejskim grupom mtDNA, przypisano wiek z przedziału między 43 tys. a 8 tys. lat p. n.e.¹⁵

ANDRZEJA WIERCIŃSKIEGO IDEOLOGICZNY PODSYSTEM STERUJĄCY

Przy charakteryzowaniu kierunków transformacji tożsamości europejskiej warto skorzystać z koncepcji Ideologicznego Podsystemu Sterującego (IPS) autorstwa wybitnego antropologa i religioznawcy Andrzeja Wiercińskiego (1930–2003).

Homo sapiens — twór o dualnej naturze gatunkowej (małpia natura i psycho-mózgowy potencjał człowieczeństwa), dzięki wyposażeniu

¹⁵ Por. B. Sykes, *Przekleństwo Adama. Przyszłość bez mężczyzn*, Prószyński i S-ka, Warszawa 2007, s. 109.

w świadomość introspekcyjno-refleksyjną przejawia aktywność kulturową. Wykształcił też specyficznie ludzkie potrzeby uogólnionego poznania świata oraz poczucia sensu życia. Człowiek formułuje pytania natury eschatologicznej i przyjmuje perspektywę teleologiczną.

Andrzej Wierciński uważał, że kulturową reakcją przystosowawczą, zmierzającą do zaspokajania wspomnianych potrzeb (uogólnionego poznania świata oraz poczucia sensu życia) jest tworzenie światopoglądu — indywidualnie wytwarzanego, ale społecznie upowszechnianego ogólnego modelu świata, w którym wyznaczona jest pozycja człowieka i sens jego poczynania¹⁶.

Światopogląd określa ogólne prawdy o świecie i sposoby ich poznawania oraz ogólne cele dążeń ludzkich, a także dobór dopuszczalnych metod i środków wykorzystywanych do realizacji tych celów, czyli ogólną strategię postępowania ludzi¹⁷. Światopogląd zaspokaja również potrzeby uogólnionego poznania i poczucia sensu życia, nadając znaczenie działaniom ludzkim¹⁸. Aby światopogląd uczestniczył w sterowaniu społeczeństwem jako całością, musi — mówiąc językiem Andrzeja Wiercińskiego — wejść w skład tzw. ideologicznego podsystemu sterującego (IPS)¹⁹.

IPS (Ideologiczny Podsystem Sterujący) — pisze A. Wierciński w ważnym z punktu widzenia antropologii politycznej tekście pt. *Antropologiczna koncepcja rozwoju światopoglądowego ludzkości* — „obejmuje światopogląd i sprzężone z nim instytucje społeczne jako jego nośniki, które dysponują materialnymi wytworami kulturowymi, uczestniczącymi w pamięciowej rejestracji światopoglądu i w jego przekazie w drodze wychowania i kształcenia oraz w propagandowym jego podtrzymywaniu”²⁰.

Rysunek 2 przedstawia schemat funkcjonowania ideologicznego podsystemu sterującego w dowolnym społeczeństwie.

Przystosowawcze znaczenie Ideologicznego Podsystemu Sterującego w kulturowej adaptacji człowieka do otoczenia jest zdaniem

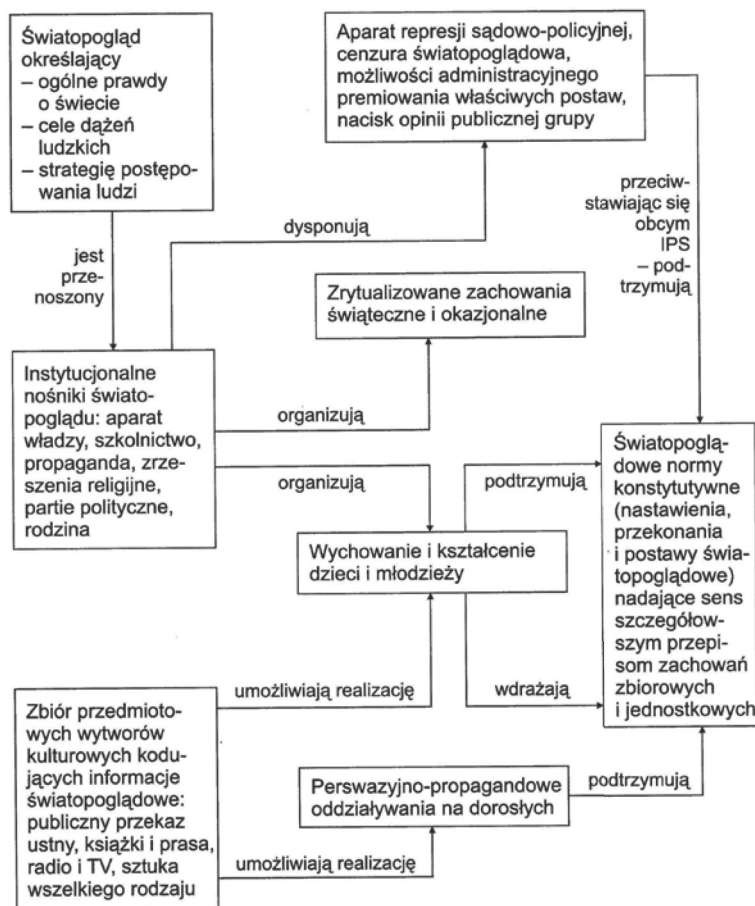
16 A. Wierciński, *Magia i religia. Szkice z antropologii religii*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2010, s. 120.

17 Ibidem.

18 Ibidem, s. 120–121.

19 Ibidem, s. 121.

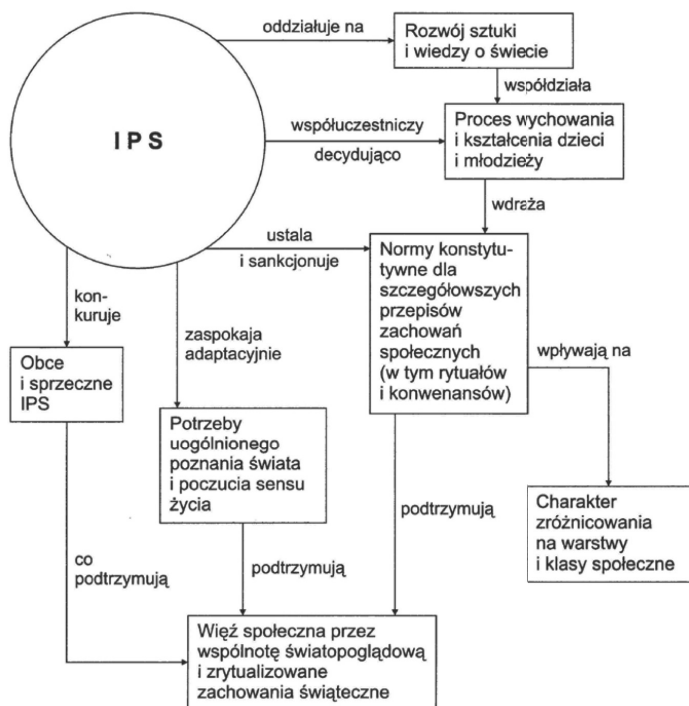
20 Ibidem, s. 121–122.

Rys. 2. Schemat blokowy istoty funkcjonowania ideologicznego podsystemu sterującego

Źródło: A. Wierciński, *Magia i religia. Szkice z antropologii religii*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2010, s. 121.

A. Wiercińskiego wyjątkowo duże. IPS prowadzi bowiem do strukturalizacji psychiki (zarówno w świadomej, jak i podświadomej części osobowości) przez wbudowanie układu skojarzeń poznawczo-emocyjnych będących źródłem podświadomych nastawień

Rys. 3. Schemat blokowy funkcji przystosowawczych ideologicznego podsystemu sterującego (IPS)

Źródło: A. Wierciński, *Magia i religia. Szkice z antropologii religii*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2010, s. 122.

oraz świadomych postaw i przekonań. Na skutek ich obecności ułatwione jest sterowanie zbiorowością społeczną (np. Europejczykami) za pomocą bodźców informacyjnych²¹. Można założyć, że również takim bytem jak cywilizacja europejska.

Wytwarzanie Ideologicznego Podsystemu Sterującego bez wątpienia stanowi specyficzną własność gatunkową²².

Dzięki wychowawczo wpojonemu światopoglądowi, człowiek

²¹ Por. ibidem, s. 122–123.

²² Ibidem, s. 123.

staje się nie tylko uwarunkowany przez genetyczną i biograficzną przeszłość, ale i układ celów o strukturze hierarchicznej (system wartości ideologicznie motywowanych) — czyli niejako przez antycypowaną przyszłość²³.

Na rysunku 3 przedstawiono ogół funkcji przystosowawczych ideologicznego podsystemu sterującego.

Spójrzmy pod tym kątem na zmiany zachodzące w obszarze tożsamości europejskiej.

IPS DLA TOŻSAMOŚCI EUROPEJSKIEJ NOWEGO TYPU

Wiele wskazuje na to, że współcześnie możemy mieć do czynienia z potencjałem pozwalającym na wykreowanie podstawy ideologicznej — Ideologicznego Podsystemu Sterującego — dla tożsamości europejskiej nowego typu. Symptomy ekspansji konkurencyjnych światopoglądów są w Europie coraz bardziej widoczne.

Ideologiczny Podsystem Sterujący, konstytuujący tożsamość europejską nowego rodzaju znajduje się w fazie kształtowania. Jednak sterownicza moc nowego światopoglądu wzrasta w sposób dostrzegalny. Jego ekspansję napędzają sprzężone ze światopoglądem nośniki instytucjonalne (aparatus władzy, partie polityczne, szkolnictwo, media) podporządkowujące się regułom poprawności politycznej, hamując zaś — przeciwstawiające się zbyt daleko idącym zmianom — tradycyjne zrzeszenia religijne (przede wszystkim chrześcijaństwo obrządku rzymsko-katolickiego) oraz wciąż względnie (względnie bo: konkubiny²⁴, prawo do adopcji dla par homoseksualnych²⁵) konserwatywna instytucja rodziny.

²³ Ibidem.

²⁴ Zdaniem Michała Królikowskiego, wiceministra sprawiedliwości w rządzie Donalda Tuska: „chodzą tu bowiem o to, by upodobnić konkubinatus do małżeństwa. (...) Obowiązki też tam są, ale mniejsze. Łatwiej taki konkubinatus rozwiązać, mniej jest zobowiązań. Państwo wprowadzając takie rozwiązanie, w istocie promuje więc mniej trwałe związki, co jest dla jego przyszłości i dla społeczeństwa szkodliwe.” (M. Królikowski, *Nie boję się gender*, „Do Rzeczy”, Nr 19/067, 5–11 maja 2014, s. 27.)

²⁵ Zob. K. Niklewicz, *Geje i lesbijki mogą adoptować dzieci*, „Gazeta Wyborcza”, Nr 281.4984, Sobota-niedziela 3–4 grudnia 2005, s. 6; K. Niklewicz, *Prawo do adopcji dla par homoseksualnych w Belgii*, „Gazeta Wyborcza”, Nr 280.4983, Piątek 2 grudnia 2005, s. 11. Zdaniem Joanny Szczepkowskiej (oskarżanej po napisaniu przez nią autobiograficznego tekstu *Homodziecinство* o homofobie) współcześnie w Europie „środowiska homoseksualne stanowią dużą siłę. Można się spierać, czy to dobrze, czy źle, ale najpierw to trzeba nazwać. Na Pla-

Kreatorzy „nowej” tożsamości europejskiej, dysponują już materialnymi wytworami kulturowymi kodującymi informacje światopoglądowe (poprawna politycznie sztuka filmowa i oferta stacji telewizyjnych „głównego nurtu”), starają się też pozyskać wpływy w aparacie sądowo-policyjnym (casus „rozgrzanych sędziów”) by uzyskać możliwość administracyjnego premiowania jedynie słusznych postaw. Siły te wykorzystując cenzurę światopoglądową i presję opinii publicznej zwalczają IPS (Ideologiczny Podsystem Sterujący) odwołujący się do tradycyjnych, symbolicznych źródeł tożsamości (wzmiankowanych już: filozofii starożytnych Greków, rzymskiego systemu prawnego, judeochrześcijaństwa czy kultury Oświecenia) oraz podejmują próbę wprowadzenia nowego Ideologicznego Podsystemu Sterującego (IPS).

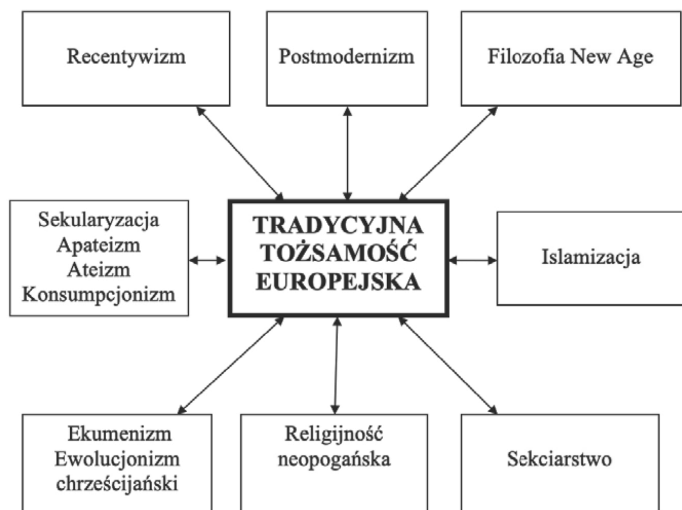
Nowy IPS — jak już wspomniano — ma charakter *in statu nascendi*. Gdyby jednak powstała panuniwersalistyczna religia (ewentualność taką zakładał Andrzej Wierciński²⁶), np. oparta na eklektycznym światopoglądzie zawierającym elementy recentywistycznej, postmodernistycznej i new age’owej filozofii, ekumenicznie łącząca w sobie zmerkantylizowane formy religijności neopogańskiej i wierzeń wybranych sekt, to powstałyby również jej instytucjonalne nośniki. Należy się spodziewać, że instytucje te dążyłyby do upowszechnienia nowego, synkretycznego światopoglądu, a przeciwstawiałyby się wpływom tradycyjnego chrześcijaństwa „rozcieńczanego” przez ekumenizm i ewolucjonizm chrześcijański, a otwarcie atakowanego: z jednej strony przez coraz bardziej aktywny konsumpcjonistyczny²⁷ ateizm wspierany przez instytucje laickiego państwa²⁸, a z drugiej agresywny demograficznie (wysoka

cu Zbawiciela stanęła „Tęcza” — symbol środowisk gejowskich. Znowu można się spierać, czy to dobrze, czy źle, ale tylko wtedy, jeśli powiedzą otwarcie: tak, tu stoi nasz symbol. Tymczasem w dyskusjach odżegnują się od tego, odwołują się do obrazów biblijnych i symboli religijnych.” (J. Szczepkowska, *Zawadzałam „Wyborczej”, „Do Rzeczy”,* Nr 23/071, 2–8 czerwca 2014, s. 17–18.)

²⁶ A. Wierciński, *Magia i religia. Szkice z antropologii religii*, op. cit., s. 133.

²⁷ Konsumpcjonizm poprzez totalną uniformizację, zniwelowanie zindywidualizowanych zachowań na rynku oraz formatowanie umysłów może szybko doprowadzić do degeneracji kultury i cywilizacji. O uniformizacji i procesie degeneracji kultury pisze antropolog kultury Krzysztof Jarosław Brozi. (K. J. Brozi, *Ludzie i kryzys cywilizacji. Szkice antropologiczne*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 1995, s. 93–95.)

²⁸ Zdaniem Bronisława Wildsteina „państwo buduje system prawny. I to państwo wychowuje człowieka. Od tej powinności nie może ono uciec i jeśli nawet dziś w naszej cywilizacji proponuje antymodel wychowawczy, to jest to także wy-

Rys. 4. Kierunki transformacji tożsamości europejskiej

Źródło: A. Zamojski, *Tożsamość cywilizacji europejskiej. Geneza, kompleks konstytuujący i kierunki transformacji*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, Kielce 2015, s. 293.

dzielnosc — zdecydowanie powyżej wskaźnika 2.1, przy średniej w UE na poziomie 1.6 oraz imigracja), fundamentalistyczny islam, planujący utworzenie na terenie Starego Kontynentu islamskiego kalifatu²⁹.

W efekcie powstałyby warunki do ukonstytuowania się ideologicznego podsystemu sterującego stanowiącego wsparcie dla tożsamości europejskiej nowego typu.

KIERUNKI TRANSFORMACJI TOŻSAMOŚCI EUROPEJSKIEJ

Na rysunku 4 przedstawiono prawdopodobne kierunki transformacji tożsamości europejskiej.

chowanie, tyle tylko, że nihilistyczne.” (B. Wildstein, *Zwodnicze uroki uproszczenia*, „Do Rzeczy”, Nr 27/075, 30 czerwca–6 lipca 2014, s. 59–60.)

²⁹ Idea kalifatu ma przede wszystkim uderzać w Zachód, ale także ma wskrzesić mityczny symbol dawnej potęgi muzułmanów. (P. Sasnal, *Logo kalifat*, „Polityka”, Nr 36 (2974), 3.09–9.09.2014, s. 52.)

CZYNNIKI WSPOMAGAJĄCE ZMIANĘ TOŻSAMOŚCI EUROPEJSKIEJ. GENDER

Czynnikami inicjującymi i wspomagającymi zmianę tożsamości europejskiej stały się jakiś czas temu oddolne ruchy zwolenników ideologii feministycznej, LGBTQ i gender skupione wokół haseł równościowych³⁰, choć zdaniem krytyków tych ruchów — nie chodzi tak na prawdę o równouprawnienie lecz o promocję tzw. „płynności płci”³¹.

Ted C. Lewellen pisze, iż „gender z definicji miał charakter kulturowy, co odróżniało go od pojęcia „płci” (*sex*)”³². Zdaniem socjologa Zbigniewa Bokszańskiego pojęcie *gender identity* dotyczy „kulturowo ukształtowanych wzorów autopercepcji własnej seksualności”³³. Socjolog Barbara Szacka uważa, iż pojęcie płci kulturowej ma fundamentalne znaczenie, ponieważ zwraca uwagę na „zmiennosc w czasie i przestrzeni pojęcia męskości i kobiecości, wzorów męczyzny i kobiety, treści ich ról oraz oczekiwań społecznych kierowanych pod ich adresem”³⁴.

Koncepcja tożsamości *gender* pojawiła się „w sytuacji kwestionowania przydatnej dotąd tradycyjnej kategorii wzorów osobowych obu płci, które przestały wystarczać do opisu i prób wyjaśnienia

³⁰ Według Michała Królikowskiego: „...bardzo cenną rzeczą w ruchu skupionym wokół ideologii gender jest zwracanie uwagi na problem przemocy wobec kobiet.” (M. Królikowski, *Nie boję się gender*, op. cit., s. 26.)

³¹ Pogląd taki wyraża na przykład Joanna Szczepkowska („Dlaczego w sprawie genderizmu wmawia się, że chodzi o równouprawnienie, podczas gdy idzie o tzw. płynność płci? To jest widoczne od lat, choćby w modzie. Może po prostu warto o tym rozmawiać? Może ktoś da się przekonać, że człowiek jest biseksualny albo że ewolucja idzie właśnie w tę stronę? Dlaczego się kryją, prowadzą walkę podjazdową? Przecież wystarczy dyskusja wokół Conchity Wurst... (...) Nie można udawać, że Conchita to po prostu eurowizyjna zabawa i nie ma tematu. Temat jest: idea, że człowiek jest seksualnie niejednoznaczny. Rozmawiamy więc o tym uczciwie i otwarcie.” — J. Szczepkowska, *Zawadzałam „Wyborczej”*, op. cit. s. 18.)

³² T. C. Lewellen, *Antropologia polityczna. Wprowadzenie*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2010, s. 157.

³³ Z. Bokszański, *Tożsamości zbiorowe*, op. cit., s. 60.

³⁴ B. Szacka, *Gender i płęć, [w:] Gender w społeczeństwie polskim*, red.: K. Slany, J. Struzik, K. Wojnicka, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2011, s. 21.

wielu przejawów życia społecznego”³⁵. Komentarzom nie było końca gdy zwycięzcą Eurowizji w 2014 r. zastał/została drag queen, transwestyta Conchita Wurst³⁶, a właściwie reprezentujący Austrię Thomas Neuwirth, który wizerunek Conchity przyjął w 2011 r.³⁷. Nieoczekiwane festiwal Eurowizji stał się „genderowym zderzeniem kultur”³⁸.

Zdaniem krytyków gender, w sporze dotyczącym tej ideologii nie chodzi o równy podział obowiązków domowych, czy parytety przy zatrudnieniu. Spór dotyczy fundamentu naszej tożsamości, wizji człowieka, tego kim będziemy³⁹. Według księdza Dariusza Oko — jednego z bardziej znanych krytyków gender — do istoty „genderyzmu” należy głoszenie, że „wszystko, co dotyczy seksualności, jako wytwór kultury podlega zmianie i negocjacji”⁴⁰. „Jeśli bowiem gender zakłada plastyczność płci, to znaczy, że uderza w samo jądro ludzkiej natury, burząc osobowość człowieka i, w dalszej kolejności, relacje międzyludzkie, a co za tym idzie, także rodzinę, czyli fundamentalną komórkę społeczną”⁴¹ — pisze Krzysztof Gędek w „Polonia Christiana”.

Wspominany już ks. Dariusz Oko uważa, że „genderyści” walczą o „zdobycie totalitarnej władzy absolutnej. Nie tolerują oni — wbrew temu, co głoszą — żadnych odmienności. Marzą o społeczeństwie totalnie zunifikowanym. Widać tu głębokie podobieństwo

³⁵ Z. Bokszański, *Tożsamości zbiorowe*, op. cit., s. 61.

³⁶ *Zwycięzcą Eurowizji drag queen z Austrii Conchita Wurst. Cleo i Donatan na 14. pozycji. Rosja wybuczana*, http://wyborcza.pl/1,75475,15940207,Rosja_wybuczana_zwyciezca_Eurowizji_drag_queen_z.html, 12.05.2014.

³⁷ „Thomas, jak sam stwierdził w jednym z wywiadów, nie chce być kobietą, a w domu jest — bardzo leniwym facetem zachowującym się jak królowa. Artysta studiował kierunek modowy na Graz School Of Fashion. Swoje alter ego Thomas wykreował z powodu wcześniejszej dyskryminacji jego orientacji seksualnej.” — <http://www.gazetawroclawska.pl/artukul/3431301,eurowizja-2014-wyniki-conchita-wurst-wygrala-na-ktorym-miejscu-cleo-kto-wygral-zdjecia-filmy,id,t.html>, 11.05.2014.

³⁸ J. Podgórska, *Kielbasa wyborcza*, „Polityka”, Nr 20 (2958), 14.05–20.05.2014, s. 6.

³⁹ M. Nykiel, *Pułapka gender. Kartki kontra orły. Wojna cywilizacji*, Wydawnictwo M, Kraków 2014, s. 11, 136.

⁴⁰ ks. D. Oko, *Wierzę w siłę prawdy*, „Polonia Christiana”, Nr 41, Listopad-Grudzień 2014, s. 30.

⁴¹ K. Gędek, *Bolszewicki gender*, „Polonia Christiana”, Nr 41, Listopad-Grudzień 2014, s. 31.

do marksizmu. Każdy, kto nie chce pozwolić na zdominowanie swego umysłu przez genderyzm, jest przezeń traktowany jako śmiertelny wróg, którego należy wyeliminować.”⁴²

Krytycy gender wiążą tę ideologię ze współczesną lewicą, a nawet bolszewizmem — „Współczesna lewica ściśle podąża śladem bolszewickich patronów ze swym głównym dziś programem — ideologią gender — jako nader skutecznym narzędziem niszczenia porządku naturalnego.”⁴³ O marksistowskiej twarzy gender prowadzącej do walki płci i degradacji instytucji rodziny pisze także w książce *Pułapka gender* Marzena Nykiel⁴⁴.

Z drugiej strony zdaniem filozofa Janusza Kucharczyka „chrześcijańscy genderyści” — których podobno nie brakuje — „widzą wręcz w Jezusie prekursora tego nurtu, wystarczy przypomnieć sobie o jego rozmowie z Samarytanką, relacjach z Marią i Martą, Marią Magdaleną, której jako pierwszej pokazał się po zmartwychwstaniu”⁴⁵.

POSTMODERNISTYCZNA TOŻSAMOŚĆ EUROPEJSKA. EKSPANSJA NOWEGO IPS

Działania zmierzające do stworzenia warunków sprzyjających ukonstytuowaniu się ideologicznego podsystemu sterującego, wspierającego ewoluowanie tożsamości europejskiej w kierunku „modernistyczno / postmodernistycznym”, są wspomagane przez protesty alterglobalistów, ekologów i zwolenników nowej lewicy. Ich aktywność ulega stopniowej instytucjonalizacji (w Polsce działania te związane są ze środowiskiem „Krytyki Politycznej”⁴⁶).

Ekspansja Ideologicznego Podsystemu Sterującego (IPS-u) stojącego u podstaw tożsamości europejskiej tego nowego typu, uzależniona jest od realizacji ogółu jego funkcji przystosowawczych⁴⁷. Nowy IPS powinien oddziaływać na rozwój wiedzy o świecie tak,

⁴² ks. D. Oko, *Wierzę w siłę prawdy*, op. cit., s. 29.

⁴³ K. Gędek, *Bolszewicki gender*, op. cit., s. 31.

⁴⁴ M. Nykiel, *Pułapka gender. Karły kontra orły. Wojna cywilizacji*, op. cit., s. 55–60.

⁴⁵ J. Kucharczyk, *Gender. O co tu chodzi?*, „Chrześcijanin”, Nr 04–06 2014, s. 34.

⁴⁶ Zakres aktywności środowiska „Krytyki Politycznej” jest scharakteryzowany na jej portalu — zob. <http://www.krytykapolityczna.pl/>, 30.04.2018.

⁴⁷ Zob. A. Wierciński, *Magia i religia. Szkice z antropologii religii*, op. cit., s. 122.

by była ona zgodna z systemowym paradygmatem⁴⁸. W ramach poznania naukowego takie próby już miały miejsce (fizyka kwantowa w ujęciu Fritjofa Capry⁴⁹, holistyczne spojrzenie na medycynę Zbigniewa Garnuszewskiego⁵⁰).

Aby nowy Ideologiczny Podsystem Sterujący (IPS) działał efektywnie, powinien mieć wpływ na proces wychowania i kształcenia. Tu miejsce dla edukacji typu gender⁵¹ (od realizowanych już — także w Polsce — kontrowersyjnych programów przedszkolnych, po cieszące się zainteresowaniem studentów kursy uniwersyteckie) i alternatywnych pedagogik⁵².

Omawiany IPS musiałby także ustalać i sankcjonować normy konstytutywne dla poszczególnych przepisów zachowań społecznych (ich wdrażaniem zajmowałby się proces wychowania i kształcenia) — tu byłoby miejsce dla konsekwencjonalistycznych (opartych na skutkach) systemów etycznych: od form uniwersalizowanych (utilitaryzm Jeremy'ego Benthama i Johna Stuarta Milla), do form ograniczonych (rodzinny firmizm i egoizm). Ewentualna krytyka Ideologicznego Podsystemu Sterującego (IPS-u) na tym poziomie byłaby przeprowadzana z pozycji deontologicznych systemów etycznych (opartych na powinnościach) — związanych z chrześcijaństwem w wydaniu tradycyjnym i ewolucjonistycznym, islamem, biocentryczną ekofilozofią (ekozofią).

NOWY EUROPEJCZYK?

Zasadnym wydaje się postawienie pytania, jakiego człowieka wychowa ewentualna — wykształcona w ramach nowego Ideologicznego

⁴⁸ W ramach paradygmatu systemowego zakłada się, iż funkcjonowanie systemu jako całości nie daje się sprowadzić do zsumowania własności jego części składowych oraz zwraca się szczególną uwagę na stronę informacyjną i sterowniczą rzeczywistości, a nie tylko na aspekty materiałowo-energetyczne. (Ibidem, s. 126.)

⁴⁹ Zob. F. Capra, *Tao fizyki*, Zakład Wydawniczy „Nomos”, Kraków 1994.

⁵⁰ Zob. Z. Garnuszewski, *Renesans akupunktury*, Wydawnictwo „Sport i Turystyka”, Warszawa 1988.

⁵¹ Zob. M. Nykiel, *Pułapka gender. Karły kontra Orły. Wojna cywilizacji*, op. cit., 179–205.

⁵² Zob. M. W. Poznańska, *Pedagogika alternatywna New Age. Propozycje pedagogiczne koncepcji osobowości i wychowania*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 1997.

Podsystemu Sterującego — instytucja „metapaństwa” europejskiego? Krytycy takiego — wirtualnego póki co — konstruktu piszą w tym kontekście o niebezpieczeństwach związanych z propagowaniem antymodelu wychowawczego, prowadzącego do nihilizmu, duchowej pustki, i w efekcie do rozpadu wspólnoty europejskiej⁵³.

Lech Jęczynek pisze w ostrzegawczym tonie, że możemy mieć do czynienia z próbą rozpuszczenia wiązań form życia społecznego wykryształizowanych na przestrzeni tysiącleci. Z próbą przekonania Europejczyków do porzucenia tradycyjnego modelu rodziny, idei narodu i religijności chrześcijańskiej w jej dotychczasowej formie. Zdaniem L. Jęczoneka ludzie, którzy nie są zorganizowani w ramach takich struktur jak narody, Kościoły, plemiona i rodziny, zmieniają się w zatowizowany tłum (echa *Korzeni totalitaryzmu* Hannah Arendt?), który staje się łatwym łupem „świetnie zorganizowanych i dysponujących nieograniczonymi środkami oligarchów, przekazujących polecenia coraz szerszym, ale coraz mniej świadomym kręgom wykonawców”⁵⁴.

W podobnie tonie wypowiada się także Patrick J. Buchanan pisząc: „Teraz wywrócił się do góry nogami nasz świat. To, co wczoraj było słuszne i prawdziwe, dzisiaj jest fałszem i złem. To, co niegdyś było niemoralne i karygodne — swoboda seksualna, aborcja, eutanazja, samobójstwo — stało się postępowe i chwalebne. Nietzsche nazywał to przewartościowaniem wszystkich wartości: dawne cnoty stają się grzechem, dawne grzechy stają się cnotą.”⁵⁵

Waldemar Łysiak w tekście *Pseudohumanizm* pisze wręcz o chaosie, jaki już ogarnął cały świat „w którym „postęp” morduje stare normy i wartości, w którym honor, cnota, rodzina i niegdyśiejsza „mieszczkańska moralność” (znaczenie cnót mieszczańskich dla cywilizacji łacińskiej podkreślał Feliks Koneczny, charakteryzując tę najlepszą z „metod ustroju życia zbiorowego”⁵⁶ — przyp. AZ) są odsyłane na śmietnik, a maszynowy pragmatyzm i orgiastyczny hedonizm

⁵³ B. Wildstein, *Zwodnicze uroki uproszczenia*, op. cit., s. 59–60.

⁵⁴ L. Jęczynek, *Dlaczego toniemy, czyli jeszcze nowsze Średniowiecze*, Zysk i S-ka Wydawnictwo, Poznań 2011, s. 55.

⁵⁵ P. J. Buchanan, *Śmierć Zachodu. Jak wymierające populacje i inwazje imigrantów zagrażają naszemu krajowi i naszej cywilizacji*, Wydawnictwo „Wektory”, Wrocław 2006, s. 12.

⁵⁶ F. Koneczny, *O wielości cywilizacji*, Wydawnictwo WAM, Księża Jezuici, Kraków 1996, s. 154.

rugują człowieczeństwo czyli serce. Toczy się zażarta walka pomiędzy obrońcami Dekalogu a heroldami leserferycznego permissywiizmu, pomiędzy kulturą a kontrkulturą, między zdrowym rozsądkiem a wrednością „political correctness”. Ten oszalały świat wojny multidyscyplinarnej (cywilizacyjnej, religijnej, rasowej, ideowej, kulturowej, płciowej, pokoleniowej, etycznej, każdej) wciąga też w swe miażdżące tryby działwę, której krzywdziciele mają usta pełne obłudnych frazesów.”⁵⁷

Z drugiej strony konformujący wpływ instytucji (IPS-u) ma swoje ograniczenia. Anselm L. Strauss już w 1959 r. w pracy *Zwierciadła i maski. W poszukiwaniu tożsamości* (*Mirrors and Masks. The Search for Identity*), zauważył: „Niektóre transformacje tożsamości oraz perspektywy zachodzą zgodnie z planami nakreślonymi przez przedstawicieli instytucji, lub przynajmniej są przez nich promowane; inne następują pomimo takiej regulowanej antycypacji, a nie dzięki niej; jeszcze inne transformacje zachodzą poza ramami najbardziej widocznych struktur społecznych”⁵⁸. Krótko mówiąc, trudno o ścisły determinizm w przypadku takiego tworzywa jak materia ludzka.

NOWY IPS W DZIAŁANIU

Normy konstytutywne mają wpływ na miejsce w hierarchii społecznej. W ramach nowego Ideologicznego Podsystemu Sterującego, warunkiem przynależności do europejskiej warstwy uprzywilejowanej, będzie prawdopodobnie umiejętność nadążania za poprawnościowymi trendami — wykreowanymi przez elitę władzy a upowszechnionymi przez media masowe. Wątpiącym w ich słuszność grozi zmarginalizowanie w społeczeństwie i ostracyzm ze strony Europejczyków „młodych, wykształconych, z wielkich miast”, nazywanych też przez niektórych publicystów — z racji kierowania się stadnym instynktem — „lemingami”⁵⁹.

⁵⁷ W. Łysiak, *Pseudohumanizm*, „Do Rzeczy”, Nr 22/070, 26 maja — 1 czerwca 2014, s. 99.

⁵⁸ A. L. Strauss, *Zwierciadła i maski. W poszukiwaniu tożsamości*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2013, s. 86.

⁵⁹ Ta niesformalizowana grupa społeczna ma już swojego kronikarza — prześmiewcę, został nim Rafał Ziemkiewicz. Zob. R. A. Ziemkiewicz, *Życie seksualne lemingów*, Wydawnictwo fabrykasłów, Lublin 2015.

Nowy IPS będzie zaspokajał adaptacyjnie potrzeby uogólnionego poznania świata i poczucia sensu życia (w nawiązaniu do conceptów powstałych na fundamencie filozofii reentywistycznej, postmodernizmu i synkretyzmu new age'owego), co będzie podtrzymywało (wraz z normami konstytutywnymi) więź społeczną dzięki wspólnocie światopoglądowej i zrytualizowanym zachowaniom świątecznym.

Więź społeczna mogłaby się manifestować poprzez nieformalne (niezinstytucjonalizowane dzięki sieciowej strukturze⁶⁰) spotkania członków rozmaitych Kościołów o sekciarskim charakterze oraz zrytualizowane zachowania świąteczne związane z odrodzoną obrzędowością pogańską. Z drugiej strony więź społeczna byłaby wzmacniana poprzez sformalizowane relacje realizowane w ramach pozostałości religijności tradycyjnego typu (np. przetransformowane chrześcijaństwo na bazie ewolucjonizmu Pierre'a Teilharda de Chardin) oraz przede wszystkim (na co wiele dziś wskazuje) – w obrębie ekspansywnego ideowo i demograficznie islamu (wysoka dzietność, migracja). Rafał Ziemkiewicz zauważa, iż „...zgodnie z unijnym prawem każdy przyjęty imigrant będzie miał możliwość sprowadzenia rodziny, co znaczy, iż każdą podaną liczbę trzeba będzie kilkakrotnie przemnożyć.”⁶¹ Co może budzić zdziwienie – islamska Arabia Saudyjska, jakiś czas temu oznajmiła, że – podobnie jak inne bogate państwa arabskie – żadnych imigrantów nie będzie przyjmować, ponieważ nie jest w stanie oddzielić ich od terrorystów, ale gotowa jest (z myślą o uchodźcach) sfinansować budowę w Europie dwustu nowych meczetów⁶². Wszystko to zmieni oczywiście w dłuższej perspektywie czasowej sytuację w Europie – jej skład etniczny, dominujący typ religijności. Jej kulturę materialną i duchową.

⁶⁰ Janusz Ruszkowski zauważa, że sieć jest zbiorem „relatywnie stabilnych, niehierarchicznych i współzależnych relacji pomiędzy różnymi aktorami w niej partycypującymi. Zatem sieć bazuje na braku sztywnych stosunków hierarchicznych”. (J. Ruszkowski, *Ponadnarodowość w systemie politycznym Unii Europejskiej*, Oficyna Wolters Kluwer, Warszawa 2010, s. 41.)

⁶¹ R. A. Ziemkiewicz, *To najeżdźcy, nie uchodźcy*, „Do Rzeczy”, Nr 38/137, 14–20 września 2015, s. 18.

⁶² Ibidem, s. 19.

ZAKOŃCZENIE

Nowy Ideologiczny Podsystem Sterujący będzie budował własną tożsamości konkurując z innymi IPS-ami. (O mechanizmie budowania własnej tożsamości na fundamencie niechęci do innych pisał Andrzej Jan Chodubski w pracy *O mimetycznym objaśnianiu rzeczywistości politycznej*⁶³.)

Nowy IPS będzie też zwalczał tradycyjne, zinstytucjonalizowane religie (zwłaszcza chrześcijaństwo w wydaniu katolickim) wraz z ich symboliką⁶⁴, proponując w zamian ich odpowiednio zmodernizowane i zmutowane wersje (ewolucjonizm chrześcijański), spłycone i oderwane od tradycyjnych źródeł (sekciarstwo) i poddane komercjalizacji (religijność new age'owa⁶⁵).

Zmerkantylizowanie religii nie wróży dobrze przyszłości tożsamości europejskiej. Andrzej Wierciński, w poświęconym eschatologii chrześcijańskiej artykule 666: *liczba imienia Bestii*, wykorzystując osadzone w judaizmie kabalistycznym hermeneutyczne procedury egzegezy gematrycznej (najprostsza i często stosowaną charakterystyką numerologiczną słowa jest suma jego cyfro-liter, zwana wartością zewnętrzną, przy czym uważa się, że istnieją tajemnicze związki semantyczne między słowami o identycznych tego typu sumach⁶⁶) do wyszukiwania sensów ukrytych w tekstach biblijnych (w tym wypadku w *Apokalipsie św. Jana*), napisał: „Według mego

⁶³ A. J. Chodubski, *O mimetycznym objaśnianiu rzeczywistości politycznej*, [w:] *Studia Gdańskie*, Tom XXXII, red. ks. A. Romejko, Gdańskie Seminarium Duchowne, Gdańsk Oliwa 2013, s. 207–220.

⁶⁴ Szefowie norweskiej publicznej telewizji NRK wezwali na rozmowę prezenterkę Siv Kristin Saellmann ponieważ nosiła na wizji złoty krzyżyk (do NRK zadzwonił żądając interwencji oburzony widz). „Jak podała BBC, przełożony prezenterki Anders Sarheim nakazał podwładnej, aby nigdy więcej nie zakładała krzyżyka. Siv Kristin Saellmann — chrześcijanka (podobnie jak ponad 75 proc. Norwegów) — jest tym poleceniem oburzona. (...) W jej obronie stanął prawicowy polityk Vidar Kleppe, który zapytał, jak to możliwe, że mały krzyżyk jest przez telewizję uznawany za „prowokacyjny”, a w norweskiej armii żołnierze innych wyznań mogą nosić turbany i muzułmańskie hidżaby.” (J. Przybylski, *Krzyże na wizji surowo zakazane*, „Do Rzeczy”, Nr 42/042, 12–17 listopada 2013, s. 73.)

⁶⁵ Zob. A. Zamojski, *New Age. Filozofia, religia i paranauka*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2002, s. 351–352.

⁶⁶ A. Wierciński, *Przez wodę i ogień. Biblia i Kabała*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 1996, s. 18.

ostatecznego przekonania sens 666 odnosi się przede wszystkim do *całkowicie skomercjalizowanej religii* u krańca czasów ze wszystkimi jej korelatami i konsekwencjami.”⁶⁷

Walka Ideologicznego Podsystemu Sterującego in statu nascendi z IPS-em tradycyjnym, będzie oczywiście integrowała tzw. „światłych Europejczyków” wokół systemu „nowoczesnej”, politycznie poprawnej tożsamości. Marek Magierowski pisze w tym kontekście o możliwym faszyzmie „spod znaku sierpa, młota i tęczy”⁶⁸. A może i półksiężyc?

Oby tylko pozostawiono niszę ekologiczną dla niepoprawnych politycznie wolnomysłicieli.

LITERATURA

1. Bokszański Z., *Tożsamości zbiorowe*, Wydawnictwo Naukowe PWN SA, Warszawa 2006.
2. Brozi K. J., *Ludzie i kryzys cywilizacji. Szkice antropologiczne*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 1995.
3. Buchanan P. J., *Śmierć Zachodu. Jak wymierające populacje i inwazje imigrantów zagrażają naszemu krajowi i naszej cywilizacji*, Wydawnictwo „Wektory”, Wrocław 2006.
4. Capra F., *Tao fizyki*, Zakład Wydawniczy „Nomos”, Kraków 1994.
5. Chodubski A., *O kształtowaniu się metody politologicznej, [w:] Podejścia badawcze i metodologie w nauce o polityce*, red.: B. Krauz-Mozer, P. Ścigaj, Księgarnia Akademicka, Kraków 2013.
6. Chodubski A. J., *O mimetycznym objaśnianiu rzeczywistości politycznej, [w:] Studia Gdańskie*, Tom XXXII, red. ks. A. Romejko, Gdańskie Seminarium Duchowne, Gdańsk Oliwa 2013.
7. *Cywilizacje w czasie i przestrzeni*, Zeszyty Naukowe Nr 1, red.: A. Chodubski, A. Piskozub, U. Świętochowska, Uniwersytet Gdański, Wydział Nauk Społecznych, Katedra Nauki o Cywilizacji, Wydawnictwo Adam Marszałek, Gdańsk 1995.

⁶⁷ A. Wierciński, *666: liczba imienia Bestii*, „Nomos. Kwartalnik Religioznawczy”, Nr 10, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 1995, s. 29.

⁶⁸ M. Magierowski, *Sierp, młot i tęcza*, „Do Rzeczy”, Nr 22/070, 26 maja — 1 czerwca 2014, s. 15.

8. Davies N., *Europa — między Wschodem a Zachodem*, Wydawnictwo Znak, Kraków 2007.
9. Garnuszewski Z., *Renesans akupunktury*, Wydawnictwo „Sport i Turystyka”, Warszawa 1988.
10. Gędłek K., *Bolszewicki gender*, „Polonia Christiana”, Nr 41, Listopad-Grudzień 2014.
11. Gołębski F., *Cywilizacja europejska*, Wydawnictwo Poltext, Warszawa 2012.
12. http://www.gazetawroclawska.pl/arttykul/3431301_eurowizja-2014-wyniki-conchita-wurst-wygrala-na-ktorym-miejscu-cleo-kto-wygral-zdjecia-filmy_id_t.html, 11.05.2014.
13. <http://www.krytykapolityczna.pl/>, 30.04.2018.
14. Jęczmyk L., *Dlaczego toniemy, czyli jeszcze nowsze Średniowiecze*, Zysk i S-ka Wydawnictwo, Poznań 2011.
15. Koneczny F., *O wielości cywilizacji*, Wydawnictwo WAM, Księga Jezuici, Kraków 1996.
16. św. Kowalska F. ZBMB, *Dzienniczek. Miłosierdzie Boże w duszy mojej*, Wydawnictwo „Misericordia”, Kraków 2011.
17. Krauz-Mozer B., *O potrzebie wyobraźni filozoficznej w politologii, [w:] Prawo — Władza — Społeczeństwo — Polityka. Księga jubileuszowa profesora Krzysztofa Pałeckiego*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2006.
18. Królikowski M., *Nie boję się gender*, „Do Rzeczy”, Nr 19/067, 5–11 maja 2014.
19. Kucharczyk J., *Gender. O co tu chodzi?*, „Chrześcijanin”, Nr 04–06 2014.
20. Lewellen T. C., *Antropologia polityczna. Wprowadzenie*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2010.
21. Łysiak W., *Pseudohumanizm*, „Do Rzeczy”, Nr 22/070, 26 maja — 1 czerwca 2014.
22. Magierowski M., *Sierp, młot i tęcza*, „Do Rzeczy”, Nr 22/070, 26 maja — 1 czerwca 2014.
23. Niklewicz K., *Geje i lesbijki mogą adoptować dzieci*, „Gazeta Wyborcza”, Nr 281.4984, Sobota-niedziela 3–4 grudnia 2005.
24. Niklewicz K., *Prawo do adopcji dla par homoseksualnych w Belgii*, „Gazeta Wyborcza”, Nr 280.4983, Piątek 2 grudnia 2005.
25. Nykiel M., *Pałapka gender. Karły kontra orły. Wojna cywilizacji*, Wydawnictwo M, Kraków 2014.

26. ks. Oko D., *Wierzę w siłę prawdy*, „Polonia Christiana”, Nr 41, Listopad-Grudzień 2014.
27. Podgórska J., *Kiełbasa wyborcza*, „Polityka”, Nr 20 (2958), 14.05–20.05.2014.
28. Ponczek E., *O możliwościach multidyscyplinarnej eksplanacji w badaniach politologicznych w Polsce*, [w:] *Teoretyczne i metodologiczne wyzwania badań politologicznych w Polsce*, red.: A. Antoszewski, A. Dumała, B. Krauz-Mozer, K. Radzik, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2009.
29. Poznańska M. W., *Pedagogika alternatywna New Age. Propozycje pedagogiczne koncepcji osobowości i wychowania*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 1997.
30. Przybylski J., *Krzyże na wizji surowo zakazane*, „Do Rzeczy”, Nr 42/042, 12–17 listopada 2013.
31. Ruszkowski J., *Ponadnarodowość w systemie politycznym Unii Europejskiej*, Oficyna Wolters Kluwer, Warszawa 2010.
32. Sasińska-Klas T., *Najnowsze wyzwania w metodologii nauk społecznych — trendy, nowe podejścia i orientacje*, [w:] *Teoretyczne i metodologiczne wyzwania badań politologicznych w Polsce*, red.: A. Antoszewski, A. Dumała, B. Krauz-Mozer, K. Radzik, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2009.
33. Sasnal P., *Logo kalifat*, „Polityka”, Nr 36 (2974), 3.09–9.09.2014.
34. Strauss A. L., *Zwierciadła i maski. W poszukiwaniu tożsamości*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2013.
35. Sykes B., *Przekleństwo Adama. Przyszłość bez mężczyzn*, Prószyński i S-ka, Warszawa 2007.
36. Szacka B., *Gender i płeć*, [w:] *Gender w społeczeństwie polskim*, red.: K. Slany, J. Struzik, K. Wojnicka, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2011.
37. Szczepkowska J., *Zawadzałam „Wyborczej”*, „Do Rzeczy”, Nr 23/071, 2–8 czerwca 2014.
38. Teilhard de Chardin P., *Rozum i wiara*, Instytut Wydawniczy Pax, Warszawa 2003.
39. *The Human Story*, <https://genographic.nationalgeographic.com>, 27.03.2018.
40. Wierciński A., *Magia i religia. Szkice z antropologii religii*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2010.

41. Wierciński A., *Przez wodę i ogień. Biblia i Kabała*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 1996.
42. Wierciński A., 666: *liczba imienia Bestii*, „Nomos. Kwartalnik Religioznawczy”, Nr 10, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 1995.
43. Wierciński A., Zamojski A., Stefański R., *Treść i zakres antropologii politycznej*, „Rocznik Politologiczny”, Nr 1/2003, red. A. Kasińska-Metryka, Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, Kielce 2003.
44. Wildstein B., *Zwodnicze uroki uproszczenia*, „Do Rzeczy”, Nr 27/075, 30 czerwca–6 lipca 2014.
45. Zamojski A., *New Age. Filozofia, religia i paranauka*, Zakład Wydawniczy »NOMOS«, Kraków 2002.
46. Zamojski A., *Tożsamość cywilizacji europejskiej. Geneza, kompleks konstytuujący i kierunki transformacji*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, Kielce 2015.
47. Zamojski A., *Tożsamość europejska — źródła naturalne i symboliczne*, „Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej”, Vol. 58/2013 Supplement, Eugeniusz Górski in memoriam, red.: H. Floryńska, P. Parszutowicz, Instytut Filozofii i Socjologii Polskiej Akademii Nauk, Warszawa 2013.
48. Ziemkiewicz R. A., *To najeżdźcy, nie uchodźcy*, „Do Rzeczy”, Nr 38/137, 14–20 września 2015.
49. Ziemkiewicz R. A., *Życie seksualne lemingów*, Wydawnictwo fabrykałów, Lublin 2015.
50. *Zwycięzcą Eurowizji drag queen z Austrii Conchita Wurst. Cleo i Donatan na 14. pozycji. Rosja wybuczana*. http://wyborcza.pl/1,75475,15940207,Rosja_wybuczana_zwyciezca_Eurowizji_drag_queen_z.html, 12.05.2014.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРОПЫ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ УПРАВЛЯЮЩЕЙ ПОДСИСТЕМЫ (ICS)

АДАМ ЗАМОЙСКИЙ

Аннотация. Европейская самотождественность опирается на материальное измерение, которое представляет собой конкретное географическое пространство. Источником нашей

общей идентификации может быть также наша ДНК. Европейская самотождественность опирается также на символическое измерение (греческую философскую мысль, законодательную систему Рима, христианские корни). В вопросе дальнейшего развития европейской самотождественности мы видим появление новой эволюционной фазы (постмодернизма, рецентивизма, философской системы New Age). Со своей стороны взгляды сектантства, неоязычества и ислама влияют на христианство. Новая европейская идеологическая подсистема управления является одним из возможных сценариев (*in statu nascendi*).

Ключевые слова. Европа, европейская самотождественность, Андрей Верцинский, идеологическая подсистема управления.

THE TRANSFORMATION OF EUROPEAN IDENTITY IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF THE IDEOLOGICAL CONTROL SUBSYSTEM (ICS)

ADAM ZAMOJSKI

Abstract. European identity contains references to natural sources (geography, DNA) and symbolic sources (Greek philosophy, Roman law, Christian tradition). You can see the outline of the directions in which a European symbolic sphere transformation will take place. Traditional philosophical systems have started to be taken over by postmodernism, recentivism and New Age philosophy. Christianity is being replaced by beliefs of religious sects, Neo-pagan religions and islam. New European Ideological Control Subsystem will soon be created (*in statu nascendi* character).

Keywords. Europe; European identity; Andrzej Wierciński; Ideological Control Subsystem

Адрес автора: adam.zamojski@ujk.edu.pl

Учебное издание
Заказное издание

Ошибка

Теория и практика гуманитарных исследований
Сборник научных трудов проекта NOT ONLY 2019

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*
Редактор *Л. Ф. Королева*
Дизайн обложки *Н. А. Кильдишевой*
Оригинал-макет *О. З. Элоева*
Верстка *В. В. Вишняковой*

Подписано в печать 30.06.2020. Формат 60×90/16.
Гарнитура «PT Serif Pro». Усл. печ. л. 10,76.
Тираж 500 (1-й завод — 117) экз. Заказ № 406.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
www.ranepa.ru
delo@ranepa.ru
Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82